

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Сочинения протоиерея Петра Смирнова

Вып. 1

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Кол. № 648.

СОЧИНЕНІЯ

Протоіерея Петра Смирнова,

Настоятеля С.-Петербургскаго Исаакіевскаго
каедральнаго собора.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

БИБЛИОТЕКА
Одес. Дух. Семинарии
Отд. XIII № 253
С-50 ИМБ. 15.464

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица,
1896.

О ЦЕРКВИ *).

Важность вопроса о церкви. Недоумѣніе относительно церкви. Обширность ученія о ней и тѣсная связь сего ученія со всею системою Богословія.

Въ настоящее время особенное значеніе получаетъ давній вопросъ о церкви. Чувствуется, что тяжело живетъ, когда ослабѣла ея материнская власть. Хочется возвратиться подъ ея крыло. И мудрые міра сего начинаютъ склоняютъ передъ нею свое гордое чело. И простецы, полагающіе спасеніе въ буквѣ, чувствуютъ, что не въ двуперстїи и не хожденїи посолонь главный ихъ вопросъ, а въ томъ, не отпали-ли они отъ церкви.

Что же есть церковь, и почему такъ тяжело, такъ страшно быть внѣ ея?

Что могло бы быть ближе къ намъ понятія о церкви? Какъ не знать своей матери? Но есть у нѣкоторыхъ тяжелыя недоумѣнія о ней: смѣшиваютъ ее съ обществомъ, видятъ въ ней какъ бы особенное государство, или часть государства, имѣющую средоточіе въ духовенствѣ. По-

*) Чтеніе въ общемъ собранїи С.-Петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, 22 Марта 1887 года.

этому бояться, какъ бы эта часть государства не усилилась на счетъ другихъ его частей и въ подрывъ имъ, и вотъ, лишь только какая либо мѣра идетъ отъ церкви, говорятъ: „это клерикализмъ,— надо непременно его по-задержать, не дать усилиться, разростись этому влиянію“, и указываютъ примѣры на западѣ, какъ, дѣйствительно, духовенство захватывало тамъ права и дѣйствія, принадлежащія свѣтской власти.

О, сколько бѣдъ испытала наша православная Греко-Россійская церковь отъ этого запада, и вотъ и теперь *этотъ грѣхъ запада* является для столь многихъ изъ ея чадъ камнемъ преткновенія въ отношеніяхъ къ ней. Клерикализмъ — противенъ церкви въ самомъ корнѣ, а намъ, ея служителямъ, противенъ несравненно болѣе, чѣмъ тѣмъ, которые его въ насъ опасаются.

Церковь, дѣйствительно, есть общество, но совершенно иное, чѣмъ другія гражданскія, или вообще человѣческія общества.

Чтобы хотя нѣсколько уяснить себѣ эти черты отличія, надобно перенестись мыслію далеко. Ученіе о церкви имѣетъ тѣсную связь почти со всѣми великими тайнами Откровенія, а именно съ тайнами Троицы и творенія, паденія и искупленія рода человѣческаго, благодати и загробной вѣчной жизни. Каждая изъ этихъ свѣтоносныхъ таинъ вноситъ въ это ученіе свой свѣтъ, проясняетъ тѣ или другія черты въ понятіи о церкви, такъ что, хотя бѣглымъ и скользящимъ по поверхности взоромъ, надобно пройти чрезъ всю великую область Богословія. Не напрасно богомудрые отцы дали въ Символѣ вѣры ученію о церкви средоточное мѣсто. Она представляетъ въ себѣ дѣйствительное средоточіе и Божественныхъ дѣйствій, и ангельскихъ, и человѣческихъ.

Тайна Пресвятыя Троицы и творенія міра. Церковь, какъ соборъ Ангеловъ и человѣковъ. Существенныя свойства Церкви.

Тайна Пресвятыя Троицы намъ говоритъ: Богъ единъ, но не одинокъ, жизнь Его вѣчно полна и блаженна въ живомъ и непрестанномъ общеніи Трехъ Лицъ. Посему Онъ не имѣлъ и не имѣетъ никакой нужды въ тваряхъ и, если сотворилъ міръ, то единственно по любви, коренное свойство которой заключается въ томъ, чтобы разливать вокругъ себя жизнь и счастье. И вотъ, по желанію этой Божественной любви, возникаютъ міры — сперва духовный или Ангельскій, затѣмъ видимый или вещественный, наконецъ, тотъ и другой соединяются въ маломъ мірѣ — человѣкѣ. Чрезъ твореніе дары жизни щедро рукою разсыпаны, и необозримое множество самыхъ разнообразныхъ тварей пользуются жизнью, кто какъ можетъ и умѣетъ. Разумно-свободныя существа, какъ Ангель и человѣкъ, болѣе могутъ пользоваться ею, чѣмъ твари неразумныя. Посему они призываются благостію Божіею въ особенное царство, въ домъ Божій, къ особенному преимущественному участію въ дарахъ и благахъ Божественной жизни. Вотъ первое понятіе о церкви, которое непосредственно вытекаетъ изъ самыхъ ея наименованій *ἐκκλησία* (созываніе) и *κυριακόν* (домъ Господень). Начало церкви, по этому первому о ней понятію, современно началу міра.

Остановимся на этомъ понятіи о церкви и постараемся опредѣлить ея существенныя черты. Церковь есть общество разумно-свободныхъ существъ Ангеловъ и человѣковъ, изъ всѣхъ тварей въ особенности, въ силу ихъ разумности и свободы, призванныхъ къ участію не только въ дарахъ Божественной жизни, но и въ самыхъ нрав-

ственныхъ совершенствахъ этой жизни. Къ усвоенію какихъ именно совершенствъ Божественной жизни призваны эти разумно-свободныя существа, можно объяснить уже при свѣтѣ новозавѣтнаго Откровенія, по руководству самой церкви. Вѣрую, говорится въ Символѣ, во *едину святую, соборную и апостольскую церковь*. Правда, что этими чертами означаетъ христіанская православная церковь. Это ея свойства и отличія отъ другихъ христіанскихъ церквей, инославныхъ общинъ, сектантскихъ и раскольничьихъ. Если эти послѣднія не обнаруживаютъ этихъ свойствъ истинной церкви, ясный признакъ лживости того пути, на который они встали. Но черты эти не только отличительныя православной церкви, но и основныя въ церкви вообще: онѣ принадлежатъ ей по самому существу ея — и суть характеристическія черты ея во всей ея необъятной широтѣ, простирающейся и на небо, и на землю, на весь Божій міръ видимый и невидимый. Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ великомъ дѣлѣ искупленія не вновь творить людей, а возсоздалъ и возвращалъ имъ съ избыткомъ то, что всѣ мы потеряли въ паденіи. Церковь есть сокровищница всѣхъ благъ. Разсмотримъ же подробнѣе, какія это основныя свойства церкви.

Совершенство Божественной жизни составляетъ единство въ Трехъ Лицахъ. *Тріє суть свідѣтельствуючіє на небеси — Отець, Слово и Святый Духъ: и сіи Тріє єдино суть* (1 Іоан. 5, 7). И въ этихъ тѣмахъ темъ Ангеловъ, и въ этихъ милліонахъ людей, которые должны составить единую церковь, должно водвориться подобное же, возможно полное, нравственное единеніе. *Да вси єдино будутъ, якоже ты, Отче во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ єдино будутъ* (Іоан. 14, 21), молился Господь о членахъ церкви. „Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы Отца

и Сына и Святаго Духа“, взываетъ къ намъ сама церковь. Вотъ первое основное свойство церкви — ея единство. Это единомысліе любви въ Ангелахъ и людяхъ не иначе возможно, какъ при свободномъ утвержденіи ихъ въ истинѣ и добрѣ. Отсюда возникаетъ второе существенное свойство церкви — святость. Святость есть соединеніе полной и совершенной свободы съ полнымъ также послушаніемъ закону, который въ свою очередь для достигаемаго святости сокращается въ одно слово — *Любовь*. *Святи будите, якоже Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). *Богъ любви есть, и пребываая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). Добрые Ангелы и многіе изъ людей уже достигли святости, а пребывающіе на землѣ члены церкви еще должны молиться: *да будетъ воля Твоя, якоже на небеси, и на земли*. Нераскаянные грѣшники и противники истины — отсѣкаются отъ церкви, какъ омертвѣвшій членъ отъ тѣла, какъ засохшая вѣтвь отъ дерева. По силѣ единенія въ истинѣ и любви и утвержденія въ святости, дается церкви участіе въ свойствахъ Божества: Богъ всевѣдущъ — церковь непогрѣшима, Богъ вседѣющъ — церковь отъ края до края земли, и на землѣ, и на небѣ, Богъ вѣченъ — церкви обѣщано вѣчное существованіе, Богъ блаженъ и чадамъ ея обѣщается вѣчное блаженство въ царствіи небесномъ. Такъ люди, по неизреченной милости Божіей, въ церкви возводятся на высоту Божественной жизни и сподобляются ея благъ и блаженства. Это возвышеніе членовъ церкви на пути уподобленія Богу совершается: а) при помощи Божіей и б) при взаимной помощи ихъ другъ другу. Отсюда открывается особенное значеніе въ церкви іерархіи, которая въ нашей земной церкви устроена по образу чиновначалій небесныхъ. Іерархи — посредники Божественной благодати и первые

слуги сочленовъ церкви. Одно изъ свойствъ Божественной премудрости заключается въ томъ, чтобы предначертанные ею великіе планы исполнялись ею же сотворенными существами, и служеніе другъ другу есть выраженіе Божественнаго закона любви, царствующаго въ церкви. Всѣ эти черты церкви совмѣщаются въ послѣднихъ двухъ ея свойствахъ, указанныхъ въ Символѣ: *трью въ соборную и апостольскую церковь*. — Свойство Апостольской принадлежитъ собственно земной православной церкви, ибо Апостолы вторыя основанія церкви — краеугольну суццу самому Іисусу Христу и отъ нихъ непрерывною цѣпью идетъ іерархія церкви православной. Это наиболѣе ясный и видный признакъ ея для вразумленія еретиковъ и раскольниковъ: кто не принимаетъ ученія апостольскаго и не повинуется церковной іерархії, восходящей къ Апостоламъ и нисходящей отъ нихъ, тотъ не членъ церкви. Но сей признакъ въ отношеніи ко всей церкви — небесной и земной можетъ быть нѣсколько обобщенъ и выраженъ такъ: церковь, достигающую своихъ великихъ цѣлей посредствомъ Богоучрежденной іерархії.

Уже изъ этого первоначальнаго и болѣе общаго понятія о церкви можно видѣть, какъ узки и низменны для нея, по этимъ великимъ ея цѣлямъ и при этомъ вселенскомъ ея объемѣ и протяженіи, были бы интересы какого-либо мѣстнаго или вообще только земнаго свойства. Но продолжимъ рѣчь далѣе, по выше указанному нами пути.

Тайна паденія и искупленія рода человѣческаго, церковь — какъ тѣло Христово.

Въ лицѣ одного изъ самыхъ высшихъ Ангеловъ явился сопротивникъ Богу и разоритель этого первоначальнаго

величественнаго плана церкви. Тогда открыта была сокровенная отъ самыхъ высшихъ и ближайшихъ къ Богу Ангеловъ тайна *искупленія человеческого рода*. Вмѣстѣ съ этой тайной является новый, несравненно болѣе величественный планъ церкви такой высоты, широты и глубины, какія превышаютъ разумъ не только человѣческой, но и Ангельской. Дерзкая тварь задумала разрушить дѣло Бога. Оставивъ ей всю данную силу для борьбы и сопротивленія, Господь исполнить желаніе своей любви и возведетъ человѣка въ высшее состояніе, чѣмъ въ какомъ онъ былъ до паденія, и въ какомъ былъ бы, еслибы удержался отъ паденія. Существенныя черты церкви тѣ же — быть единою, святою, соборною, іерархическою, но силы и средства даются членамъ ея чрезвычайныя: Богъ Сынъ дѣлается «человѣкомъ», чтобы встать въ самыя близкія отношенія къ человѣку, какъ къ другу, какъ къ брату, и ввести его въ столь же близкое единеніе съ Богомъ Отцемъ и Богомъ Святымъ Духомъ. Теперь уже и малы, и узки, и тѣсны для понятія церкви сдѣлались прежнія его рамки: церковь не есть уже общество Ангеловъ и людей... Церковь, по ученію Апостола, есть *тѣло Христово* (Еф. 5, 23).

Христосъ есть искупитель. Церковь выполнение великаго дѣла искупленія, богоизбранная среда, въ которой дѣйствуютъ силы Искупителя, и орудіе, чрезъ которое искупитель дѣйствуетъ въ мірѣ.

Душа и тѣло въ живомъ тѣлѣ не отдѣлимы. И ученіе о церкви теперь въ особенности и преимущественно связуется съ ученіемъ объ искупленіи.

Предвѣчный планъ искупленія и церкви христіанской.

Искупленіе, по предвѣднію Божію, было предопредѣлено прежде сложенія міра. Тогда же предначертанъ

быль и планъ церкви и, по предвѣдѣнію Божию, предопредѣлены были ея судьбы. Выше мы сказали, что начало церкви восходитъ къ началу міра. А теперь міръ является уже на второмъ планѣ, на первомъ и преимущественномъ мѣстѣ стоитъ церковь. „Самое твореніе міра, говоритъ знаменитый начертатель Церковно-Библейской исторіи (митрополитъ Филаретъ), можно разсматривать, какъ нѣкоторое приготовленіе къ созданію церкви, потому что конецъ, для котораго устроено царство природы, находится въ царствѣ благодати“, и въ своемъ изъясненіи на книгу Бытія даетъ глубокомысленное и подробное объясненіе, какъ съ самаго начала этой таинственной исторіи и до конца ея рисуется вся будущая судьба церкви, начиная съ этого неба на землѣ, т. е. жизни блаженныхъ прародителей въ раю, неба, покрытаго затѣмъ тьмою грѣхопаденія — до той великой субботы Бога и человѣковъ, которая наступитъ въ концѣ вѣковъ и продолжится въ вѣчномъ царствѣ славы. Такъ же точно, какъ бы уже готовая и совсѣмъ устроенная, отобразилась церковь въ спасительномъ ковчегѣ Ноевомъ, съ этою единою для него дверію, съ этими многими клѣтками не для однихъ только чистыхъ животныхъ, а отчасти и нечистыхъ, съ этою высокою горою, на которой онъ, послѣ бурь и непогодъ, безопасно остановился и съ этой масличной вѣтвію, символомъ мира и любви, въ устахъ именно голубя. Еще яснѣе отобразилась она въ скинни свидѣнія, устроенной по образу, показанному Моисею на горѣ. Чѣмъ ближе ко времени Мессіи, тѣмъ яснѣе и яснѣе обрисовываются ея черты, и уже не въ прообразахъ, а въ ясныхъ и опредѣленныхъ пророчествахъ. Изъ этихъ прообразовъ и пророчествъ открывается, что церковь есть особенное и преимущественное дѣло Бога въ мірѣ и составляетъ пред-

метъ особенныхъ попеченій Божіихъ. Пророки называютъ ее домомъ Божиимъ, кущею, *уже водрузи Господь*, цвѣтущею долиною, садомъ при рѣкѣ, алойными деревьями, насажденными Господомъ, кедромъ, высающимся къ небесамъ, горою Господнею, Сіономъ святымъ и вѣчнымъ, виноградомъ, невѣстою Христовою, матерію вѣрныхъ. Во всѣхъ этихъ пророчесственныхъ изображеніяхъ церкви неизмѣнно почти проходитъ одна струя, а именно слышится чувство необычайной духовной радости. Восхищенный на недоступную для смертныхъ высоту и объемля необозримые предѣлы и пространства церкви, духъ пророковъ не могъ не восторгаться чувствами любви и благодарности къ Богу, дивному въ своихъ дѣлахъ. Это о планѣ церкви; теперь о самомъ ея устроеніи.

Въ спасеніи человѣческаго рода, по ученію слова Божія, принимаютъ участіе всѣ Три Лица Пресвятыя Троицы. Эти божественныя дѣйствія именно и составляютъ исторію устроенія церкви.

Богу Отцу приписывается верховное распоряженіе судьбами церкви: а) воля о спасеніи людей; б) привлеченіе ихъ къ благодати Сына, и в) назначеніе предѣла собранію людей въ церковь. Первое изъ указанныхъ дѣйствій составляетъ тайну предвѣчнаго совѣта: *се иду, еже сотворити волю твою, Боже* (Евр. 10, 5—7, Пс. 39, 7—9), говоритъ здѣсь Сынъ Отцу. Последнее составляетъ тайну будущаго: *о дни томъ или о часѣ никто же вѣсть, ни Ангели, иже суть на небесахъ, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Мрк. 13, 32). Что касается привлеченія людей къ церкви, то это обозначилось явными путями Божественнаго промысла въ исторіи народовъ. Эта исторія показываетъ, что всѣ событія въ мірѣ направляются къ цѣлямъ церкви. Зачѣмъ, напимѣръ, были эти великія

движенія въ исторіи древнихъ народовъ, возникновеніе и паденіе всемірнихъ монархій—ассирійской, вавилонской, персидской, греко-македонской, то строжайшее уединеніе, то повсемѣстное разсѣянiе народа еврейскаго, соединеніе столькихъ народовъ подъ желѣзною властію Рима предъ временемъ Рождества Христова, вызовъ къ этому же времени новыхъ народовъ изъ глубинъ Азіи,— все это находить себѣ объясненіе въ исторіи устройства церкви, и тѣмъ вѣрнѣе и несомнѣннѣе, что было заранѣе въ подробностяхъ предуказано пророками.

Богъ Сынъ есть нашъ Искупитель и Основатель и Глава Церкви. Въ совершеніи этого великаго дѣла имѣетъ значеніе вся Его земная жизнь, особенно время Его общественнаго служенія, въ особенности же и по преимуществу три часа Его крестной смерти. Принесши себя въ жертву за всѣхъ людей, Христосъ, *первосвященникъ будущихъ благъ*, по слову Апостола, *не съ кровію темныхъ и агнцевъ, но съ своею кровію вошелъ въ святилище и приобрѣлъ намъ вѣчное искупленіе* (Евр. 9, 11, 12). *Единимъ приношеніемъ навсегда содѣлалъ совершенными освящаемыхъ* (10, 10, 12). Въ то же время одерживалась Имъ великая нравственная побѣда надъ древнимъ змѣемъ, которому нанесенъ былъ ударъ въ самую голову, и обезсиливались страшныя адскія силы. Поэтому три великіе часа Голгоетскаго жертвоприношенія были, если можно такъ сказать, рѣшительнымъ моментомъ созыванія въ церковь и самага ея на вѣки вѣчные незыблемаго основанія. Божественный Подвигоположникъ распростеръ руки на крестѣ, чтобы всѣхъ привлечь въ Свою церковь, и въ то же время полагалъ Себя во главу угла этого всемірнаго зданія, или дѣлался, по выраженію Апостола, краугольнымъ камнемъ церкви (Еф. 2, 20). Да позво-

лено будетъ здѣсь обратить особенное вниманіе на глубокознаменательное слово—*краугольный камень*, которое въ послѣднее время слишкомъ часто и неосторожно (чтобы не сказать кощунственно) употребляется о разныхъ мнимыхъ основахъ мелкаго и низменнаго свойства. Уголь соединяетъ двѣ стѣны съ разныхъ сторонъ идущія, и камнемъ краугольнымъ называется Господь Спаситель, и только онъ одинъ можетъ быть наименованъ, потому что онъ раззорилъ средостѣніе вражды и примирилъ вѣчное правосудіе съ прегрѣшившими и согрѣшающими людьми, и вмѣстѣ съ симъ раззорилъ и разрушилъ всѣ бывшія между ними средостѣнія, соединивъ въ Своей церкви Іудея и Еллина, варвара и скиѣа, мужескій полъ и женскій, раба и свободнаго, бѣднаго и богатаго: Онъ есть *Примиритель—чашіе языковъ*, и всѣхъ примиряетъ въ своей церкви, которую въ вѣчную свою неотъемлемую собственность *стяжалъ* Своею честною кровію.

Положивъ Себя краугольнымъ камнемъ церкви, Господь вслѣдъ за симъ: 1) торжественно, чрезъ побѣдоносное сошествіе во адъ и изведеніе изъ него праведныхъ душъ, присоединилъ къ ней церковь вѣтхозавѣтную, которая нашла въ Новозавѣтной свою цѣль свое исполненіе, какъ сѣнь или образъ въ тѣлѣ. 2) По воскресеніи Господа и особенно послѣ полнаго прославленія Его при вознесеніи на небо, торжественно воссоединена была земная церковь Его съ Ангельскою небесною, которой указаны новые пути для восхожденія къ совершенству не только въ исполненіе обязанностей князей и правителей цѣлыхъ странъ, народовъ и царствъ, на что видимъ указанія въ ветхозавѣтномъ писаніи, но и въ этомъ смиреннѣйшемъ служеніи Ангела хранителя

каждому христіанину въ особенности отъ дня рожденія до самой смерти его по образу смирившаго Себя до смерти, смерти же крестныя, едиnorodнаго Сына Божія. Объ этомъ великомъ для нашей церкви дѣлѣ вотъ слова Апостола: *Егда паки (Богъ Отець) вводитъ первороднаго во вселенную (рѣчь была ранѣе о прославленіи Господа при вознесеніи), глаголетъ: и да поклоняются Ему вси Ангели Божіи, и, вслѣдъ за симъ: не вси ли суть служебніи духи, въ служеніе посылаеми за хотящихъ насъ довести спасеніе* (Евр. 1, 6, 14). Должно замѣтить, впрочемъ, что это только одна сторона отношеній Ангельскаго міра къ церкви христіанской, открытая намъ для того, чтобы мы знали, къ кому намъ можно и должно обращаться въ нашихъ нуждахъ; но есть другія стороны участія Ангеловъ въ великой таинственной борьбѣ Агнца Божія съ древнимъ змѣемъ, для насъ непостижимыя, и вообще положеніе Ангельскаго міра въ церкви, этомъ таинственномъ тѣлѣ Христовомъ, составляетъ тайну, которая откроется тогда, когда состоится *та полнота времени*, о которой говоритъ Апостоль въ посланіи къ Ефесеямъ, когда церковь достигнетъ предопредѣленной ей мѣры—возраста Христова, и *подъ главою Христомъ соединится все и небесное, и земное* (Еф. 1, 10).

Богъ Святыи Духъ довершаетъ дѣло, совершенное Господомъ Исусомъ Христомъ. Почивая вѣчно въ Сынѣ Божіемъ, Онъ въ Немъ и чрезъ Него въ преизобиліи изливаетъ свои дары на церковь, которая есть тѣло Христово, и совершаетъ новое твореніе въ человѣческомъ родѣ по образу Икупителя. Въ лицѣ 12-ти Апостоловъ, на которыхъ Онъ сошелъ въ день Пятидесятницы, былъ приготовленный Господомъ Спасителемъ начатокъ церкви, или ея зародышъ, который, силою Всесвятаго Живо-

творящаго Духа, мгновенно какъ бы оживился, окрѣпъ непреодолимо противъ всѣхъ напастей и гоненій силою. Духъ Святыи дѣйствуетъ въ церкви и пребудетъ въ ней до скончанія вѣка. Теперь ученіе о церкви становится въ ближайшую связь съ ученіемъ о благодати.

Тайна благодати и Церковь, какъ среда спасающихся.

Благодатию въ особенномъ богословскомъ значеніи этого слова называется совокупность Божественныхъ силъ, даруемыхъ, по заслугамъ Икупителя, отъ Святаго Духа членамъ церкви для достиженія великихъ ея цѣлей, именно единенія ихъ съ Богомъ и взаимнаго въ истинѣ и любви, и освященія ихъ для вѣчнаго блаженства. Эта благодать Святаго Животворящаго Духа дѣйствуетъ во-первыхъ въ словѣ Божіемъ, во-вторыхъ въ таинствахъ, въ третьихъ въ такъ называемой церковности и другими непостижимыми для насъ способами, но непременно въ церкви и черезъ церковь.

Слово Божіе, возвѣщаемое церковію,—это *сѣмя*, т. е. начало новой жизни, живое, дѣйственное, въ вѣкъ пребывающее (I Петр. 1, 23; Иоан. 1, 18; Еф. 4, 18 и др.). Это *сѣмя жизни* развивается, крѣпнетъ, созрѣваетъ и плодоноситъ силою, сокрытою въ таинствахъ, которыя представляютъ собою какъ бы особые творческіе акты, совершаемые надъ человѣкомъ, приходящимъ къ церкви и живущимъ въ ней: въ крещеніи человѣкъ вновь рождается, въ миропомазаніи просвѣщается и укрѣпляется и т. д. Важнѣйшее изъ таинствъ есть Евхаристія: въ ней дано средство для постоянного прививанія членовъ церкви въ Главѣ ея, подобно тому, какъ вѣтвь прививается къ плодоносной маслинѣ и заимствуетъ отъ нея питательные и живительные соки. Такъ на

✠
БИБЛИОТЕКА
 № 02396

БИБЛИОТЕКА
 Одес. Дух. Семинарія
 Вид. _____
 Инв. 15.464

вся эта священная обстановка облагодатствованнаго храма, эти вечерни и утрени, праздники и посты, крестные ходы и путешествія къ святымъ мѣстамъ, всѣ эти чины и священнодѣйствія молитвъ и послѣдованій церкви, окружающихъ человѣка во всѣхъ положеніяхъ отъ колыбели до могилы—составляетъ какъ бы воздухъ, необходимый до созрѣванія таинственнаго сѣмени, или для возгрѣванія Божественной искры, павшей въ наше естество, пока она не возгорится въ пламень и не сожжетъ тамъ въ глубинахъ сердечныхъ все нечистое и грѣховное. Для жизни растений нуженъ не только воздухъ, но и движеніе этого воздуха. Своего рода движеніе церковной атмосферы представляютъ эти правильно и въ высшей степени цѣлесообразно расположенные круги богослуженія суточного, недѣльнаго и годового. Въ отношеніи къ симъ дѣйствіямъ спасающей Благодати церковь является благодатною средою спасающихся, или нѣжнонѣйшею матерію, которая принимаетъ на свое попеченіе являющееся на свѣтъ дитя, хранить его на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, усваиваетъ ему все, что приобрѣлъ для насъ Господь, и всѣ дары, изливаемые свыше отъ Святаго животворящаго Духа. Есть въ русской духовной литературѣ прекрасный трудъ покойнаго профессора Кіев. Дух. Академіи Я. К. Амѣтеатрова, гдѣ трогательными чертами изображено это нѣжное попеченіе церкви о человѣкѣ отъ пеленокъ рожденія до могилы и далѣе ея.

Дѣятельное ученіе вѣры и церковь, какъ наставница въ вѣрѣ и благочестіи.

Благодать не дѣйствуетъ противъ свободы... Надобно, чтобы въ душѣ человѣческой нашлось чувство—

для принятія силъ, въ преизобиліи свыше изливаемыхъ. Это чувство—вѣра. Былъ въ жизни Господа Спасителя одинъ въ особенности знаменательный день: Онъ уединился отъ народа, уединился отъ учениковъ для молитвы, затѣмъ подозвалъ ихъ ближе и предложилъ имъ вопросъ, чрезвычайная важность котораго познается вѣками: „за кого Меня принимаютъ люди, Сына человѣческаго?“ Ученики передали Ему ходившую молву: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, иные за Іеремію и т. д. Отвѣтъ ихъ былъ грустный. Люди не узнали своего Спасителя. *Во своя прииде, и свои Его не пріяша* (Іоан. 1, 10). Тогда Господь обращаетъ вопросъ прямо и непосредственно къ нимъ самимъ: вы за кого Меня принимаете?—Минута роковая. Отъ нея зависѣла будущность человѣческаго рода. Всѣ ученики болѣе или менѣе ясно и твердо вѣрили, но Петръ одинъ, по своей живости и стремительности, высказалъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Божи живаго*. Какою радостію звучать слова Спасителя, сказанныя Петру: *Блаженъ еси, Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесахъ. И Азъ же тебѣ яглаголю, яко ты еси Петръ и на семъ камени, на камнѣ этой живой сердечной вѣры, созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Мѣ. 16, 16—18). Какъ только найдено было въ душѣ человѣческой это чувство вѣры въ Иисуса Христа, какъ Сына Бога живаго, не взирая на то, что Онъ родился въ вертепѣ и не имѣлъ, гдѣ главы подклонити, Небо сейчасъ же и готово было бы открыть роду человѣческому всѣ свои дары и милости, и Господь уже обѣщавъ Петру власть отпущать грѣхи и вручаетъ ему ключи царствія небеснаго... Но еще нужно было *разрушить средостѣнія*, и вотъ, когда всѣ эти средостѣнія были упразднены

смертю Богочолов'їка, тогда, что было об'їщано одному, то было дано вс'їмъ Апостоламъ—этимъ *вторымъ основаніямъ церкви Христовой и первымъ ея ієрархамъ.*

Что же такое в'їра въ Господа Іисуса Христа, Сына Божія? Это самое живое, въ высшей степени свободное устремленіе сердца къ Нему, Жизнодавцу и Спасителю, чтобы принять отъ Него силу и помощь—возстать отъ гр'їха и достигнуть возможно полного съ Нимъ единенія, усвоить себ'ї, сколько только можно, дорогія и любезныя черты Его жизни, Его д'їятельности, всегда и во всемъ быть Его подражателемъ, однимъ словомъ—*вообразить Христа* въ своей жизни. На встр'їчу этой живой сердечной в'їр'ї и идетъ Благодать съ своими неистощимыми дарами. Въ этомъ живомъ и пріискреннемъ устремленіи в'їры сердца уже сами собою выступаютъ и черты любви къ Богу и въ Немъ ко вс'їмъ людямъ. Зд'їсь ученіе о церкви становится въ неразрывную связь со всею обширною областію д'їятельнаго ученія в'їры. Церковь является зд'їсь наставницею в'їры, руководительницею въ любви, насадительницею страха Божія, учредительницею добрыхъ обычаевъ въ семьї и ц'їломъ народ'ї, хранительницею священныхъ преданій, истолковательницею Писанія, вообще, по Апостолу, *столпомъ и утвержденіемъ истины* (I Тим. 3, 15).

Будущая судьба рода челоу'їческаго и церковь, какъ в'їчная селінія Бога и челоу'їковъ.

Наконецъ, ученіе о церкви им'їетъ самую т'їсную связь съ такъ называемою есхатологією, или ученіемъ о посл'їднихъ судьбахъ челоу'їка. Будущее ей принадлежить. Въ посл'їдней священной книг'ї изображена эта будущая ея судьба. Пророческія вид'їнія таинственны,

но общій смыслъ ихъ ясенъ до прозрачности: не смотря на то, что множество напастей постигаютъ Церковь, кончится т'їмъ, что она восторжествуетъ надъ вс'їми врагами. Тайновид'їць представляетъ и вн'їшнее увеличеніе ея, идущее въ стройномъ прогрессивномъ порядк'ї: сперва *двадцать четыре старца* (12+12) собраны *окрестъ Божественнаго престола* (Апок. гл. 4), зат'їмъ сто сорокъ четыре тысячи (12×12000) являются *запечатл'їнными печатію Бога живаго* (гл. 6), наконецъ, (Тайновид'їць) видитъ *великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, изъ вс'їхъ племенъ и кол'їнъ, и народовъ, и языковъ, стоящее предъ престоломъ и предъ Лицемъ въ б'їлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми в'їтвями въ рукахъ своихъ* (гл. 7). Зат'їмъ Тайновидцу было открыто внутреннее величіе церкви въ лиц'ї *жены, облеченной въ солнце*, т. е. въ истину и доброд'їтель Іисуса Христа, Который есть *св'їтъ міру* (Іоан. 8, 12), украшенной *в'їнцемъ отъ зв'їздъ двонадесяти*, т. е. богоу'їд'їніемъ апостольскимъ, *им'їющей подъ ногами луну*, т. е. мудрость челоу'їческую естественную (Апол. гл. 12) *). Предъ самымъ таинственнымъ бракомъ Агнца, т. е. открытіемъ в'їчнаго царства Христова, церковь представляется женою, облеченною въ *виссонъ оправданія святыхъ* (гл. 19) и именуется *станомъ святыхъ и градомъ возлюбленнымъ*. Наконецъ, святой Тайновид'їць, согласно съ пророчествомъ самаго Господа Іисуса Христа, вид'їлъ, что прежнее небо и прежняя земля, т. е. та земля, на которой мы живемъ, то небо, которое мы надъ собой видимъ, уже миновали, а церковь сіяла во всей своей красот'ї, какъ нев'їста, украшенная

*) Филарета митр. Моск. слово о пребываніи Благодати Божіей въ церкви до скончанія в'їка. Изд. 1848. Ч. 2, стр. 35.

для своего мужа. *И услышалъ я, пишетъ Тайновидѣцъ, громкій голосъ съ неба: се скинія Бога съ людьми, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ* (гл. 21, 3). Здѣсь церковь является намъ покровительницею въ нашей загробной жизни, неустанной молитвенницею объ упокоеніи душъ нашихъ, заступницею на судѣ Христовомъ и, наконецъ, кто будетъ удостоенъ блаженной жизни, тотъ будетъ вѣчно жить въ ея скиніи, подъ ея кровомъ.

Черты сходства и различія церкви въ сравненіи съ гражданскими обществами.

Какъ ни бѣгло очерчено нами ученіе о церкви, столь тѣсно и неразрывно связанное съ всѣмъ христіанскимъ ученіемъ не только догматическимъ, но и нравственнымъ, все-таки на основаніи сказаннаго можно, полагаемъ, указать черты сходства и различія церкви въ сравненіи съ другими человѣческими обществами.

Церковь представляетъ собою совокупность, или, назовемъ, общество вѣрующихъ, жаждущихъ истины и оправданія предъ Богомъ, связанныхъ между собою союзомъ любви, спасаемыхъ среди бурь и волненій міра Божественною благодатію, при содѣйствіи Богоучрежденной іерархіи и при взаимной помощи другъ другу. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ видимый составъ, имѣетъ свою исторію и даже статистику. Здѣсь черты сходства церкви, какъ общества, съ другими обществами человѣческими. Но, хотя такое опредѣленіе церкви и довольно обширно, на каждомъ словѣ, однако же, чувствуется, что рамки эти слишкомъ тѣсны и тонки, и сейчасъ готовы разлетѣться въ дребезги. Совокупность вѣрующихъ,—но кто можетъ опредѣлить ее: одинъ *Господь знаетъ сущихъ*

Своихъ (2 Тим. 2, 19). Кто это сущіе Божіи? Праведники; нѣтъ, Онъ пришелъ призвать и грѣшниковъ къ покаянію. Сказали мы: совокупность вѣрующихъ, но, если позволено такъ выразиться, большинство членовъ церкви на небѣ, для нихъ время вѣры уже кончено. А тьмы темъ Ангеловъ, а это непосредственное участіе въ церкви Трехъ Лицъ Божества... Нѣтъ! Церковь такое общество, которое никакъ не возможно подвести ни подъ какія извѣстныя намъ рамки опредѣленія. И слово Божіе нигдѣ не даетъ опредѣленія церкви—словами, а изображаетъ ее, т. е. представляетъ въ образахъ и картинахъ: домъ Божій, невѣста, тѣло Христово, столпъ истины, жена, облеченная въ солнце, все это образы, но никакъ не опредѣленія. Такъ черты сходства церкви съ обществами человѣческими выступаютъ весьма блѣдно и рушатся при первомъ углубленіи мысли. Гораздо рѣзче и виднѣе выступаютъ черты различія.

а) Церковь первенствуетъ предъ всѣми человѣческими обществами по времени своего происхожденія. Еще не было ни Ангеловъ, ни видимаго міра, а она уже была предначертана въ тайнѣ предвѣчнаго Совѣта. *Изра насъ въ Немъ*, т. е. въ Иисусѣ Христѣ, нашемъ Искупителѣ, говоритъ Апостоль, *прежде сложенія міра* (Еф. 1, 4).

б) Какъ первое и преимущественное установленіе Божіе, церковь, по великому закону соотвѣтствія, дѣйствующему въ мірѣ, представляется какъ бы первообразомъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, какъ бы типомъ, по которому устроены всѣ эти общества. И народъ, и государство — все это Божіи установленія. *Нѣсть власть, аще не отъ Бога*. (Рим. 13, 1). Но, какъ возникшія послѣ церкви, они имѣютъ въ ея бытіи и устроеніи глубочайшую нравственную основу своего бытія и устройства.

Семья человеческая древнѣе государства, древнѣе народа и племени; но въ устройствѣ семьи уже видѣнъ типъ церкви. Мужья, по Апостолу, должны любить женъ, какъ Христосъ возлюбилъ церковь. Жена должна повиноваться мужу, какъ церковь повинуется Христу. Правда, слова Апостола относятся къ христіанскому таинству брака; но законъ брака изреченъ былъ еще Адамомъ въ раю. Христосъ этотъ законъ утвердилъ, а Апостоль изъяснилъ. Такова внутреннѣйшая глубочайшая связь церкви съ государствомъ, народомъ и даже самымъ первоначальнымъ зерномъ народа — семьею.

в) Устройство церкви, какъ общества, дѣйствительно, есть образецъ для всѣхъ человеческихъ обществъ. Это, такъ сказать, идеальное общество. Что можетъ быть крѣпче, живѣе и дѣйственнѣе связи, какъ связь членовъ одного тѣла?, а такова именно церковь. Что, напримѣръ, въ государствѣ соединяется посредствомъ внѣшней силы, напримѣръ, войска, охраняющаго его цѣлость и совнѣ и внутри, то въ церкви должно достигаться внутреннею силою: *послушаніемъ тѣры*. Власть здѣсь полагаетъ свое величіе въ глубочайшемъ смиреніи: *уже хочетъ быти въ васъ стартъ, да будетъ всѣмъ рабъ*. Съ другой стороны, ни одинъ членъ этого живого тѣла церкви не оставленъ безъ дѣла. Каждый членъ въ тѣлѣ нуженъ и дорогъ на своемъ мѣстѣ, и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ. Женщинѣ Апостоль запрещаетъ учить въ церкви; за то ей ввѣрена семья, воспитаніе дѣтей, призрѣніе немощныхъ. Что можетъ быть безпомощнѣе этого слабого ребенка на рукахъ ея? Но и ему Господь нашелъ дѣло въ церкви: онъ — учитель незлобія и смиренія для самихъ Апостоловъ. Въ церкви давно и единственно вѣрнымъ образомъ рѣшены волнующіе государства вопросы и социальный, и

женскій, и рабочій, и другіе. Все, что въ церкви, можетъ быть назидательно для другого общества, но не наоборотъ. Нѣкто Пробъ, знатный Римлянинъ и глубокий христіанинъ, отпуская подчиненнаго ему чиновника (впослѣдствіи знаменитаго архіепископа Амвросія) на высокую должность градоначальника, сказалъ ему: „управляй не какъ судья, а какъ епископъ“. — Что можетъ быть лучше такого совѣта? Представьте наоборотъ, еслибы кто сказалъ епископу, идущему къ своей паствѣ: „управляй не какъ епископъ, а какъ губернаторъ!..“ Да, — несчастнѣйшая и нечестивѣйшая была эта попытка приравнять церковь къ государству. Не церкви у государства, а государству у церкви должно учиться порядку. Вотъ какъ противенъ идеѣ церкви этотъ злосчастный клерикализмъ или, что то же, приравненіе церкви къ государству и строеніе на манеръ его!

г) Церковь, какъ общество, отличается отъ всѣхъ гражданскихъ обществъ и неизмѣримо превосходитъ ихъ своимъ духовнымъ характеромъ. Основы ея: вѣра и благодать. Что можетъ быть живѣе и свободнѣе вѣры? Что таинственнѣе и неуловимѣе дѣйствій благодати? По этому преимущественному свойству духовности, церковь несколько не препятствуетъ существованію гражданскихъ обществъ, но имѣетъ силу и назначеніе пронизать ихъ своимъ тончайшимъ духовнымъ вліяніемъ, животворить ихъ, или, что то же, подводитъ, возвышаетъ ихъ къ своему типу. Она внушаетъ поданнымъ прискреннее и сердечное уваженіе къ предержавшей власти и властямъ отъ нея поставленнымъ, учить повиноваться имъ не по страху только, но и за совѣсть, внушаетъ всѣмъ членамъ общества духъ мира, любви, смиренія, долготерпѣнія, воздержанія, страха Божія, богатыхъ и знатныхъ увѣщаетъ

заботиться о меньшей Христовой братіи, убогимъ и бѣднымъ внушаетъ терпѣливо нести свой тяжкій крестъ и искать утѣшеній свыше. Чѣмъ менѣе препятствій будетъ представлять общество этому живительному и благотворному вліянію духа церкви, тѣмъ незамѣтнѣе, неуловимѣе, но вмѣстѣ и тѣмъ живѣе и дѣйственнѣе будетъ это вліяніе. То государство было бы идеальное, которое бы сумѣло такъ поставить и направить себя, чтобы не дѣлать различія между своимъ и церковнымъ, а во всѣхъ своихъ отправленіяхъ — образованіи, судѣ, администраціи — дѣйствовало бы по духу церкви. Чуть церковь стоитъ какъ бы вдали, нѣкоторымъ особнякомъ, чуть завязались опасенія, споры изъ-за вліянія, изъ-за власти: это признакъ недоброй. Либо церковь, какъ, на примѣръ, на западѣ, заявляетъ притязанія на свѣтскую власть, либо государство поотдалилось изъ-подъ благодатной сѣни церковной. Прекрасное, близкое намъ учрежденіе, на примѣръ, церковно-приходская школа... Но было бы, конечно, еще лучше, если бы и каждая начальная школа, въ которой залагается основаніе на всю жизнь человѣка и на все послѣдующее его развитіе, была не иная, какъ именно церковная, какою и была она на святой Руси въ первое время. Еще пока не тронута эта преданность церкви въ нашемъ христіанскомъ воинствѣ. Смотрите, какимъ духомъ истинно христіанскимъ оно воодушевлено: это геройское самоотверженіе, это искреннѣйшее убѣжденіе воина, что идетъ на смерть за Царя, Божіяго помазанника и за святую вѣру православную, это упованіе стяжать вѣнецъ тамъ на небѣ за кровь на брани пролитую, наконецъ, это прощеніе врагу, эта готовность сейчасъ же примириться съ нимъ, этотъ нѣжный уходъ за врагами падшими и ранеными — все это слѣды долговременнаго, до-

браго вліянія церкви. Худо будетъ, если это настроеніе, вѣками строенное, будетъ какъ либо разрушено.

Наконецъ, д) церковь превосходитъ гражданскія общества — вѣчнымъ продолженіемъ своей жизни. Гражданскія общества имѣютъ болѣе или менѣе продолжительное, но временное существованіе, а церковь пребудетъ вѣчно. И при томъ настолько продолжительны существованіе и ростъ гражданскихъ обществъ, насколько они проникаются духомъ церкви: пока они вѣрны церкви, они цвѣтутъ, развиваются, крѣпнутъ; чуть пошатнется эта вѣра, начинаютъ показываться призраки разрушенія и смерти. И не удивительно: прекращаются токи благодати; перестаетъ дѣйствовать зиждительная сила Искупителя міра, и люди остаются одни, съ своею крайнею нищетою, безпомощностью, безъ всякой благодатной поддержки съ неба, со стороны Ангеловъ, Святыхъ, безъ твердаго руководительства на землѣ, подъ грѣхомъ, подъ гнѣвомъ Божиимъ... Истинная жизнь какъ бы замираетъ: какое-то безсердечіе, страшнѣйшій эгоизмъ овладѣваютъ людьми; съ необычайной быстротою распространяются зловреднѣйшія ученія; самыя крѣпкія связи семейныя и общественныя рвутся, какъ гнилая нитка; распространяется манія сумасшествій, отравленій медленными и быстрыми ядами, учащаются самоубійства; удаются страшныя, адскія злодѣянія: древній змій видимо приподнимаетъ свою голову, придавленную крестомъ, тамъ, гдѣ люди удаляются отъ благодатной сѣни церковной.

Заключеніе.

Нѣтъ! не напрасно требовалась эта величайшая жертва Искупителя. Безъ нея давно бы не было міра, и люди или потонули бы въ водахъ, или сами истребили бы другъ

друга. А сила Испытателя дѣйствуетъ въ церкви, какъ душа въ тѣлѣ, и только въ церкви мы можемъ найти свое спасеніе. Время возвращенія къ ней ни отъ кого еще не ушло: пока Господь терпитъ наши грѣхи и явственно зоветъ насъ къ покаянію и исправленію. Эти язвы, ходящія по окраинамъ нашей необъятной страны, но вотъ уже два, три года чьею-то заботливою рукою тамъ задерживаемые, эти громы небеснаго гнѣва въ трясеніяхъ земли, въ разрушеніи цѣлыхъ городовъ, но опять пока тамъ вдали отъ насъ, впрочемъ, все ближе и ближе къ намъ, этотъ страшный урокъ, уже здѣсь намъ данный въ утратѣ и такой страшной — любимаго Царя, эти начавшіяся малая брани и слышанія браней великихъ... — во всемъ этомъ не чувствуется ли и намъ десница Небеснаго Отца, не слышится ли призывъ его къ раскаянію, или, что тоже, къ обращенію въ церковь Единороднаго Его Сына, отъ которой мы такъ уклонились въ послѣднее время своимъ вольномысліемъ и разными земными пристрастіями? *Имѣя уши слышати*, такъ часто говорилъ Господь Спаситель нашъ, излагая ученіе о царствіи Божіемъ, или что то же, о церкви Своей, *да слышитъ*.

Ученіе о Богѣ, какъ высочайшемъ Духѣ *).

Непостижимость Божества. — Важность богопознанія вообще и въ частности истины духовности существа Божія для мысли и жизни человѣческой. — Пути, открытые Богомъ къ познанію истины Его духовности. — Историческій методъ изслѣдованія предмета.

Ученіе о Богѣ, какъ высочайшемъ Духѣ, которое я принимаю на себя смѣлость изложить предъ вами, относится въ самой богословской наукѣ къ числу особенно-таинственныхъ и глубокихъ. Здѣсь идетъ слово о внутренней, сокровеннѣйшей жизни Верховнаго Существа. Поэтому, прежде, чѣмъ начну рѣчь о предметѣ чтенія, я почитаю непремѣннымъ долгомъ сказать, и это слово полагаю въ основаніе моей бесѣды съ вами: *Богъ непостижимъ*. По слову Апостола, *Богъ обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, Котораго никто изъ людей не видѣлъ и видѣть не можетъ* (I Тим. 4, 16). Прекрасно разсуждаетъ объ этой непостижимости Божества одинъ древній христіанскій писатель: если, говоритъ онъ, мы не можемъ смотрѣть на солнце, то какъ можемъ смотрѣть на Творца солнца, на самый источникъ свѣта! Бога нельзя видѣть; Онъ слишкомъ блестящъ для нашихъ глазъ. Его нельзя объять; Онъ слишкомъ чистъ для нашихъ рукъ. Его нельзя представить потому, что Онъ слишкомъ

*) Изъ общедоступныхъ богословскихъ чтеній, произнесенныхъ въ залѣ Московской Городской думы въ 1881 и 1882 годахъ отъ Московской Комиссіи народныхъ чтеній.

великъ для нашихъ чувствъ. Безконечный, неизмѣримый, Онъ можетъ быть вѣдомъ только одному Себѣ. Какимъ бы именемъ я Его ни называлъ, я уменьшу Его. Кто не хочетъ его уменьшать, тотъ не покушайся его постигнуть. Наше сердце тѣсно для того, чтобы обнять Его, и мы тогда Его достойно постигаемъ, когда признаемъ непостижимымъ *) Итакъ Богъ прежде всего непостижимъ, и эта мысль ни на одну секунду не должна оставлять ни меня, ни васъ.

Но, съ другой стороны, слышимъ слова Спасителя: *сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истинного Бога* (Іоан. 17, 3). Если нашъ умъ призванъ къ разсужденію и познаванію, то какой же предметъ можетъ быть для него выше? Непостижимость: въ этомъ словѣ въ одно и то же время и полагается граница нашей мысли, и заключается сила, движущая ее впередъ. Потому самому, что Богъ непостижимъ, Онъ и есть вѣчный неистощимый предметъ благоговѣйнаго созерцанія человѣческихъ и ангельскихъ умовъ. Надобно помнить еще, что жизнь нашего духа состоитъ не изъ однихъ умственныхъ стремленій. Наше сердце желаетъ, какъ можно, ближе жить къ Тому, отъ Кого получили свое бытіе, Чей образъ въ себѣ носимъ, Кому служимъ, предъ Кѣмъ будемъ отвѣчать за свою жизнь. Въ особенности это жизненное значеніе имѣетъ истина духовности Божіей: она даетъ извѣстное направленіе всѣмъ помысламъ человѣка, ставитъ жизни его свои цѣли и проникаетъ собою каждое его дѣйствіе.

По этой важности богопознанія вообще и истины

*) Min. Felix in Octav. c. XVIII.

духовности Божіей въ частности, Богъ не оставилъ насъ въ невѣдѣніи о Себѣ и открылъ разные пути, не только для убѣжденія въ томъ, что есть нашъ Творецъ, но и для познанія того, кто Онъ въ Своемъ существѣ. Во первыхъ Онъ открылъ и открываетъ Себя въ видимой природѣ и нашей собственной душѣ. Тамъ и здѣсь *невидимое Божіе*, по слову Апостола, *дѣлается видимымъ* и не только *вѣчная сила Его*, но и *божество* (Римлян. 1, 20). Это откровеніе Божіе называется естественнымъ. Оно возвѣщаетъ о Творцѣ съ первой минуты бытія тварей—*отъ созданія міра*, по слову Апостола, и такъ внятно и сильно, что непонимающіе этого голоса природы *безответны* (ст. 21). Затѣмъ Богъ открываетъ о Себѣ чрезъ провозвѣстниковъ-пророковъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ: это откровеніе особенное, сверхъестественное; имъ вразумлялись Евреи, а чрезъ нихъ и другіе народы, и приготавливались къ принятію Евангельскаго свѣта. Какъ слово самого Бога, оно незыблемо сохраняетъ свое значеніе и въ христіанствѣ, служа, по слову Апостола Павла, для *наученія, обличенія, исправленія и наставленія въ праведности* (2 Тим. 3, 16). Наконецъ, Богъ открылъ себя въ Сынѣ и чрезъ Сына; это окончательное и совершенное откровеніе Божіе (Евр. 1. 1, 2).

Въ этихъ способахъ Откровенія замѣчается мудрая постепенность, нѣкоторый величественный планъ къ воспитанію человѣчества, и этимъ самымъ указывается намъ какъ бы самый методъ для разсужденія о предметѣ, именно исторической. Этотъ методъ въ особенности важенъ для раскрытія избранной нами великой истины: 1) каждая новая черта въ откровеніи ея дѣлается понятнѣе по сравненію съ прежде данными и, испытавъ нѣкоторое затрудненіе въ исканіи ея, мы научаемся болѣе цѣнить

тотъ свѣтъ, который свыше намъ ниспосланъ къ ея уразумѣнію; 2) предъ нами вмѣстѣ съ постепенностію въ открытіи истины постепенно выступаетъ человѣческое заблужденіе въ ея пониманіи, и собираются весьма важныя данныя для объясненія того, почему и въ настоящее время, при ясномъ свѣтѣ истины въ откровеніи новозавѣтномъ возможно непониманіе ея и даже полное ея забвеніе. Такимъ образомъ, опредѣляются предъ нами слѣдующія главныя части нашей бесѣды: 1) какія указанія для познанія духовности существа Божія можно имѣть при наблюденіи надъ природою и при вниканіи въ свою собственную душу, и какъ воспользовались этими указаніями люди, предоставленные относительно богопознанія самимъ себѣ? 2) Что открыто было изъ этой таинственной области людямъ, ходившимъ въ свѣтѣ подготovitельнаго сверхъ-естественнаго откровенія въ Ветхомъ Завѣтѣ, и всѣ ли они, какъ должно, воспользовались лучами этого свѣта? 3) Какъ возвѣщена истина духовности Божіей въ христіанствѣ, и какія условія требуются для того, чтобы содержать эту истину въ ея высотѣ и чистотѣ?

Постараемся же отрѣшиться, сколько возможно, отъ свѣта христіанской истины и будемъ искать чертъ великаго образа Божія въ природѣ и своей собственной душѣ, какъ искали ихъ нѣкогда древніе народы, жившіе до христіанства. Помощію намъ будутъ мыслители, преимущественно Греко-римскаго міра. Они покажутъ намъ, на сколько была имъ извѣстна эта истина и какими путями они шли къ ней.

Указанія на истину духовности Божіей въ сферѣ откровенія естественнаго.—Пособія къ уразумѣнію этихъ указаній изъ сверхъестественнаго откровенія.—Забвеніе истины духовности Божіей въ язычествѣ.—Порабощеніе человѣческаго духа въ обоготвореніи природы.—Тяжесть этого плѣна.—Причина этого порабощенія.—Заслуга древнихъ мыслителей.

Разнообразныя указанія въ природѣ и нашей душѣ на истину духовности Божіей, можно привести къ слѣдующимъ тремъ:

1) Прежде всего нельзя не видѣть премудрости Творца міра: вездѣ въ мірѣ замѣтенъ разумный планъ, видны цѣли, къ достиженію которыхъ принаровлены средства. Древніе отлично понимали эту дивную цѣлесообразность въ природѣ и, на примѣръ, Греки называли міръ *κόσμος*, что значитъ: порядокъ и красота. Древніе хорошо понимали и то, по какой причинѣ въ природѣ можетъ быть такой порядокъ, и вотъ первое серьезное слово греческой философіи о Творцѣ міра было то, что это *Умъ*. Древніе мыслители шли еще далѣе: не только признавали величіе, какъ они выражались, *Перворазума* вселенной, но умѣли подмѣтить типы, или основныя формы въ вещахъ и явленіяхъ природы, въ которыхъ выразились, или отпечатались, такъ сказать, самыя мысли великаго Художника міра. Проникновеніе въ это царство творческихъ идей составляетъ славу гениальнаго греческаго философа Платона, но и гениі, какъ извѣстно, не творятъ новаго. Они умѣютъ обнять и выразить то, что носится въ умахъ всѣхъ и болѣе или менѣе всѣми чувствуется. Всѣхъ ближе къ людямъ, всего чаще даетъ себя знать, конечно, идея *блага*, провозвѣстницею которой служитъ наша совѣсть, а осуществленіемъ должна быть наша жизнь. Здѣсь такъ близко чувствуется вѣяніе

высочайшаго Разума по слову древнихъ, высочайшаго Духа по нашему просвѣтленному свѣше понятію, что люди слышатъ въ себѣ какъ бы самый голосъ Его, и съ незапамятныхъ временъ такъ называется наша совѣсть. Всеобщее вѣрованіе: *совѣсть — это голосъ Бога въ нашей души*. Итакъ цѣлесообразность природы указываетъ на премудрость Творца, а разумность — это естественное свойство духа.

Второе указаніе на духовность существа Божія соединяется съ отвѣтомъ на вопросъ: въ какомъ образѣ мы можемъ представить самое высшее бытіе, самую совершенную жизнь, какія должны принадлежать Верховному Существу? Древніе очень хорошо понимали и выясняютъ, что такое бытіе не можетъ принадлежать чему-либо вещественному, ибо вещественное сложно, подвержено переменамъ и по самой природѣ не дѣятельно. Поэтому первою причиною всего существующаго, *Перводвижителемъ*, по выраженію знаменитаго Аристотеля, можетъ быть существо, чуждое матеріи, въ которомъ все было бы одною или *чистою дѣятельностію*, и свободное отъ какихъ-либо ограниченій и препятствій. Природа же вещественная съ своей стороны какъ бы намѣренно отсылаетъ насъ отъ себя, отъ своей видимой и осязаемой области, туда, въ область невидимаго. Въ ней представляется какъ бы нѣкоторая лѣстница предметовъ и существъ, по которой разумъ человѣческій восходитъ выше и выше, пока не дойдетъ до мысли о духѣ. Самую низшую форму жизни представляетъ простая глыба земли или камень. Здѣсь жизненная сила какъ будто совѣмъ погребена подъ тяжестію грубаго вещества. Но вотъ вещество какъ бы облегчается въ растеніи. Есть что-то движущее въ немъ жизнь изнутри, и это дви-

жущее жизнь прежде всего *невидимо*, и это невидимое долѣе остается, чѣмъ измѣняющаяся форма растенія: оно заправляетъ жизнь растенія до самаго его увяданія. Въ животномъ еще сильнѣе проявляется эта невидимая жизненная сила, и потому животное выше въ цѣпи творенія, чѣмъ растеніе. Въ томъ и другомъ видѣ жизненная сила дѣйствуетъ въ человѣкѣ, этомъ маломъ мірѣ, по выраженію древнихъ; но здѣсь сверхъ нихъ являются нѣкоторыя особенныя, единственныя въ этомъ мірѣ, силы: *сила разума, сила свободной воли*. Для этихъ силъ мало уже этой жизни. Приобрѣтенія, какія усвоитъ себѣ разумъ, видимо, никакая земная сила отнять не можетъ. Подвизаясь на поприщѣ добра, человѣкъ можетъ заслуживать такихъ наградъ, какихъ здѣшняя жизнь дать не въ состояніи и наоборотъ. Поэтому жизнь человѣка всегда признавалась такою жизнью, которая не можетъ прерваться смертію, а должна дѣйствовать и за гробомъ: умираетъ тѣло, а духъ останется и будетъ продолжать свою жизнь и дѣятельность. Но мысль человѣческая не останавливалась на этой, если такъ можно выразиться, формѣ духа, а простиралась далѣе: предполагала бытіе духовъ чистыхъ, свободныхъ отъ тѣла, и, въ силу этого превосходства духовной природы, болѣе разумныхъ и сильныхъ. Теперь уже готовъ отвѣтъ на вопросъ: какъ же, наконецъ, представить самое высшее бытіе, жизнь Божества? Не иначе, какъ въ самой совершеннѣйшей формѣ, образѣ высочайшаго, всесовершеннаго Духа. Повторяемъ: сама природа какъ бы нарочно, какъ бы усиленно говоритъ намъ: туда иди, тамъ, въ царствѣ духа, тамъ ищи жизни совершенной и бытія непреходящаго.

Третье указаніе на истину духовности Божіей получалось изъ чувства нѣкоего таинственнаго родства на-

шого духа съ Верховнымъ Существомъ. Апостоль Павелъ въ своей знаменитой рѣчи къ аѳинскому ареопагу приводитъ слова одного поэта древности: вотъ, возвѣщаль онъ ученымъ свѣтиламъ языческаго міра, *нѣкоторые и изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его (т. е. Бога) и родъ*, и представляетъ имъ въ этомъ указаніи свидѣтельство именно о духовности существа Божія, ибо далѣе продолжаетъ: *и такъ мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру* и дал. (Дѣян. 17. 28, 29). Отсюда и изъ многихъ другихъ свидѣтельствъ видно, что древніе очень хорошо сознавали разницу между природою и духомъ человѣческимъ и особенную близость послѣдняго къ Божеству... Но какъ только сознано это средство человѣческаго духа съ Безконечнымъ существомъ, то разуму представляется уже широкій путь восхожденія отъ свойствъ нашего безсмертнаго духа къ высочайшимъ духовнымъ совершенствамъ безконечнаго Существа, на примѣръ: если люди добры къ дѣтямъ своимъ, то насколько же Онъ благъ? если наша совѣсть такъ смущается при совершеніи грѣха, какъ же святъ Тотъ, Кто говоритъ въ нашей совѣсти?

Таковы, по свидѣтельству древнихъ мыслителей, указанія въ природѣ и нашей душѣ на истину духовности Божіей. Должно прибавить къ сему, что древніе народы не лишены были и руководства къ надлежащему пониманію этихъ указаній. Несомнѣнные памятники исторіи удостовѣряють, что прежде всякой философіи религія цвѣла силою первобытнаго преданія. Древніе народы называются оставленными самимъ себѣ только относительно, т. е. по сравненію съ Евреями. Три слишкомъ тысячелѣтія не было дѣленія между народами, и всѣ одинаково пользовались свѣтомъ особаго откровенія, даннаго чрезъ

Адама, Еноха, Ноя и другихъ патріарховъ и, по отдѣленіи еврейскаго народа, свѣтъ истиннаго богопознанія изъ среды его распространялся разными путями между другими народами древности. Значить, не только даны были древнимъ указанія на духовность Божества въ природѣ и собственной ихъ душѣ, но и растолкованы, по меньшей мѣрѣ, настолько, чтобы знать Бога, какъ отдѣльное отъ міра и высочайшее Существо, обращаться къ Нему единому въ нуждахъ, чтить Его, какъ Творца и Промыслителя, и свято исполнять законъ Его, начертанный, какъ нельзя ближе къ намъ, въ собственномъ сердцѣ каждаго.

Какъ же воспользовались люди этими указаніями на духовность существа Божія? Язычество съ разнообразными видами своихъ заблужденій показываетъ, что люди не поняли этихъ указаній и не воспользовались ими для истиннаго служенія Богу—Духу. Язычество представляетъ странное, на первый разъ совершенно непонятное, стремленіе людей затемнять понятіе Божества и именно черты Его духовности. Божество якобы не свободно: надъ нимъ царствуетъ рокъ или судьба; не всемогуще, ибо, кромѣ подчиненія року, множество божествъ лишаютъ другъ друга силы; боги нуждаются въ дарахъ, имъ приносимыхъ, какъ мы въ пищѣ и питіи; у боговъ такъ же, какъ и у насъ, есть чувства зависти, ревности, вражды и пр., у божества отнимаютъ самосознаніе и, значить, самый разумъ и представляютъ его подъ видомъ слѣпой силы; наконецъ, божество лишается самой жизни; это не болѣе, какъ отвлеченное понятіе о силахъ природы, или безпредѣльная пустота. По той мѣрѣ, какъ въ язычествѣ затемняется мысль о живомъ Богѣ Духѣ, природа начинаетъ отовсюду оцѣплять людей своимъ чарующимъ вліяніемъ

и затягивать въ свои сѣти, наконецъ, порабощаетъ ихъ себѣ и заставляетъ себя обоготворить. Язычество по отношенію къ человѣку есть состояніе, какъ выражаются ученые, пассивное, т. е. страдальческое, состояніе духовнаго рабства. Человѣкъ не господинъ природы, а рабъ у ногъ ея. Должно замѣтить, впрочемъ, что такимъ рабомъ природы человѣкъ былъ только въ области религіи, въ другихъ отношеніяхъ онъ продолжалъ господствовать надъ нею. Онъ покорилъ своей власти многихъ животныхъ, а потомъ этимъ же самымъ животнымъ и поклонился. Онъ возводилъ колоссальныя постройки, въ произведеніяхъ искусства заставлялъ говорить камень, и въ то же время боготворилъ бездушную природу.

Какъ чувствовалось людямъ въ такомъ состояніи? На этотъ вопросъ могъ бы вполнѣ отвѣтить тотъ, кто испыталъ его. Мы, христіане, не можемъ себѣ представить, что значить утратить правую мысль о Богѣ. Приведемъ, однакожъ, нѣсколько примѣровъ. Ёдетъ просвѣщенный Грекъ въ родину цивилизаціи — Египеть. Гигантская постройка на берегу историческаго Нила привлекаетъ его вниманіе: это знаменитый во всей окрестности храмъ. Великолѣпный притворъ; нѣсколько зданій до входа въ самое святилище; вотъ и оно: прекрасная завѣса изъ драгоцѣнной матеріи, насквозь протканная золотомъ, закрываетъ входъ; жрецъ бережно ее отверзаетъ, таинственный полумракъ..., и тамъ что же: тамъ, напримѣръ, *кошка, валяющаяся на пурпуровыхъ отъялахъ*. Можно-ли, кажется, не видѣть здѣсь самаго жалкаго заблужденія тому, кто имѣлъ хотя каплю разума?

Но это зло пока, такъ сказать, на поверхности. Если вы читали интересную книгу о Китаѣ г-на Пясецкаго, помните тотъ эпизодъ, когда при немъ въ языческое

капище, наполненное идолами чудовищно безобразнаго вида, входитъ женщина: видимо она принесла сюда нужду сердца, ей хочется, какъ нѣкогда Аннѣ, излить свою душу предъ Господомъ, но смертнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ безобразныхъ чудовищъ, въ которыхъ ослѣпленные люди воплотили идею своего Творца-Отца... Ко всему этому присоединялось чувство страха отъ всего на свѣтѣ: свищущій вѣтеръ, быстротекущая вода, трескъ низвергающихся камней, угрюмый утесъ, въ тихомолку подкрадывающійся гадъ, голосъ ревущихъ свирѣпыхъ животныхъ, отдающееся изъ углубленій эхо, все это приводило язычниковъ въ ужасъ и отчаяніе. Кто не боится истиннаго Бога, тотъ всего боится. Говорятъ про одного изъ языческихъ владыкъ Рима, что онъ самъ себя произвелъ въ боги и прятался подъ кровать при ударахъ грома. Съ этимъ, однакожъ, страхомъ умѣли уживаться крайній эгоизмъ, жестокосердіе, безчувственность, кровожадность: здѣсь новые бичи погрязшаго въ язычествѣ человѣчества.

Что же было причиною такого жалкаго ослѣпленія язычниковъ? Надобно замѣтить, что языческія вѣрованія, обряды, обычаи представляютъ страшный хаосъ: истина рядомъ съ ложью, строгое требованіе долга и тутъ же соблазнительная потачка чувственности, въ исторіи язычества видны разныя теченія, дѣйствуютъ разныя силы со стороны этнографическихъ и бытовыхъ условій, вообще исторія его только еще начинаетъ разрабатываться. Но среди разныхъ вліяній замѣтно выдѣляется, однакожъ, одна струя, увлекающая умы и сердца людей въ свою сторону, а именно: здравыя и чистыя вначалѣ религіозныя идеи искажаются подъ вліяніемъ разныхъ противозаконныхъ расположеній нашей падшей и въ корнѣ

испорченной воли. Разныя грѣховныя посползновенія и предшествуютъ искаженію религіозной идеи, и послѣдуютъ за этимъ искаженіемъ... Разумъ уже здѣсь играетъ, такъ сказать, пассивную роль: не то, чтобы онъ не видѣлъ истины, нѣтъ, онъ нарочно отъ нея отрываетъ свои глаза; не то, чтобы не умѣлъ дойти до первой причины бытія и счастья, нѣтъ, онъ намѣренно останавливается на вторыхъ и третьихъ причинахъ. Свѣтлый ликъ Божества какъ бы рѣжетъ ему глаза. Ему хочется замѣнить его чѣмъ либо не столь строгимъ, онъ пытается ввести божество въ кругъ тварной ограниченности, хочется увѣрить и себя и другихъ, что оно не непричастно нашей слабости.

Подробное развитіе этого взгляда, утверждающагося на свидѣтельствахъ слова Божія, ученіи Отцевъ церкви и древнихъ памятникахъ исторіи, увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Два, три примѣра, однакоже, не лишни по отношенію къ послѣдующему нашему раскрытію. Нѣкоторые изъ древнѣйшихъ индійскихъ гимновъ за 1000—1500 л. до Р. Х. представляютъ довольно чистыя понятія о Богѣ. Различныя названія Верховнаго Существа пока означаютъ только разныя Его свойства. Но зародышъ будущихъ искаженій уже ясно видѣнъ: это стараніе извинить грѣхъ и какимъ либо подаркомъ, а не исправленіемъ жизни, отдѣлаться отъ отвѣтственности предъ Богомъ. Грѣху дается такое толкованіе, что это поступокъ невольный, это „отравленное ядомъ влеченье, страсть, рокъ“. „Старикъ имѣетъ склонность развращать юношу, самый сонъ ведетъ къ преступленію“. Какъ нѣчто невольное, грѣхъ есть постороннее стѣсненіе для человѣка: „освободи меня“, поется въ гимнѣ, „какъ освобождаютъ теленка отъ веревки“. Жертвѣ же, прино-

симой для умиловленія божества, дается такое значеніе, что это даръ, пріятный божеству. „Сойди на нее“, т. е. на жертву, поется въ гимнѣ, „какъ мухи слетаются на медь“. Немного погодя, слышится уже такая фраза, которая, какъ тяжелымъ молотомъ, бьетъ наше ухо: „ты воешь, какъ голодный волкъ“, вопіетъ Индіецъ, слыша раскаты грома *). Другой примѣръ: въ большинствѣ языческихъ религій, ранѣе другихъ предметовъ, обоготворяется солнце съ подчиненными ему свѣтилами. Отъ него, думаетъ язычникъ, день и ночь, весна и осень, сѣяніе и жатва, богатство и счастье. Но вѣдь и солнце и планеты дѣйствуютъ въ предѣлахъ физическихъ законовъ. Что же? думаетъ язычникъ, такъ и все должно совершаться въ жизни, и вотъ, физическій законъ начинаетъ мало по малу заслонять собою требованія закона нравственнаго. Какъ скоро это случилось, то многіе омерзительные пороки перестаютъ казаться такими и включаются въ число естественныхъ и какъ бы законныхъ потребностей человѣческой природы **). До чего доводитъ язычниковъ эта струя въ своемъ послѣднемъ теченіи, страшно сказать: до полного оправданія и даже освященія грѣха. Самыя ужасныя преступления совѣмъ, будто бы, не грѣхъ, а добродѣтель, даже средства угожденія божеству. Что можетъ быть ужаснѣе преступления, когда отецъ или мать убиваетъ свое дитя, и даже заставляетъ его при этомъ мучиться?—а въ язычествѣ отцы и матери бросали живыхъ дѣтей въ раскаленное чрево, напр., бронзовой статуи Молоха, въ честь языческихъ богинь Аперы, Венеры и под. въ самыхъ

*) Подробнѣе объ этомъ въ Апологетикѣ Эбрарда, въ русск. переводѣ 1880 года, т. 11. стр. 21 и слѣд.

**) Тамъ же т. II; стр. 547 и слѣд.

ихъ святыхъ, въ угоду имъ, совершались такія гнусныя дѣла, о которыхъ Апостоль запрещаетъ христіанамъ даже говорить (Ефес. 5. 3.).

Значить, прежде чѣмъ духъ челоуѣка сдѣлался рабомъ природы, онъ сталъ рабомъ страстей въ своемъ собственномъ существѣ. Въ самой природѣ челоуѣка пошатнулось равновѣсіе, и чувственность взяла верхъ надъ духовными стремленіями; а отъ того и внѣшняя природа возымѣла сверхдолжное на него вліяніе и подчинила его себѣ. Послушный страсти, разумъ самъ помогаль своему врагу въ измышленіи его козней, и мирился со всякаго рода заблужденіями, даже нелѣпостями, лишь бы подалѣе была мысль о законѣ и судѣ. Апостоль Павелъ произноситъ по сему такой судъ надъ язычествомъ: *какъ они (язычники), познавъ Бога, не прославимъ Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, называя себя мудрыми, обезумѣли и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному челоуѣку и птицамъ и четвероногимъ и пресмыкающимся, то и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они сами сквернили свои тѣла. Они замѣнили истину Божію ложью, и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки, аминь. Посему предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ. И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумъ; то предалъ ихъ Богъ превратному уму, дѣлать непотребства (Рим. 1. 21—23). Они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти; однако, не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ (ст. 32).*

Что же дѣлали среди такого страшнаго заблужденія эти свѣточи язычества, Сократы, Платоны, Аристотели, эти гиганты челоуѣческой мысли, генію которыхъ мы

не перестаемъ доселѣ изумляться? Они дѣлали, что могли, но не могли ничего сдѣлать. Съ одной стороны предъ ними была страшная кора заблужденій, въ которыхъ погрязла масса народная, и которую пробить нельзя было никакими философскими разсужденіями, съ другой они чувствовали, что въ самой душѣ ихъ царилъ какой то мракъ и погружалъ ихъ мысль въ бездну натурализма, т. е. обоготворенія природы,—и они сознали свое безсиліе, и въ этомъ смиренномъ сознаніи состоитъ ихъ сила и заслуга. Въ сочиненіяхъ греческаго философа Платона есть замѣчательныя мѣста, гдѣ онъ говоритъ о трудности богопознанія и необходимости помощи свыше. Трудно найти, говоритъ онъ, Творца и Отца всего (существующаго), а обрѣтши невозможно (*ἀδύνατον*) проповѣдать Его всѣмъ *). Не быть порядку въ мірѣ, „если, не произойдетъ какого-нибудь божественнаго случая“ **). И такъ нужно подождать, пока кто-нибудь не научить, въ какихъ отношеніяхъ мы должны быть къ Богамъ и людямъ ***). Это было какъ бы мольбою челоуѣческаго духа къ небу о просвѣщеніи и освобожденіи отъ узъ и завѣтомъ этого геніальнѣйшаго изъ мыслителей древности къ многочисленнымъ его ученикамъ и подражателямъ, котораго они не могли забыть.

*) Platonis opera ed. Stallbaumii Lipsiae 1867 an. in Timaeo V, § 28, pag. 509.

***) Platonis de republica lib. IX, p. 374.

****) Platonis Alcibiades II, p. 231.

Указанія на истину духовности Вожіей въ сверхъестественномъ откровеніи ветхо-завѣтномъ.—Наклонность Евреевъ къ забвенію этой истины и причина этой наклонности.—Новые пути къ забвенію этой истины въ саддукействѣ и фарисействѣ.—Души, искренно жаждавшія истины предъ пришествіемъ Спасителя.

Перенесемъ теперь въ среду Еврейскаго народа. Ничтожный по численности, онъ противопоставляется всѣмъ народамъ древности. Это народъ, избранный Богомъ собственно для сохраненія истиннаго богопознанія. Двойной свѣтъ освѣщаль его: видя предъ собою природу, возвѣщающую славу Божію, онъ имѣлъ у себя слово Божіе, которое хранилъ и сохранилъ для насъ.

Въ этомъ словѣ Божіемъ: 1. Освѣщались тѣ пути, которыми человѣческой разумъ шелъ къ познанію духовности существа Божія. У прочихъ народовъ, даже въ высокопросвѣщенной Греціи, исканіе Бога въ природѣ совершалось съ нѣкоторымъ напряженіемъ: мысль движется не свободно, съ трудомъ подыскиваются выраженія, вообще держится путь очень длинный и утомительный, а въ священномъ Писаніи эти самыя мысли излагаются въ ясной, свѣтлой, поэтической формѣ, напр., за четыре вѣка до туманныхъ философскихъ соображеній о Перворазумѣ, Давидъ поетъ этотъ дивный псаломъ: *Благослови душе моя Господа. Ты дивно великъ,...* Ты облеченъ славою и величіемъ (103. 1) и, затѣмъ, какъ извѣстно намъ, подробно изображаетъ въ разныхъ тваряхъ чудеса Творческой мудрости. За семь вѣковъ до того времени, какъ Аристотель утверждалъ мысль о свободномъ—отъ матеріи Перводвигателѣ вселенной, у того же Псалмопѣвца, эта мысль выражена въ слѣдующихъ ясныхъ и мощныхъ словахъ: *въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю,*

и небеса—дѣло рукъ Твоихъ, они погибнутъ, а Ты пребываешь; и всѣ они, какъ риза, обветшаютъ, и какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ, и измѣнятся. Но Ты тотъ же и мѣта твои не кончатся (101, 26—27). Мысль о родствѣ человеческого духа съ Верховнымъ Существомъ представляется какъ особое торжество греческаго генія, какъ бы возвысившагося надъ внѣшнею природою и преклонившагося предъ своею собственною, а въ Библии на первой страницѣ не только говорится о немъ, но и объясняется оно: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію нашему* (Быт. 1. 26.). При подобномъ сличеніи мудрованій философовъ съ яснымъ и величественнымъ въ своей дивной простотѣ словомъ Откровенія, невольно чувствуется, что тамъ освѣщеніе идетъ снизу вверхъ: философская мысль усиливается пробиться сквозь мракъ господствующаго надъ умами заблужденія и часто сама падаетъ подъ его гнетомъ; а здѣсь свѣтъ дается сверху внизъ, и сразу освѣщаетъ всѣ затрудненія человѣческой мысли.

2. Въ ветхозавѣтномъ священномъ писаніи съ особеннымъ намѣреніемъ выясняются тѣ черты Божескаго существа, которыя, въ силу своихъ грѣховныхъ влеченій, затемняли для себя язычники. Цѣну [этихъ мѣстъ ветхо-завѣтнаго священнаго писанія опять можно оцѣнить только при сравненіи ихъ съ блужданіями язычествующей мысли. Откровеніе — мудрый педагогъ; оно какъ бы вскользь упоминаетъ о томъ, что всѣмъ извѣстно, и повторяетъ часто съ особенной силой и энергіей то, что людьми забывалось. Такъ оно весьма часто напоминаетъ Евреямъ: 1) объ единствѣ Бога въ противоположность языческому многобожію. „*Слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть*“ (Вт. 6. 4.);

2) наминаетъ о жизни Верховнаго Существа, отдѣльной отъ жизни міра. *Я подьему къ небесамъ руку Мою и клянусь десницею Моею*, говоритъ съ необыкновенною торжественностью Господь у Моисея: *живу Я во вѣкъ*. (Вт. 32, 40). *Живъ Господь Богъ Израилевъ, предъ Которымъ Я стою*, воскликнулъ пророкъ Ілія, когда, какъ молнія, предсталъ предъ идолопоклонникомъ Ахаавомъ. 3) наминаетъ о высочайшей святости Бога. Эта истина внушается съ особенною силою потому, что въ затемнѣніи ея лежитъ самый корень языческаго заблужденія. „*Такъ говоритъ*,” восклицаетъ пророкъ Ісаія, „*Высокій и Превознесенный, вѣчно Живущій, Святый—имя Ему*“ (57. 15). *Святый Израилевъ*: это было однимъ изъ самыхъ употребительныхъ именъ Божіихъ. При этомъ слово Божіе строго запрещаетъ Евреямъ идолопоклонство, напр., во 2-й заповѣди, и показываетъ имъ пустоту и гнусность идоловъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно посланіе пророка Іереміи къ Евреямъ, отведеннымъ въ Вавилонскій плѣнъ: *они, т. е. идолы*, пишетъ имъ пророкъ, *какъ бревно въ домъ. Сердца ихъ*, говорятъ, *точатъ черви земляные и съдають ихъ самихъ и одежду ихъ, а они не чувствуютъ. Лица ихъ черны отъ куренія въ камищахъ. На тѣла ихъ и на головы ихъ налетаютъ летучіе мыши и ласточки и другія птицы, лазають также по нимъ и кошки. Изъ этого уразумѣете, что это не боги*. Итакъ, убѣждаетъ пророкъ, *вы не бойтесь ихъ...* (ст. 19, 22). Читая эти строки у Пророка, невольно изумляешься отъ какихъ очевидныхъ заблужденій нужно было когда-то остерегать людей.

Наконецъ, ветхо-завѣтное Откровеніе приближаетъ къ умственному взору людей самую идею Бога—Духа, и именно въ ея нравственной высотѣ. Весьма замѣча-

тельно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто. Когда Богъ опредѣляетъ наказаніе отпадшихъ отъ Него людей всемірнымъ потопомъ, то говоритъ такъ: *не вѣчно Духу Моему быть пренебрегаемымъ людьми сими, потому что они плоть*. (Быт. 6. 3). Здѣсь плоть въ смыслѣ видимаго вещественнаго бытія и особенно въ смыслѣ чувственности противопоставляется Духу Божію, какъ силѣ невидимой и нравственной. Высочайшій Духъ не терпитъ пороковъ и развращенія и, послѣ многихъ мѣръ къ исправленію людей, изрекаетъ имъ приговоръ своей вѣчной правды. Покаянный псаломъ Давида также весьма замѣчательнъ въ отношеніи къ ученію о Богѣ—Духѣ. Для того, чтобы оцѣнить высоту этого ученія, припомните, что прежде сказано было о гимнахъ Божеству въ Индійскихъ Ведахъ. Тамъ наклонность извинить грѣхъ ведетъ къ извращенію религіозной идеи, здѣсь наоборотъ: мысль о духовности существа Божія стоитъ въ неразрывной связи съ искреннимъ сознаниемъ глубокой предъ Богомъ виновности. Индійскій поэтъ говоритъ: это поступокъ невольный, страсть, рокъ, а Давидъ поетъ: *беззаконіе мое я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною* (ст. 5). Индійскій поэтъ говоритъ: старикъ учитъ юношу грѣшить, самый сонъ внушаетъ преступленіе, а Давидъ поетъ: *Тебѣ, Тебѣ единому согрѣшилъ я и лукавое предъ очами Твоими сдѣлалъ, такъ что Ты праведенъ въ приговоръ Твоемъ и чистъ въ судъ Твоемъ* (ст. 4). Индійскій пѣвецъ говоритъ: освободи меня, какъ теленка отъ веревки, а Давидъ совершенно иначе: *сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови въ утробѣ моей* (ст. 12). Индійскій поэтъ, сообразно предыдущему, взываетъ къ Божеству: сойди на жертву, какъ мухи на медъ, а у Давида уже вотъ какая мысль о Богѣ: *жертвы ты не желаешь,—я*

далъ бы ее; къ всеожженію не благоволишь. Жертва Богу—
духъ сокрушенный: сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты
не презришь, Боже (18 и 19 ст.).

Что же? При этомъ двойномъ и столь сильномъ свѣтѣ,
всегда ли Евреи, какъ должно, понимали истину духов-
ности Божіей? Конечно, во всѣ времена ветхо-завѣтной
священной исторіи были люди, стоявшіе на высотѣ истин-
наго богопознанія. Отличительная черта этихъ правед-
ныхъ людей была та, что они *ходили предъ Богомъ*, всегда
имѣли въ виду Его величіе и нравственную высоту, и
старались по возможности отвѣчать имъ своею доброю
жизнію. *Ходи предъ мною* и будь *непороченъ* (Быт. 17, 1),
сказалъ Богъ Аврааму, заключая съ нимъ Свой завѣтъ,
и это поставлено было условіемъ завѣта Божія и для
всѣхъ его потомковъ. Но эти люди составляли въ инья
времена меньшинство, а въ инья даже исключеніе. Боль-
шинство же Еврейскаго народа въ отношеніи къ поста-
вленному нами вопросу представляетъ весьма печальное
явленіе. Въ первыя и среднія времена своей исторіи ев-
рейскій народъ обнаруживаетъ страшную склонность къ
идолопоклонству: у подножія Синая онъ поклоняется тель-
цу. Затѣмъ вся его исторія представляетъ почти одно слѣ-
дующее явленіе: не смотря на увѣщанія пророковъ, онъ
входитъ въ союзы съ разными народами и перенимаетъ
у нихъ идолослуженіе, подвергается за это наказанію,
кается и, по избавленіи отъ бѣдствій, на нѣкоторое время
исправляется, затѣмъ снова впадаетъ въ идолопоклон-
ство, снова наказывается и т. д. Мимо великолѣпнаго
храма Соломонова евреи проходятъ въ языческія капища.
Въ мѣстахъ царскихъ резиденцій стояли идольскія ка-
пища, и Израильтяне пили, по выраженію пророка *изъ
отпянявшей чаши* (Иер. 51, 7) идолослуженія и предава-

лись гнусному разврату. На юго-восточной сторонѣ отъ
Иерусалима лежитъ страшное мѣсто Тофеть въ долинѣ
сыновъ Еннома, гдѣ совершались жертвоприношенія въ
честь Молоха, и дѣти ввергались сотнями въ раскаленное
чрево этого идола. Эти страшныя, огненныя мученія не-
винныхъ жертвъ человѣческаго ослѣпленія въ долинѣ
Енновой дали имя будущему мѣсту адскихъ мученій:
гееннѣ.

Что же это значитъ? Значитъ то, что природа Евреевъ
была падшая и испорченная, словомъ, та же, какая и у
язычниковъ. И гдѣ они не сдерживались узамъ закона,
тамъ они неудержимо и влеклись на путь язычества. На-
конецъ, дѣйствіями промысла Божія и увѣщаніями про-
роковъ народъ еврейскій, казалось, былъ навсегда исцѣ-
ленъ отъ заразы идолопоклонства. Плѣнъ Вавилонскій
былъ самымъ сильнымъ въ этомъ случаѣ врачевствомъ.
Ненависть къ идоламъ вошла въ плоть и кровь Евреевъ,
всасывалась съ молокомъ матери, и, какъ совершенно
утвержденный въ идеѣ единобожія, этотъ народъ посланъ
былъ ко всѣмъ народамъ въ качествѣ ихъ учителя и
подготовителя къ христіанству. Но это исцѣленіе для
многихъ и многихъ евреевъ было не болѣе, какъ только
закрытіемъ наружной язвы... Природа ихъ осталась та же
грѣшная, а наша русская пословица говоритъ: гони при-
роду въ дверь, она влетитъ въ окно. Съ теченіемъ вре-
мени начали прокладываться среди Евреевъ новые пути,
на которыхъ съ признаніемъ единого истиннаго Бога
умѣли уживаться разныя склонности, свойственныя за-
бывшему о Немъ язычеству. Такія направленія заблуж-
дающейся или, вѣрнѣе, блудящей мысли рельефно и въ
типичныхъ чертахъ выразились въ двухъ главныхъ сек-
тахъ еврейскихъ: саддукействѣ и фарисействѣ. Чрезвы-

чайно характеристично опредѣленіе саддукеевъ у святаго Луки въ дѣянїяхъ Апостольскихъ: *Саддукеи говорятъ, что нѣтъ воскресенїа, ни ангела, ни духа* (23, 8)... Относительно самого Бога пока ни слова: кто Онъ и каковъ въ своемъ Существовѣ. Но отрицаніе духа не относилось и къ однимъ ангеламъ, ибо ангелы отвергаются сами по себѣ, а духъ самъ по себѣ, не относится и къ людямъ, ибо воскресеніе ихъ отвергается также само по себѣ. Что же это такое? Что они хотѣли сказать? Это *робкая на словахъ, но дерзкая въ сердцѣ* попытка — отвергнуть въ Верховномъ Существовѣ духовность съ ея нравственными требованїями. Для чего это нужно было саддукеямъ? Для того именно, чтобы быть саддукеями, т. е. жить въ полномъ удовольствїи и предаваться страстямъ, не стѣняясь мыслію о вѣчности и судѣ. Фарисеи — эти поступали еще хитрѣе: они совсѣмъ не затрогивали вопроса о духѣ, вѣрили и воскресенію и ангеламъ, и вообще въ теорїи оставляли все на своемъ мѣстѣ, но на практикѣ слѣдовали манерѣ язычниковъ: угождать Богу соблюденїемъ наружныхъ обрядовъ, оставляя въ сторонѣ нравственныя требованїя закона Божїа. Сходи въ извѣстное время въ храмъ, принеси жертву, раздай нѣсколько монетъ бѣднымъ и затѣмъ будь спокоенъ относительно своей отвѣтственности предъ Богомъ, а когда ты нѣсколько усилишь эти внѣшнія дѣла благочестїа, т. е. напр., попустишься два раза въ недѣлю, чего законъ Еврейскїй обязательно отъ всѣхъ не требовалъ, то ты ужъ смѣло можешь сказать о себѣ: *нѣтъ, я тоже прочїи человѣкъ...* Понятно теперь это энергическое, мало того, огненное слово къ нимъ Предтечи Господня Іоанна: *порожденїа змїидны, кто внушаетъ вамъ бжжаты отъ будущаго гнѣва* (Мате. 3. 7, Луки 3. 4)? Кто это учитъ васъ заглушать въ сердцѣ

требованїя долга и чувства виновности, и укрываться за пустыми софизмами и лицемѣрнымъ благочестїемъ? До чего могли довести заблужденїа фарисеевъ и саддукеевъ, примѣръ на лицо въ бредняхъ Талмуда, гдѣ божество представляется, какъ и у язычниковъ, видимымъ, чувственнымъ и осязаемымъ, высчитывается его мѣра, ростъ, разстояніе между глазами, и гдѣ приписываются ему занятїа хуже, чѣмъ человѣческія.

Но и въ это время были люди, желавшіе искренно примириться съ Богомъ и благоугождать Ему. Нѣкоторые изъ нихъ здѣсь же, на берегу Іордана, стояли алчущїе и жаждущїе правды, и сослезали на глазахъ, съ глубокимъ умиленїемъ въ сердцѣ, внимали строгому слову истины изъ устъ великаго проповѣдника покаянїа, и, грома другихъ, это слово святой правды ихъ утѣшало. Вообще особенностїю этого времени было то, что рыбаки, сборщики податей, женщины, ходившія съ ведрами къ колодцамъ — отъ всей души интересовались религіозными вопросами и надѣялись, что вотъ придетъ Мессїя и разъяснитъ имъ всѣ недоумѣнїя... Тамъ, въ языческомъ мїрѣ, шли на свѣтъ истины ученые — философы и волхвы; здѣсь, въ странѣ Израильской, эта жажда истины горѣла болѣе въ сердцахъ простыхъ людей — мытарей, рыбаковъ и пастырей. Въ умахъ этихъ простыхъ и смиренныхъ людей раждались и зрѣли великіе вопросы въ родѣ того, напр., какой слышится въ словахъ рыбака Филиппа изъ Виѳсаиды, сказанныхъ впослѣдствїи Спасителю: *Господи, покажи намъ Отца* (Іоан. 14. 8). Вотъ одной-то изъ этихъ простыхъ и смиренныхъ, жаждущихъ истины, душъ и было сказано Господомъ слово жизни.

Открытіе истины о Богѣ—Духѣ въ бесѣдѣ Господа Спасителя съ Самарянкою.—Ученіе о Богѣ—Духѣ въ посланіи Апостола Павла къ Коринфянамъ.—Кругъ истинъ, освѣщаемыхъ великою истиною о Богѣ—Духѣ: въ ученіи о свойствахъ существа Божія, въ понятіи о жизни вообще, въ ученіи о мірѣ духовъ, въ ученіи о человѣкѣ, въ ученіи о богопочтеніи и богослуженіи, въ ученіи о свободѣ.

Судя по великой важности ученія о Богѣ-Духѣ для мысли и жизни человеческой, можно было бы ожидать, что оно будетъ торжественно возвѣщено въ іерусалимскомъ храмѣ, или, по меньшей мѣрѣ, въ ареопагѣ аѳинскомъ. Нѣтъ: оно открывается Господомъ у сихемскаго колодца, во время отдохновенія на пути, въ бесѣдѣ съ единственною слушательницею, самою простою изъ простыхъ женщиною Самарянкою. Это безмѣрное снисхожденіе Спасителя во всѣ времена возбуждало благоговѣнное изумленіе: но здѣсь болѣе, чѣмъ одно только снисхожденіе, здѣсь видны глубокія цѣли, и бесѣда съ Самарянкою никакъ не случайность. Такъ какъ расколъ самарянскій представлялъ смѣсь іудейскихъ и языческихъ вѣрованій, то въ лицѣ Самарянки предъ Врачемъ душъ какъ бы стояли двѣ стороны древняго міра, одинаково нуждавшіяся въ просвѣщеніи отъ Него: стояло язычество, потерявшее истину богопознанія и задыхавшееся въ узахъ тяжкаго порабоженія природѣ; стояло Еврейство, хранившее сокровище слова Божія и правую вѣру, но въ большинствѣ, и притомъ въ лицѣ своихъ представителей, тѣхъ, кто держалъ у себя *ключъ разумнiя*, носившее только образъ благочестія, а силы его отвергшееся. Въ то же время въ лицѣ Самарянки, стояла предъ Господомъ женщина, которой въ христіанствѣ указано такое великое значеніе, эта будущая распространительница свя-

той вѣры, мать и воспитательница дѣтей. Открывъ ей великую истину о Богѣ-Духѣ, Господь показалъ, что эта истина не есть какая либо философская доктрина, излагаемая въ тѣсныхъ стѣнахъ школы только избраннымъ и утаиваемая отъ обыкновенныхъ смертныхъ; нѣтъ: это истина жизни, она должна проникать все поведеніе человѣка, лечь въ основу его воспитанія. Наконецъ, не напрасно избрана провозвѣстницею этой истины не другая какая либо женщина, а именно эта Самарянка. Этотъ глубокий интересъ къ вопросамъ религіи, эта живая вѣра въ Мессію, наконецъ, это ея простосердечіе и искренность: вотъ ея высокія права! Только что предъ симъ она выслушала строгій судъ надъ своею жизнію, ей было открыто и прошедшее и настоящее, но она не бѣжитъ отъ гнѣва праведнаго Судіи, не выдумываетъ извиненій и оправданій, напротивъ, этому-то Провидцу и Судіи своей жизни и открываетъ все свое сердце. Припомните извиненія грѣха у язычниковъ, которыя повели къ извращенію религіозной идеи, припомните глубокое сокрушеніе Давида, соединенное съ глубокою также мыслию о Богѣ Духѣ, и вы увидите, что бесѣда Господа съ Самарянкою есть нѣчто — предусмотрѣнное и предустановленное въ глубокихъ путяхъ Провидѣнія.

Увидѣвъ, что Говорящій съ нею владѣетъ даромъ пророчества, или, что то же, учительства, Самарянка обращается къ нему съ недоумѣніемъ, о которомъ много слышала разныхъ толковъ, много сама думала. *Отцы наши*, говоритъ она, *поклонялись на этой горѣ* (гора Гаризинъ возвышалась вблизи) *а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ?* Самарянка чувствуетъ, что она не на правомъ пути, но какъ отступить отъ него, когда этого пути такъ давно дер-

жались отцы и дѣды? О сколько и теперь, замѣтимъ мимоходомъ, внѣ спасительной ограды церкви держатся люди только этимъ уваженіемъ къ памяти отцовъ и дѣдовъ! — Выслушавъ со смиреніемъ судъ надъ своею собственною жизнію, она, ради этихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ будто боится говорить дальше, ей страшно прямо высказать вопросъ: но онъ самъ собою виднѣется въ словахъ ея: *идъ же правда?* Въ словахъ Самарянки скрывался и другой вопросъ, о самомъ служеніи Богу: какія Ему пріятнѣе жертвы, тѣ ли, которыя приносятся тамъ въ храмѣ Іерусалискомъ, или тѣ, какія нѣкогда приносились здѣсь, въ Самарянскомъ храмѣ, отъ котораго въ недалекой перспективѣ виднѣлись священныя для нея развалины, какое вообще угоднѣЕму служеніе? Такимъ образомъ, въ словахъ Самарянки сказались всѣ недостатки языческаго и узко-еврейскаго богопознанія. Прежде всего въ вопросахъ вѣры лежитъ на умѣ ея тяжкимъ бременемъ обычай отцовъ и преданія старцевъ. Далѣе божество является привязаннымъ къ одному мѣсту. Наконецъ, выражается мысль, что Богу угодны сами по себѣ тѣ или другія жертвы, тѣ или другія обрядовыя особенности.

Спаситель объяснилъ ей, что доселѣ правда была на сторонѣ Евреевъ, но никакъ не потому, чтобы Господь ограничивалъ свое пребываніе только храмомъ въ Іерусалимѣ, а потому что Іудея была избрана мѣстомъ, съ котораго имѣла начаться спасительная благодать для просвѣщенія всѣхъ людей. Но я боюсь, чтобы мое собственное слово чего либо не умалило въ словахъ Господнихъ, и почитаю лучшимъ напомнить ихъ вамъ во всей ихъ дивной красотѣ, какъ передалъ намъ Его наперникъ: *повѣрь мнѣ*, говоритъ ей Господь, *что насту-*

паетъ время, когда и не на гортъ сей и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся, потому что спасеніе отъ Іудеевъ. Но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ Духъ и истинъ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть духъ и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинъ (Іоан. 4. 13—24).

Другое сильное мѣсто, открывающее эту же великую истину, находится въ посланіи Ап. Павла къ Коринѳянамъ. Жители Коринѳа, этой древней столицы Спарты, во времена апостольскія всемірнаго торговаго города, отличались, съ одной стороны, утонченістю во вкусахъ, съ другой, крайнею распушенностію, и ни въ одномъ городѣ не замѣчалъ Апостоль такихъ пороковъ, какъ здѣсь. Значить, языческое растлѣніе здѣсь дошло до крайнихъ предѣловъ: довольно сказать, что выраженіе жить по Коринѳски значило — жить распутно. И вотъ людямъ, жившимъ среди такого страшнаго развращенія нравовъ, и возвѣщается животворное слово о Богѣ *Духъ: Господь есть Духъ*, пишетъ имъ св. Апостоль и прибавляетъ слова глубочайшаго значенія: *а идъ Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. 3, 17).

Остановимся же на этихъ мѣстахъ и постараемся не обнять — это не возможно, а хотя намѣтитъ ту область разныхъ истинъ и догматическихъ и нравственныхъ, и обрядовыхъ, и бытовыхъ, куда простирается свѣтъ отъ этой великой и животворной истины, что Богъ есть духъ.

1) Ученіе о Богѣ дополняется важнѣйшею чертою и получаетъ свою законченность. Нѣкогда Моисею, на вопросъ его, какъ Твое имя, Богъ сказалъ: Мое имя: Сущій (Исх. 3. 14), всегда неизмѣнно существующій *Іегова*.

Теперь же определенно указана самая форма жизни божественной, насколько это возможно для насъ, при средствахъ нашего ограниченного ума и неизбѣжной образности нашего языка, и то, что нѣкогда, въ видѣ свѣтлой звѣзды, предносилось великимъ, умамъ гениальныхъ философовъ, говорившихъ тѣсному кругу избранныхъ учениковъ о Перворазумѣ, Перводвижителѣ вселенной, о Верховномъ благѣ, — утверждено, уяснено и приближено къ уразумѣнію всѣхъ... То нисколько не умаляетъ значенія христіанской истины, что она предчувствовалась великими умами. *Душа наша по природѣ христіанка*, и Господь пришелъ на землю не вновь творить людей, а возсоздать падшій человѣческій родъ. Съ другой стороны иное дѣло предчувствовать истину и иное дѣло дать и открыть ее во всей ея дивной красотѣ. Итакъ, Богъ есть Духъ. Это самое возвышенное бытіе. Это самая совершенная жизнь. Какъ Духъ, Богъ безпредѣленъ, независимъ, самобытенъ, вседоволенъ, всемогущъ, неизмѣняемъ, вѣченъ: всѣ эти свойства Божіи удобно совмѣщаются въ понятіи всесовершеннаго Духа, и суть какъ бы коренныя свойства Его природы. Но вотъ вмѣстѣ съ этимъ открываются намъ свойства какъ бы всесовершеннаго ума Божія: всевѣдѣніе, премудрость, истинность; — свойства какъ бы всесовершенной воли Божіей: свобода, праведность, святость. Но какъ жизнь ограниченаго духа имѣетъ средоточіе въ сердцѣ, и сердце есть самое исходище жизни, то и въ природѣ высочайшаго и всесовершеннѣйшаго Духа открывается намъ одно свойство какъ бы господственное или средоточное, и имя этому свойству *любовь*: *Богъ есть любовь* (1 Иоан. 4. 8). А дивное сочетаніе и согласіе всѣхъ этихъ совершенствъ въ Богѣ Духѣ, полнота ихъ составляютъ то,

что мы называемъ блаженствомъ божественной жизни. Такимъ образомъ, мы видимъ предъ собою какъ бы живой образъ нашего Творца и Промыслителя, и въ безпредѣльной любви, если только можно такъ сказать, слышимъ біеніе самаго Его сердца. Ближе, яснѣе передать намъ мысль о Богѣ нельзя. Какъ бы такъ говорить Господь каждому изъ насъ: вотъ Я напечатлѣлъ свой законъ въ твоемъ сердцѣ, чтобы ты всегда имѣлъ свѣтъ его предъ очами твоими; а теперь Я открываю тебѣ образъ моей жизни въ твоемъ собственномъ духѣ... Онъ, этотъ твой духъ, отъ Меня. Я вдохнулъ его въ твое бездушное тѣло. Ужели ты теперь когда либо Меня забудешь?!

Вмѣстѣ съ этимъ 2) утверждается истинное понятіе о жизни вообще. Теперь самимъ Богомъ всѣмъ намъ несомнѣнно открыто, что настоящая жизнь, въ полномъ смыслѣ этого слова, жизнь въ себѣ и по себѣ, принадлежитъ никакъ не веществу, а духу. Было время, когда ничего не было, а вѣчно царствуетъ единый безначальный Духъ. Все существующее въ мірѣ произошло по волѣ сего безконечнаго Духа, *изъ несущаго* (2 Макк. 2. 28. Рим. 3, 7). И будущее принадлежитъ Духу: въ Духѣ безконечномъ — это вѣчность, въ духахъ ограниченныхъ, по волѣ и неизреченной милости Бога-Духа, безсмертіе. Остальному всему принадлежитъ жизнь мимолетная и зависимая отъ духа: взглянулъ, и оно уже не то, нѣчто исчезло и улетучилось, другое явилось вновь. Все это является и исчезаетъ, остается и измѣняется, по волѣ Вѣчнаго Духа и для цѣлей Духа, т. е. для развитія и жизни духовъ ограниченныхъ.

Такимъ образомъ, 3) вмѣстѣ съ бытіемъ единаго всесовершеннаго Духа, является умственному взору на-

шему великое царство духовъ, которымъ, по волѣ Божіей, принадлежитъ несравненно лучшая жизнь, чѣмъ та, которая видимо совершается кругомъ насъ. Отнынѣ будете, сказалъ Господь, *видѣть небо отверсто и Ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому* (Іоан. 1. 51). Извѣстное ветхозавѣтнымъ людямъ, предъугадываемое всѣми народами, царство небожителей, только въ Новомъ Завѣтѣ открылось въ ясныхъ опредѣленныхъ чертахъ и въ томъ величїи, которое не можетъ не возбуждать къ нимъ благоговѣйнаго изумленія. Это прежде всего самая высокая красота жизни, съ которой не могутъ сравниться никакія красоты этой внѣшней природы, которая также, конечно, какъ дѣло Бога прелюбого и премудраго, въ своемъ родѣ прекрасна. Какъ бы представить ближе эту незримую тѣлесными очами красоту духа? Вотъ примѣръ: самое лучшее въ обитаемомъ нами мїрѣ — это, по всей справедливости, человѣческій геній. Мы изумляемся этой мощи ума, съ которою геніальный человѣкъ прозираетъ въ самую сущность вещей, мы удивляемся той несокрушимой силѣ воли, съ которою онъ побѣждаетъ встрѣчающіяся на пути его препятствія, мы восхищаемся этою дивною красотой слова, образа, звука, въ которыхъ выливаются мысли, чувства и предчувствія генія, и каждая черта въ духовно-нравственномъ образѣ геніальной личности намъ дорога, тщательно разыскивается и изучается, передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ святыня, какъ искра свѣта Божія. Такъ вотъ теперь надъ нами поднимается необозримый рядъ чистыхъ духовъ, изъ которыхъ каждый силою ума и воли превосходитъ самыхъ высшихъ геніевъ человѣчества: — взоръ ихъ быстрѣе молніи, обширнѣе орлиного ока. Свѣтозар-

ные Херувимы, быстродвижные Серафимы, — они идутъ въ порядкахъ и степеняхъ до самаго престола Вседержителя и наполняютъ ту бездну, которая отдѣляетъ мїръ отъ Высочайшаго Духа... Различіе въ этихъ степеняхъ, превосходство одного надъ другимъ этихъ небожителей, зависятъ единственно отъ силы духа. Чѣмъ выше умъ, тѣмъ святѣе воля, чѣмъ пылче любовь, тѣмъ ближе къ Высочайшему Духу, и этихъ великихъ свѣтлыхъ духовъ тѣмы темъ, такое множество, какого намъ невозможно и вообразить. Одна изъ притчей Господнихъ нѣсколько приближаетъ къ нашему взору это необозримое богатство духовнаго царства. У пастыря изъ ста овецъ одна заблудилась, и онъ, забывъ о девяносто-деяти овцахъ, пошелъ искать заблудшую. Эта пропавшая овца, найденная и поднятая на рамена Пастыремъ душъ, — весь человѣческій родъ и прежде насъ бывшій, и теперь существующій, и который будетъ послѣ насъ. Девяносто девять овецъ — это Ангелы. Вообразите же теперь границы этого мїра духовъ! Уже одна мысль, что есть мїръ столь богатый и разнообразный внѣ того, который насъ здѣсь окружаетъ, дѣлаетъ невозможнымъ рабское преклоненіе предъ громадою внѣшней природы; но намъ открыто, что этотъ великій мїръ чистыхъ блаженныхъ духовъ — не чужой намъ. Мы принадлежимъ къ нему лучшею стороною нашего существа. Мы призваны занять мѣсто въ средѣ его, быть также членами этой умной іерархіи. Насъ зовутъ туда, намъ оказывается непрестанная и сильная поддержка, чтобы, чрезъ путь этой мимолетной жизни, направить насъ туда, въ ихъ нескончаемое царство. Сотни тысячъ искупленныхъ кровію Христовою уже тамъ, какъ бы заняли мѣсто отпадшихъ отъ Бога духовъ. И вотъ еще ближе стало

къ намъ небо, еще сильнѣе оно зоветъ насъ въ свои вѣчныя обители.

Поэтому 4) истиною духовности Божіей проясняются стремленія человѣческой жизни и возвышается та сторона въ нашемъ существѣ, которая называется духомъ; дается отвѣтъ, почему никакія удовольствія жизни не насыщаютъ нашей души, даются указанія, какъ и гдѣ мы можемъ обрѣсти себѣ покой. вмѣсто собиранія благъ многихъ на лѣта многія, встаетъ предъ человѣкомъ другая задача—сѣять въ духъ, препровождать сокровища туда, гдѣ ни моль не сѣдаетъ, ни ржа не истребляетъ. Дается истинная оцѣнка разнымъ дѣламъ и подвигамъ человѣческой жизни. Ко многимъ величіямъ этого міра примѣняется слово: *„видѣлъ я нечестивца грознаго, расшнравшагося подобно укореившемуся многолѣтвистому дереву, но я прошелъ, и вотъ нѣтъ его: ищу его и не нахожу“* (Пс. 34. 35, 36), и, наоборотъ, кого здѣсь такъ часто гонятъ и поносятъ, тѣ оказываются истинно мудрыми. Наконецъ, указывается высокое назначеніе самому земному праху, который мы носимъ въ своемъ тѣлѣ, чрезъ одухотвореніе, сдѣлаться несокрушимымъ во вѣки вмѣстилищемъ и органомъ нашего безсмертнаго духа.

5) Истина духовности Божіей даетъ даже смыслъ всѣмъ дѣйствіямъ христіанскаго богопочтенія. *Духъ есть Богъ и, какъ Духъ, Онъ любитъ духъ. Сынъ мой, отдай сердце твое мнѣ, говоритъ Онъ каждому изъ насъ. Отецъ ищетъ себя такихъ, а не другихъ поклонниковъ.* Преданность, смиреніе, благодарность, любовь — вотъ тѣ жертвы, которыя ему угодны, какъ Высочайшему Духу. Но духъ окрыляетъ и наружныя дѣйствія богопочтенія и даетъ имъ цѣну, какой они сами по себѣ не имѣютъ. Для Бога—Духа одинаково не нужны были и тѣ тысяча

жертвъ, которыя съ такою щедростію отъ своего богатства принесъ Соломонъ въ Гаваонѣ, и тѣ двѣ лепты, которыя съ такимъ усердіемъ отъ своей бѣдности положила вдова въ сокровищницу храма; но Онъ принялъ эти жертвы ради тѣхъ чувствъ любви и преданности, съ которыми онѣ приносились. Пусть, однакоже, не выводятъ отсюда никакихъ поспѣшныхъ заключеній тѣ, которые, во имя духа, унижаютъ обряды церковные. Нѣтъ! эти церковные обряды и сильны именно силою духа: 1) они, какъ нельзя лучше, выражаютъ движеніе духа; 2) они воспитываютъ его въ христіанинѣ. Церковность—это, такъ сказать, атмосфера духа: крестное знаменіе выражаетъ вѣру въ Господа Спасителя, постъ есть знакъ сердечнаго участія въ Его страданіяхъ, поклоны и колѣнопреклоненія—знакъ смиренія и покорности, свѣчка, возженная предъ святою иконою, есть символъ любви, горящій въ сердцѣ. Псалмы, пѣсни и пѣнія духовные — это проводники къ намъ духа: если они заимствованы изъ Библии, то это есть слово Святаго Духа; если составлены отцами церкви, то они были помазаны отъ Святаго Духа, и слово ихъ исполнено Его силою. Посему и говорилъ Апостоль: *исполняйтеся духомъ, назидая самихъ себя псалмами, и словословіями, и пѣнопѣніями духовными, поя и воспѣвая въ церквахъ вашихъ Господу* (Еф. 5. 18, 19).

Наконецъ, Апостоль торжественно провозглашаетъ свободу человѣческому духу: свободу въ обращеніи къ Богу, какъ къ Отцу, свободу отъ рабскаго служенія природы, свободу отъ чувственности и страстей, свободу въ отношеніи жизни. Права этой свободы безграничны: *все мнѣ позволительно*, говорилъ Апостоль, но при этомъ указываетъ и коренной законъ этой свободы: *но ни-*

что не должно обладать мною (1 Кор. 6. 12). Истинная свобода и мысли, и жизни состоятъ никакъ не въ своеволии, которое есть рабство грѣху и страсти, а въ томъ, что духъ человѣческій становится выше всѣхъ враждебныхъ на него влiяній, со стороны своей ли собственной плоти, или окружающаго міра, и дѣлаетъ то, что указываютъ ему высокія нравственныя требованія собственной его богоподобной природы. *Гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода.*

Торжество духа въ христіанствѣ по освобожденіи отъ рабскаго преклоненія предъ природою.—Влагодатныя силы, даруемыя свыше, къ уразумѣнію великихъ истинъ христіанства и въ частности истины о Богѣ—Духѣ.—Условія со стороны человѣка къ должному храненію и пониманію этой великой истины.

Представляя эту безграничную ширь и даль, открытую намъ двумя-тремя словами святой истины, какъ не преклониться предъ Божественнымъ Учителемъ и Врачемъ душъ нашихъ, и не воскликнуть: слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! Духъ человѣческій въ христіанствѣ какъ бы вырвался изъ тяжкаго заключенія. Плѣнному ему сказано освобожденіе, слѣпой онъ прозрѣлъ, измученный отпущенъ на свободу (Ис. 61. 1, 2. Лук. 4. 18). Конечно, наиболѣе чувствовали милость Господню тѣ, которые были подъ гнетомъ плѣна и помнили тотъ мракъ, который нѣкогда висѣлъ надъ ихъ мыслию и жизнью. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна литература Апологетовъ, т. е. защитниковъ христіанства при началѣ его распространенія противъ разнаго рода гонителей. Они были учениками языческихъ философовъ, кое-гдѣ держатся старыхъ философскихъ воззрѣній; но

гдѣ почувствовала свободу ихъ христіанская мысль, тамъ она высоко паритъ надъ міровоззрѣніемъ язычниковъ, и слово ихъ принимаетъ тонъ побѣднаго клика надъ падшимъ врагомъ... Нужды нѣтъ, что этотъ врагъ сохранялъ еще внѣшнее могущество; онъ нравственно палъ и побѣдитель милостиво щадитъ его и съ любовью къ нему относится. Вотъ, для примѣра, обращеніе къ Богу одного изъ этихъ христіанскихъ писателей: „О, великій Боже“, восклицаетъ онъ, „Творецъ вещей невидимый и непостижимый! Ты достоинъ непрестанно получать хвалу отъ всего того, что дышетъ и мыслить, если только смертныя уста достойно выражаютъ Твое имя. Ты причина причинъ. Ты безконечное, не сотворенное существо, безъ начала, безъ конца. Ты тотъ, Который превознесенъ надъ всякой высотой и величіемъ. Прости, Верховный Царь, тѣмъ, кто преслѣдуетъ Твоихъ служителей, и такъ какъ это согласно съ Твоимъ милосердіемъ, то имѣй состраданіе къ несчастнымъ, отвергающимъ Твое имя и Твою религію. То неудивительно, что они не знаютъ Тебя, было бы гораздо удивительнѣе, если бы они Тебя познали“ *).

Но христіанство велико не тѣмъ только, что оно открываетъ высокія и животворныя истины. Оно даетъ силу къ воспріятію этихъ истинъ и учитъ, какъ содержать ихъ въ подобающей имъ высотѣ и чистотѣ. Мало было научить насъ истинѣ, надобно было примирить насъ съ Богомъ и разрушить ту преграду, которая отдѣляла нашу жизнь отъ Его жизни и вновь возродить насъ надобно, чтобы благодать Святаго Животворящаго Духа сошла въ сокровеннѣйшія глубины нашего сердца и тамъ

*) Arnovius. Disput. adv. gentes 1. 31.

разсвѣтла тотъ, по прекрасному выраженію церковной молитвы, *естественно-животный* мракъ, который препятствуетъ людямъ видѣть свѣтъ истины. Иначе этотъ свѣтъ будетъ скользить только, такъ сказать, по поверхности души. Хорошія слова о великой истинѣ чловѣкъ будетъ помнить и повторять, но свѣтъ ея не проникнетъ въ сердце. Сами Апостолы, эти преданнѣйшіе ученики Господа, до тѣхъ поръ не прониклись всею силою Его ученія, пока не просвѣтились силою Святаго Духа. Это самое главное условіе къ тому, чтобы чловѣкъ могъ какъ должно понимать высокія истины христіанства. Какую бы краснорѣчивую проповѣдь вы не услышали о Богѣ Духѣ, она не дастъ вамъ той ясности сердечнаго взора, какъ чувство близости къ Богу, та духовная свобода, съ которою, примиренный съ Богомъ и чувствующій вліяніе любви Его въ сокровеннѣйшихъ глубинахъ сердца, вѣрующій христіанинъ встаетъ прямо, такъ сказать, предъ очи Его, и ясно, и твердо съ дерзновеніемъ говорить: *Отче нашъ...* Это высокое право и эта прискренняя близость земной твари къ непостижимому и необъятному Божеству дается благодатію Святаго Живоначальнаго Духа въ таинствахъ Крещенія, гдѣ чловѣкъ возрождается и усыновляется Богу, Мвропомазанія, гдѣ общается ему духовное просвѣщеніе, такъ что чловѣкъ какъ бы не нуждается въ постороннемъ руководствѣ для познанія истины, но это самое помазаніе учитъ его всему (Іоан. 2. 20, 27) и, наконецъ,—Евхаристіи, гдѣ онъ общается самой Божественной жизни и не только узнаетъ, но и вкушаетъ, какъ благъ Господь.

И со стороны чловѣка требуются также важныя условія къ должному воспріятію и храненію святыхъ истинъ: прежде всего должно очищать сердце отъ грѣхов-

ныхъ склонностей и влеченій, которыя были главною причиною забвенія истины о Богѣ Духѣ въ язычествѣ и не достаточнаго вниманія къ ней въ большинствѣ Евреевъ. *Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ* (Матѣ. 5. 8). Сердце—это духовное око, которымъ созерцаемъ мы невидимое для чувственныхъ очей и непостижимое для разума. Насколько сердце чисто, на столько оно способно къ духовному созерцанію. Нѣкто Автоликъ, образованный язычникъ, спрашиваетъ одного изъ апологетовъ (Оеофила, еп. Антиохійскаго): „покажи мнѣ твоего Бога“. Оеофиль прекрасно отвѣчалъ ему: „покажи мнѣ твоего чловѣка, и я покажу тебѣ моего Бога“. Покажи, что очи души твоей умѣютъ видѣть и уши сердца твоего умѣютъ слышать. Ибо какъ тѣлесные глаза у зрячихъ людей видятъ предметы этой земной жизни, какъ уши различаютъ звуки: такъ точно есть уши сердца и очи души, чтобъ видѣть Бога *).

Но чистота сердца это далеко еще не все, что требуется для истиннаго богопознанія: это только удаленіе препятствія, такъ сказать, отрицательная сторона дѣла. Глазь можетъ быть здоровъ и открытъ, и не замѣтитъ того, что нужно. Для полноты и ясности знанія нужно имѣть, по слову Апостола, *чувства, навъкомъ приученныя къ различенію добра и зла* (Евр. 5. 14). Въ частности для того, чтобы сердце наше могло прозирать въ тайны божественной жизни, надобно, чтобы оно вошло въ духъ ея, само прониклось чистыми и святыми духовными стремленіями. Тогда только оно и будетъ способно возчувствовать совершенства Божественной жизни. Такъ какъ господственное и средоточное свойство Высочайшаго

*) Къ Автолику 1. 2.

Духа есть любовь, то сердцу нашему должно въ особенности проникнуться духомъ христіанской любви. Только, *укорененные и утвержденные въ любви*, мы по слову Апостола Павла, *можемъ со всеми святыми постигнуть, что широта, и долота, и глубина, и высота и уразумѣть превосходящую разумнѣе любовь Христову* (Ефес. 3. 18, 19). *Кто не любитъ, тотъ*, по слову Апостола Іоанна, *не позналъ Бога* (1 Посл. 4. 8).

Нарушеніе этихъ необходимыхъ условій бываетъ причиною того, что и въ христіанствѣ, при ясномъ свѣтѣ богопознанія, могутъ быть уклоненія въ пониманіи истины духовности Божіей. Хотя природа наша и облагодатствована въ таинствахъ, но исправленіе ея есть и собственный нашъ подвигъ, и подвигъ цѣлой жизни... Страсти и теперь дѣйствуютъ... Разумъ нашъ и теперь готовъ на всякія измышленія для смягченія чувства виновности грѣха и, если бы оказалась возможность, и къ совершенному его устраненію. Посему и въ настоящее время возможно уклоняться на всѣ тѣ ложные пути, которые указаны были выше: можно и теперь оставлять въ сторонѣ нравственныя требованія верховнаго Законодателя и успокоиваться на однихъ внѣшнихъ дѣлахъ благочестія, или, что тоже, быть фарисеями; можно и теперь, не отрицая бытія Божія, подвергать разнаго рода недоумѣніямъ, сомнѣніямъ, нѣкотораго нерѣшительнаго вида отрицаніямъ истину загробной жизни, суда, существованіе самого духа, и уже съ большею смѣлостію, въ силу таковыхъ яко бы убѣжденій, позволять себѣ разнузданность въ жизни и нарушеніе разныхъ законовъ, не исключая даже и тѣхъ, которыя начертаны Моисеемъ, по повелѣнію Божію, на каменныхъ скрижаляхъ, однимъ словомъ, быть саддукеями; можно, наконецъ, ничему не

вѣрить, не признавать даже бытія Божія и не только быть язычниками въ жизни, но и открыто проповѣдывать язычество. Исторія проложила эти пути уклоненія отъ истины ясно и въ чертахъ самыхъ типичныхъ, и каждому дана возможность видѣть и повѣрить, на какомъ пути онъ стоитъ въ отношеніи къ святой истинѣ. Посему и Господь сказалъ всѣмъ намъ въ лицѣ своихъ учениковъ: *смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Матѣ. 16. 6, 11). Апостолъ же Петръ, предостерегая вѣрующихъ отъ новаго впаденія въ язычество, говоритъ: *лучше бы имъ не познать пути правды, нежели познавъ, возвратится назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди, и послѣднее бываетъ хуже перваго*. (2 Петр. 2. 20, 21).

Вопросы и недоумѣнія въ ученіи о Богѣ—Духѣ: относительно человекообразныхъ представленій и выраженій о Богѣ—Духѣ, относительно жизни Божіей до созданія міра и внѣ его, относительно самосознанія и личности въ понятіи Вѣконечнаго Существа.

Съ тѣхъ поръ, какъ открыта великая истина о Богѣ—Духѣ, проходитъ уже и близится къ концу второе тысячелѣтіе. Въ это время возникали разнаго рода вопросы и недоумѣнія относительно ея и разъяснялись отцами и учителями церкви. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ слышатся и теперь. Посему представляется не излишнимъ указать ихъ.

Прежде всего, при ученіи о Богѣ, какъ совершеннѣйшемъ Духѣ, недовольно понятными представляются тѣ выраженія о Богѣ, въ которыхъ приписываются ему человѣческія свойства и даже члены человѣческаго тѣла: сердце, очи, уши... Эти выраженія во 1-хъ неизбѣжны.

Если бы мы знали ангельскія языки, о которыхъ упоминаетъ Апостоль (1 Кор. 13. 1), то, можетъ быть, и выражались бы иначе о Богѣ, ближе къ истинѣ Его высочайшей духовности, а человѣчeskій языкъ, по существу своему, образенъ. Самая мысль движется у насъ въ сферѣ разныхъ образовъ. Таково уже свойство нашей духовно-тѣлесной природы. Посему и въ мысли о Высочайшемъ Существѣ неизбежно входитъ образность, а отсюда она проникаетъ и въ слово. Какое слово ни возьмемъ: отецъ, владыка, вседержитель, вонми, призри, умъ, воля,—все это образы. Не говорить образно, значитъ, совсѣмъ перестать говорить. Во 2-хъ эти чело-вѣкообразныя выраженія о Богѣ имѣютъ нѣкоторое даже законное для себя основаніе: Господь сотворилъ насъ по образу своему. Поэтому и намъ свойственно размышлять и говорить о Богѣ по образу нашему. Есть таинственная связь нашего духа съ Безконечнымъ Духомъ; поэтому и высочайшія совершенства Безконечнаго Духа представляются намъ въ чертахъ нашего конечнаго духа. Но это не мѣшаетъ намъ всегда сознать различіе между словомъ и мыслию и, по силѣ своей и, главнымъ образомъ, при пособіи таинственной благодати, возноситься къ возможно чистому представленію о Богѣ: когда слышимъ о Отцѣ, представлять Его неизреченную любовь, когда слышимъ о Владыкѣ, представлять себѣ Его высочайшее могущество. Самое слово „духъ“ есть образъ и, по ученію Іоанна Дамаскина, этимъ словомъ никакъ не постигается сущность Божества, а только нѣчто, относящееся къ сущности, подобно тому, если о тѣлѣ сказать, что оно бѣлое или черное (Точное изложеніе православной вѣры Кн. 1, гл. 10). Мысль святаго отца очень глубокая. Говоря о тѣлѣ, что оно бѣлое,

мы не постигаемъ сущности тѣла, но имѣемъ, однакоже, нѣкоторое вѣрное представленіе о немъ. Есть мысль, которая должна всегда предноситься намъ и при этихъ двухъ словахъ: „Богъ-Духъ,“ это мысль о высочайшей святости Божества, которая выражается въ другомъ также прекрасномъ образѣ: *Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ Немъ никакой тьмы* (1 Іоан. 1, 5). Кому Господь дастъ участіе въ райской жизни, тотъ ближе, лицомъ къ лицу, увидитъ то, что теперь видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, и научится прославлять Бога вмѣстѣ съ Ангелами; а пока мы въ этой жизни, и разные соблазны влекутъ насъ на путь грѣха, то сами Ангелы внушаютъ намъ о Богѣ Духѣ крѣпче всего вотъ какую истину: *святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель* (Апок. 4. 8). Въ забвеніи о величайшей святости Бога Духа лежитъ корень языческихъ заблужденій, а также разнообразныхъ уклоненій на путь язычества въ средѣ еврейства, и вотъ эту то святую истину о Богѣ Духѣ надобно намъ въ особенности помнить: *Богъ святъ* и отъ насъ требуетъ чистоты сердца и исправленія жизни, иначе мы не можемъ быть причастниками Его вѣчнаго царствія.

Нѣкоторые говорили: если Богъ есть Духъ, и міръ созданъ имъ изъ небытія въ извѣстное время, то что же Онъ дѣлалъ прежде сотворенія міра? Указанный вопросъ заявлялся изъ двухъ побужденій, и потому разные были на него отвѣты. Иногда въ подобныхъ вопросахъ выражалось одно праздное любопытство, или желаніе какимъ-либо софизмомъ удалить отъ глазъ истину, слишкомъ свѣтлую для этихъ глазъ, и на вопросъ въ этомъ тонѣ вотъ, на примѣръ, отвѣтъ блаженнаго Августина: „я не скажу, какъ сказалъ нѣкто, рѣшая этотъ вопросъ,

что *Богъ готовилъ тогда гешну для покушающихся постигнуть непостижимое*, а охотнѣ скажу: не знаю, не знаю.“

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же учитель говоритъ: такъ какъ прежде сотворенія неба и земли не было никакого времени, зачѣмъ и спрашивать: что дѣлалъ тогда Богъ? Не было и этого *тогда*, когда не было времени *). Въ словахъ великаго учителя западной церкви звучитъ нѣкоторое праведное негодованіе, нѣчто подобное тѣмъ словамъ огня и силы, какими карали блудящую мысль пр. Ілія и Іоаннъ Предтеча. Тебѣ, какъ бы такъ онъ говоритъ, тебѣ открыта великая истина, животворная и спасительная, она требуетъ покаянной слезы изъ твоихъ глазъ и глубокаго вздоха изъ души твоей, а ты находишь время и охоту заниматься пустыми и праздными вопросами. Но тотъ же самый вопросъ можетъ быть и въ иномъ тонѣ и выражать не праздное любопытство, а искреннее исканіе истины, свойственное любобудрiю. Правда, при этомъ необходимо измѣняется и самая форма вопроса: „если Богъ есть Высочайшій Духъ и совершенно отдѣльное отъ міра Существо, то въ чемъ же могла проявляться жизнь этого Духа, когда не было міра? Что было предметомъ познанаія Его ума, предметомъ его любви?“ Для успокоенія волнующейся мысли, учителя церкви съ давнихъ временъ указывали на высочайшую и глубочайшую изъ христіанскихъ тайнъ: тайну Святыя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы. Эта тайна говоритъ: *Богъ одинъ, но не одинокъ*. Существо Единаго Бога составляютъ: Отецъ, Сынъ и Святыи Духъ. Каждое изъ этихъ лицъ обладаетъ умомъ, свободою, дѣйствиємъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ единую жизнь

*) Confess. lib. XI, с. 12, 13.

всеблаженную. При этой внутренней полнотѣ жизни, Все-совершенный Духъ не имѣетъ нужды ни въ какой посторонней вещи для Своего существованія и, если восхотѣлъ дать жизнь безчисленнымъ тварямъ, то это было всесвободнымъ дѣломъ единственно Его безпредѣльной любви.

Наконецъ, уже въ послѣднее, близкое къ намъ время поднять вопросъ о самосознаніи и личности свойственныхъ Духу, но какъ будто противорѣчащихъ идеѣ безконечнаго и неограниченнаго Существа? Если, говорятъ, Божество сознаетъ себя личнымъ существомъ, то этимъ будто бы себя ограничиваетъ..... Съ этого тезиса или основоположенія за два съ половиною вѣка предъ симъ началось движеніе философствующей мысли на Западѣ, которое продолжается доселѣ. Подробное развитіе разныхъ философскихъ взглядовъ на этотъ предметъ и опроверженіе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Это должно быть предметомъ отдѣльныхъ чтеній. Скажу, однакожь, что споръ съ представителями разныхъ философскихъ воззрѣній, отступающихъ отъ христіанской истины, ведется и за-границей, и у насъ съ великимъ достоинствомъ и успѣхомъ, и разъясненіе разныхъ недоумѣній обогачаетъ богословскую науку новыми данными въ подтвержденіе ея истинъ. Между прочимъ, раскрывается весьма важное значеніе самосознанія и личности, по которому онѣ никакъ не составляютъ какого-либо ущерба въ понятіи Высочайшаго Существа, напротивъ, необходимо требуются этимъ понятіемъ, какъ отличительныя черты жизни самой совершеннѣйшей. И въ видимой природѣ жизнь тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ опредѣленнѣе ея черты. Самую высокую опредѣленность въ этомъ мірѣ составляетъ личность челоуѣка. Въ само-

сознаниі и разумѣ, свободѣ и характерѣ высокой и благородной личности есть нѣчто самое лучшее во всей міровой жизни; а Богъ есть первообразъ всякаго совершенства, поэтому не иначе мыслимъ, какъ самосознающимъ и личнымъ.

Но личность, говорятъ, мыслима при другихъ личностяхъ: какое различеніе личности можно представить въ Безконечномъ Существовѣ? При углубленіи въ этотъ вопросъ снова, какъ свѣтоносная звѣзда, сіяетъ надъ умами тайна Святыя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы. Отецъ, Сынъ и Св. Духъ и различны и нераздѣльны. Личныя свойства Трехъ Упостасей въ Единомъ Божествѣ представляютъ какъ бы своеобразныя вѣчныя обнаруженія единой Божественной жизни. Здѣсь является нѣкое, конечно, въ существѣ непостижимое, дивное сочетаніе понятія личности, какъ необходимаго признака жизни совершеннѣйшей съ понятіемъ безконечности, которая свойственна Существу Высочайшему. Поэтому нѣкоторые изъ философовъ называютъ тайну Пресвятыя Троицы высочайшимъ торжествомъ умозрѣнія; но вѣрнѣе сказать, что эта тайна есть самое высоко дорогое слово Бога о Себѣ и Своей жизни и составляетъ вѣнецъ всѣхъ данныхъ объ этомъ откровеніи.

Запросы философской мысли.—Спасительный путь вѣры, преданной руководству откровенія.

Въ заключеніе не излишне сказать нѣсколько словъ о запросахъ серьезной философской мысли. Что философы будутъ и будутъ касаться разныхъ вопросовъ изъ области религіи, это весьма естественно; съ одной стороны, что можетъ быть заманчивѣе для человѣческаго ума этой родной ему сферы невидимаго? Съ другой, о

чемъ бы человѣкъ серьезно ни думалъ, о внѣшней-ли природѣ, о себѣ-ли самомъ, онъ постоянно встрѣчается съ мыслию о Богѣ. Что углубленіе въ богословскіе вопросы возможно и послѣ открытія истинъ въ христіанствѣ, это одинъ изъ признаковъ божественной мудрости въ Откровеніи: великая истина въ одно и то же время понятна дитяти и представляетъ недостигаемую глубину для премудрыхъ и разумныхъ міра сего. Какіе бы вопросы ни воздвигались на поприщѣ чистой науки, не должно бояться ихъ: рано или поздно истина восторжествуетъ и явится изумленнымъ умамъ человѣчества въ новомъ свѣтѣ. Такъ было прежде насъ, ясно видимъ это и теперь—припомните, что сказано было выше о тайнѣ Пресв. Троицы, такъ будетъ и послѣ насъ. Но не должно никогда забывать, что истина не такъ легко дается умамъ ограниченнымъ, хотя бы даже и геніальнымъ, какъ легко она открывается свыше, и что на пути ея для нихъ неизбѣжны уклоненія, иначе сказать, увлеченія и ошибки. Можно, напримѣръ, для философской мысли съ силою устремиться въ одну сторону, и потомъ съ такой же быстротою увлечься въ противоположную: начавъ съ идеализма, кончить крайнимъ матеріализмомъ, и наоборотъ. Одинъ и тотъ же мыслитель иногда въ началѣ своего поприща держится одного міровоззрѣнія, а въ концѣ проводитъ другое. Уже одна эта быстрая смѣна авторитетовъ науки, отвергающихъ сегодня то, что говорилось вчера, показываетъ, что ученые философы идутъ къ истинѣ, но еще далеко до нея не дошли. Пусть же они и идутъ своимъ путемъ, и серьезный споръ съ ними и указаніе тѣхъ или другихъ отступленій отъ истины возможны и, какъ мы сказали, дѣло сіе съ честію ведется на поприщѣ богословской науки.

Но это не должно препятствовать вѣрѣ дѣлать свое дѣло. Во всякое время въ православной церкви вожжень и свѣтитъ свѣтильникъ чистой святой истины, ясно указуя каждому путь къ небу, и христіанинъ долженъ пользоваться временемъ, пока имѣеть этотъ свѣтъ предъ собою, для посѣва въ духъ, для приготовления къ нескончаемой жизни тамъ, въ царствѣ духа. Для движенія философствующей мысли назначены вѣка и даже тысячелѣтія; а для нашей жизни назначенъ краткій предѣлъ, и мы должны такъ дорожить своимъ временемъ для этой цѣли нашего безсмертнаго духа, какъ бы покупали его дорогою цѣною. На этомъ спасительномъ пути, если будутъ до слуха вѣрующей души доноситься разные вѣтры противныхъ вѣрѣ ученій, и громко будутъ возглашаться предъ нею разные имена великихъ знаменитостей, яко бы воюющихъ противъ святой истины, она, представляя мысленно то необозримое пространство свѣта, который возсіялъ въ мірѣ съ явленіемъ истины Евангельской, всегда можетъ и имѣеть неотъемлемое право сказать: *никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ Человекъ*, т. е. Господь Спаситель нашъ (Іоан. 7, 46), и всегда найдетъ покой отъ всѣхъ сомнѣній и недоумѣній въ молитвѣ апостола Петра: *Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной* (Іоан. 6, 68).

Истины, изреченныя Господомъ съ клятвою.

Значеніе клятвы и особенное величіе клятвъ божественныхъ.

Положеніе человѣка, произносящаго клятву, чрезвычайно внушительное: онъ поставляетъ себя предъ лице Бога Вседержителя, просить, чтобы Онъ слышалъ его слово, запечатлѣлъ его Своею силою, помогъ сказать ему сущую правду, исполнить принимаемый на себя долгъ. Клятва употребляется посему только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Ею утверждается не личное только, а общественное благо. *Не приѣмми имени Господа Бога твоего всуе! Свято и страшно имя Его!*

Если же такой особенной, чрезвычайной важности исполнено слово человѣка, утверждаемое клятвою, то какой силы и высоты должны быть тѣ слова, истины, обѣтованія, которыя Самъ Господь Богъ запечатлѣваетъ Своею божественною клятвою? Какія же истины сею клятвою запечатлѣны?

Истина спасенія нашего во Христѣ Іисусѣ.

Первая истина, запечатлѣнная божественною клятвою, возвѣщена при знаменательномъ событіи. Авраамъ, величайшій мужъ древности, по повелѣнію Божію, если не дѣломъ, то рѣшеніемъ сердца, закаляетъ единственнаго возлюбленнаго своего сына, наслѣдника великихъ обѣтованій. Это—величайшій подвигъ послушанія Богу, самоотверженія въ любви, но вѣнецъ его Апостоль указываетъ *въ вѣрѣ* (Евр. 11, 17—18). Закаляетъ великій Авраамъ сына и

не сомнѣвается, что именно отъ этого сына Богъ дастъ ему потомство и Спасителя міру. И вотъ въ награду этой вѣры, *непреложное совѣта своего*, говоритъ Апостоль, Богъ утверждаетъ клятвою (Евр. 6, 17). *Мною самѣмъ кляхся, малолетъ Господь, егоже ради сотворилъ еси малолет сей и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради, во истину благословляя благословлю тя и умножая умножу съмя твое, яко звѣзды небесныя, яко песокъ въ скрай моря... И благословятся въ съмени твоємъ вси языцы земнїи* (Быт. 22, 16, 18). Итакъ, первая истина, утвержденная божественною клятвою, есть истина спасенія нашего во Христѣ Иисусѣ.

Правда, что обѣтованіе о Спасителѣ дано было прародителямъ тотчасъ послѣ ихъ грѣхопаденія, но только какъ бы въ нѣкоторомъ предваренїи. *Съмя жены сотретъ главу змія* (Быт. 3, 14). Съмя жены — слова сіи значать, что рожденіе Искупителя міра будетъ необыкновенное, сотретъ главу змія — значить — сокрушить, уничтожить силу діавола, а что дастъ людямъ, пока умолчано. Правда, что и Аврааму сіе божественное обѣтованіе возвѣщается уже не въ первый разъ (Быт. 12, 31), но въ первый разъ и ему, и всѣмъ намъ возвѣщается, въ связи съ извѣстными обстоятельствами, съ такою силою, такъ ясно и подробно: обѣщается благословеніе всѣмъ народамъ въ великомъ Потомкѣ Авраама, указывается родъ, чрезъ который привьются къ божественной плодоносной Маслинѣ дикія вѣтви потомства Адамова, народъ, который передастъ всѣмъ другимъ народамъ сокровище Искуplenія. Въ то же самое время указанъ и самый способъ совершенія искупленія — крестная смерть Спасителя міра — въ дивной картинѣ прообразованія. *Авраамъ отецъ вашъ*, сказалъ Господь іудеямъ, *радъ*

бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣть, и возрадовася (Іоан. 8, 26). Не въ эти ли священные минуты, по вдохновенію отъ Святаго Духа, взоръ вѣры великаго патріарха простерся въ даль вѣковъ до самой страшной Голгофы съ ея таинственнымъ жертвоприношеніемъ, простерся далѣе — видѣлъ это необозримое множество духовныхъ чадъ своихъ изъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ, спасенныхъ смертію Богочеловѣка, — видѣлъ и возрадовался?

Нужно ли говорить о высотѣ и важности сей истины? *Велія есть благочестія тайна: Богъ явился во плоти*, восклицаетъ Апостоль (1 Тимоѳ. 3, 12). По истинѣ — это тайна изъ тайнъ, по преимуществу свѣтоносная, открывающая, по выраженію отечественнаго проповѣдника (Иннокентія Херсонскаго), не только бытіе и существо Бога, а самое сердце Его, но въ то же время сокровеннѣйшая, къ которой сами *Ангели приникнути желаютъ* (1 Петр. 1, 12). Сколько вопросовъ изрекаемо было вѣрою, смиренно преклоняющеюся предъ веліей тайной! Сколько вопросовъ, пререканій, измышленій порождало невѣріе, противившееся ей! Исторія представляетъ знаменательную эпоху, когда въ теченїи трехъ-четырехъ вѣковъ не только духовные и ученые, но простолюдины, торговцы напряженно занимались преніями о томъ, кто былъ нашъ Искупитель. *Подобаетъ и ересемъ въ васъ быти*, пишетъ Апостоль, *да искуснїи явленїи бывають въ васъ* (1 Кор. 11, 19). Сїи искусные въ ученїи вѣры, святые отцы и учителя церкви, на вселенскихъ соборахъ, по вразумленію отъ Святаго Духа, дали такія догматическія опредѣленія сей величайшей истины, въ которыхъ нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слова, чтобы опять не упасть въ бездну сомнѣній, пререканій. Но тайна воплощенія и донинѣ продолжаетъ быть велією тайною, и донинѣ продол-

жаются вопросы и пререканія. Давно ли и у насъ молодежь, и не одна молодежь, такъ непозволительно увлекаемы были книжкою легкомысленнѣйшаго изъ французовъ (Ренана), въ которой происхожденіе высочайшихъ истинъ Откровенія объясняется обаяніемъ чудныхъ галилейскихъ горъ, долинъ и озеръ? Прекратилось-ли въ литературѣ это нечестивое, скажемъ болѣе, богоборное стремленіе всячески воздвигать индійскаго будду для сопоставленія его съ нашимъ Божественнымъ Наставникомъ? Не продолжается ли еще это жалкое стремленіе современнаго искусства, означающее и великій упадокъ его въ сравненіи съ дивными образцами прежнихъ школъ, когда болѣе умѣли вѣрить и цѣнить небесное, — стремленіе съ особенною рѣзкостью отгнать въ изображеніяхъ Спасителя черты узкой, притомъ искаженной страшными судьбами исторіи, національности еврейской и вообще представлять Его въ положеніи особенно страдальческомъ такъ, какъ бы Онъ былъ только человѣкъ, а не Богъ и человѣкъ. Развѣдающее невѣріе современнаго поколѣнія, къ крайнему прискорбію, даетъ себя чувствовать и на полотнѣ и на самомъ мраморѣ. Между тѣмъ, надъ всѣми сими колебаніями, напряженіями и уклоненіями человѣческой мысли возвышается священноклятвенное слово Господне: *благословятся въ стѣмени твоємъ вси языцы земнии*, и вѣра беретъ свое, сколько взять можетъ, и дѣло Божіе неуклонно и непрестанно творится, и идутъ вслѣдъ за вѣрнымъ Авраамомъ безчисленное множество вѣрующихъ, и пользуются они дарами неизреченной милости Господней и водворяются въ небесныхъ обителяхъ, близъ Авраама, на его лонѣ.

Истина верховнаго первосвященства Господа Іисуса Христа.

Вторая истина, утвержденная божественною клятвою, возноситъ мысль нашу за предѣлы времени, къ таинственному предвѣчному совѣту Божію о нашемъ спасеніи. О ней возвѣщается намъ въ псалмѣ 109, по преимуществу величественномъ и таинственномъ. Вотъ слова этого псалма: *Рече Господь Господеву моему: суди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ. Жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона и господствуй посреди враговъ твоихъ. Съ тобою начало въ день силы твоея, во свѣтлостехъ святыхъ твоихъ: изъ чрева прежде денницы родишъ тя. Клятса Господь и не раскается: ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову...* Псаломъ открываетъ намъ о божественномъ могуществѣ Спасителя міра и побѣдѣ Его надъ всѣми врагами. Далѣе говорится, что сія побѣдоносная сила Господня посылается отъ Сіона. Сіонъ разумѣется духовный, т. е. церковь, въ которой преподаются вѣрующимъ благодатныя силы Спасителя міра. За симъ, послѣ предваренія о предвѣчномъ рожденіи Бога Сына отъ Бога Отца, возвѣщается о первосвященническомъ достоинствѣ Спасителя міра, и вотъ сія то именно истина первосвященства Христова и притомъ въ многознаменательномъ образѣ—по чину Мелхиседека является во всеоружіи божественной клятвы. *Клятса Господь и не раскается: ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову.* Клятса и не раскается—сугубая клятва, броня истины непроницаемая и несокрушимая!

На истинѣ первосвященства Христова по чину Мелхиседекову утверждаются бытіе новозавѣтнаго священства, превосходство его въ сравненіи съ священствомъ ветхозавѣтнымъ, бывшимъ по чину Аарона, истинность сообщ-

щаемыхъ ему для преподаванія всѣмъ вѣрующимъ даровъ благодати и полномочія его власти. Архіереи и священники—это слуги единого верховнаго Первосвященника, исполнители Его дѣла, раздаятели Его даровъ и благословенія.

И эта истина, особенно въ приложеніи ея къ священству новозавѣтному, возбуждала и возбуждаетъ преканія и лжетолкованія.

Слишкомъ извѣстны притязанія римскаго первосвященника, который даже и въ наше время, послѣ столькихъ уроковъ и такого крушенія, усиливается предвосхищать всеобъемлющее главенство Христова и стѣснять новозавѣтное священство въ его правахъ и дѣйствіяхъ подъ своимъ низменнымъ въ смыслѣ человѣческой немощи главенствомъ. Церковь, которой обѣщано пребыть до скончанія вѣка, должна имѣть и главу вѣчно пребывающую. *Ты іерей во вѣкъ*, утверждаетъ сію истину православія божественное клятвенное слово.

Какое вразумленіе здѣсь для тѣхъ нашихъ отщепенцевъ (раскольниковъ), которые, отторгаясь отъ церкви и противясь богоучрежденной церковной власти, сами себя и все свое сборище лишаютъ даровъ благодати Христовой! Жалкіе слѣпцы, они сами себя выдаютъ и обличаютъ. Противъ чего они такъ усиленно и дерзко спорятъ?—чтобы не было на благословляющей десницѣ епископа или священника имени Господа Іисуса Христа, единого верховнаго Первосвященника, между тѣмъ какъ новозавѣтное священство только этому имени и усвоетъ всю свою честь и силу. Какъ этимъ однимъ божественнымъ словомъ разбиваются хулы тѣхъ же сопротивниковъ церкви, что якобы благодать священства отошла отъ церкви! *Ты іерей во вѣкъ*, говоритъ клятвенное Божіе слово.

Но застарѣлыя язвы не такъ сильно чувствуются: есть болѣе близкая къ намъ и по мѣсту, и по времени и свѣжая, такъ сказать, у насъ рана. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ, и именно въ Петербургѣ, обнаружилось движеніе—къ пренебреженію Богомъ установленной церкви съ ея таинствами, уставами и въ частности съ ея священствомъ. Нѣкоторыя лица знатнаго происхожденія, иноземнымъ воспитаніемъ отвращенныя отъ всего родного, не захотѣли, по подобію своихъ благочестивыхъ предковъ и многихъ знатнѣйшихъ родовъ въ семъ же Петербургѣ, жить и спасаться подъ кровомъ церкви православной и отчуждились отъ ея пастырей. „Зачѣмъ эти священники съ ихъ требованіями и притязаніями: иное дѣло—лордъ апостоль, иноземецъ, аристократъ, а главное, онъ все дозволяетъ, ничего не требуетъ: только вѣрь, учить, Христу, и спасешься“. Имѣвшіе случай слышать этого самозваннаго апостола дивились его страсти къ говоренію и пустотѣ его рѣчей, и еще болѣе дивились тому, какъ можно съ терпѣніемъ слушать его и даже увлекаться имъ. Но такъ соблазнительно было это распусканіе свободы и освобожденіе совѣсти отъ стѣснявшихъ узъ, и на этой почвѣ врагъ свободно сѣялъ плевелы. Составилось общество съ явнымъ сектанскимъ направленіемъ и свойственною сектантству страстію къ пропагандѣ. „Спасаемся вѣрою“, говорятъ увлеченные. Совершенно вѣрно, отвѣтимъ мы, но въ церкви, и внѣ ея спасенія нѣтъ. Господь, Спаситель нашъ, есть ея верховный Первосвященникъ. *Созижду церковь мою и врата адава не одолѣютъ ей* (Мѡ. 16, 18). И могутъ ли одолѣть, когда Онъ, Творецъ и вседержитель міра, *стязалъ ее Себѣ честною Своею кровію?* (Дѣян. 20, 28). „Оправдываемся отъ вѣры Христовы, а не отъ дѣлъ закона“ (Гал.

1, 16), читають они намъ. Вѣрно:—не отъ дѣлъ закона обрядоваго ветхозавѣтнаго; но для спасенія необходимо, какъ исполненіе нравственнаго закона, такъ и послушаніе церкви и исполненіе ея законоположеній и уставовъ. Важнѣйшіе изъ сихъ уставовъ и законоположеній даны самимъ Господомъ Спасителемъ, какъ въ семь несомнѣнно удостовѣряетъ Евангеліе. Онъ обѣщаль создать церковь и создалъ ее: Самъ избралъ для нея первыхъ священноначальниковъ въ лицѣ апостоловъ, учредилъ всѣ семь таинствъ, совершаемыхъ церковію, и далъ апостоламъ подробныя наставленія относительно ея устройства, когда, *поставивъ себѣ жива по страданіи своемъ, деньми чотыредесятьми являлся имъ и глаголаше, яже о царствіи Божіи* (Дѣян. 1, 3). Онъ же неизблемо утвердилъ и власть церковную. *Якоже посла мя Отець, и Азь посылаю вы* (Іоан. 20, 21), сказалъ Онъ апостоламъ. *Слушай вась Мене слушаетъ, отметається вась Мене отметається* (Лук. 18, 16). *Входяй дверьми*—законнаго избранія и поставленія—*пастырь есть овцамъ* (Іоан. 10, 2). Знаменательное указаніе на высоту священства видимъ въ исторіи того же патріарха Авраама, который принялъ утвержденное клятвою обѣтованіе вѣры. Онъ встрѣтилъ Мелхиседека, которому опредѣлено было послужить образомъ первосвященства Христова и, бывъ въ столь высокомъ положеніи, какъ другъ Божій, носитель обѣтованій для всего человѣческаго рода,—онъ, однако же, преклонился предъ священникомъ Божіимъ, какъ младшій предъ старшимъ, и Мелхиседекъ благословилъ его именемъ Бога Всевышняго. „Видите, говоритъ Апостолъ, какъ великъ тотъ, которому и Авраамъ патріархъ далъ десятину изъ лучшихъ добычъ своихъ“ (Евр. 7, 4). Мелхиседекъ поднесъ Аврааму хлѣбъ и вино. Нѣкоторые

толкователи видятъ здѣсь указаніе на таинство святаго Причащенія, которое составляетъ самую существенную и средоточную часть новозавѣтнаго богослуженія, и котораго такъ убійственно лишаютъ себя и своихъ послѣдователей увлеченные въ ересь злую.

Но если велика сила вражія, то безконечно могущественна сила Божія. Около самаго Петербурга, на пути, откуда пришелъ къ намъ начальникъ ереси, является пастырь съ особеннымъ даромъ молитвы и исцѣленія—извѣстный всей Россіи отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Простой и добрый, искреннѣйшій человѣкъ, онъ дѣйствуетъ на прибѣгающихъ къ нему именно и только, какъ священникъ, тѣми средствами, какія указываетъ церковь: совершеніемъ молебствій предъ святою иконою и окропленіемъ освященною водою, чтеніемъ слова Божія и словомъ пастырскаго назиданія, постомъ и говнѣніемъ, исповѣдію и преподаніемъ святыхъ Таинъ,—и благодати священства усвоетъ все, что совершаетъ чрезъ него милосердый Господь. И предъ нашими глазами точно повторяются событія евангельской и апостольской исторіи: толпы народа окружаютъ всюду вѣрнаго носителя Божественной благодати, немощная врачующей, и не даютъ покоя ему ни на одинъ часъ, какъ нѣкогда ученикамъ Іисуса. Этотъ смиреннѣйшій пастырь—живой и сильный обличитель гордаго суетумудрія сектантскаго.

Истина царскаго служенія Господа Спасителя.

Третіе священноклятвенное божественное слово опять поставляетъ насъ среди извѣстнаго съ дѣтства историческаго событія. Возлюбленный Богомъ Давидъ помазуется на царство и приѣмлетъ его, устрояетъ столицу, сооружаетъ новую скинію и переноситъ въ нее ковчегъ

завѣта, строить великолѣпный дворець. Здѣсь его душу осянѣваетъ мысль соорудить Богу храмъ, достойный Его величія. *Се нынѣ, говорилъ онъ, азъ живу въ домъ кедровомъ, кивотъ же Божій посредь скинии.* Господь принялъ сіе благочестивое намѣреніе, но сказалъ Давиду, что это дѣло исполнить не онъ, а сынъ его, и при семъ ему было возвѣщено: *возставлю стѣня твое по тебѣ и уготовлю царство его. Той созиждетъ домъ имени моему, и управлю престолъ его до вѣка.* Такъ передается о семъ событіи въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Но сіи чувства и желанія души Давидовой и изреченное Давиду обѣтованіе передаются и въ одномъ изъ псалмовъ (131), и здѣсь открывается новая черта, та именно, что обѣтованіе Божіе было запечатлѣно клятвеннымъ словомъ. Вотъ слова этого псалма: *„Помани, Господи, Давида и всю кротость его, яко клятеся Господеви, обѣщася Богу Иаковлю: аще вниду въ селеніе дому моего или възыду на одръ постели моея, аще дамъ сонъ очима моима и въждома моима дреманіе, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Иаковлю... Воскресни Господи въ покой твой, ты и кивотъ святыхъ твоихъ. Священницы твои облукуются въ правду и преподобніи твои возрадуются, Давида ради раба твоего, не отверати лице помазаннаго твоего (1—10).* И за симъ слѣдуетъ: *Клятеся Господь Давиду истинною и не отвержется ея: отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ (Пс. 131, 11).* Современный Давиду, священный пѣвецъ Еоамъ передаетъ сіи слова отъ лица Господня также съ клятвою: *завѣщахъ завѣтъ избраннымъ моимъ, кляхся Давиду рабу моему: до вѣка уготовлю стѣня твое, и созижду въ родъ и родъ престолъ твой (Пс. 88, 5).*

Взоръ пророческій, во многихъ мѣстахъ писанія, обнимаетъ не одинъ предметъ, а нѣсколько вдругъ, какъ

бы въ перспективѣ: ближайшія и дальнѣйшія событія, какъ бы стоя на одной линіи глаза, соединяются вмѣстѣ, частныя черты и нѣкоторыя подробности изображенія сливаются, въ чемъ и полагается необходимая до извѣстнаго времени прикровенность пророчества, и отъ чего пророчественныя рѣчи въ особенности трудны для объясненія. Такова, на примѣръ, бесѣда Господа Спасителя, изложенная въ 24 главѣ евангелія отъ Матѳея, въ одно и то же время представляющая событія—ближайшее по времени разрушенія Іерусалима, теперь уже совершившееся, и дальнѣйшее въ томъ же направленіи, имѣющее столь же несомнѣнно послѣдовать,—разрушеніе всего міра, и первое служитъ образомъ, какъ бы въ нѣкоей миниатюрѣ, послѣдняго.

Таковы же и указанныя выше слова Господа. Въ нихъ клятвенно утверждаются также двѣ истины, имѣющія неразрывную между собою связь.

Первая, большая, основная истина та, что Господь Спаситель, потомокъ Давида по земному происхожденію, есть не только верховный Первосвященникъ, но и Царь міра, подобно чему и Мельхиседекъ былъ царь и священникъ. Какъ верховный Первосвященникъ, Господь Спаситель ведетъ великое дѣло спасенія человѣческаго рода путемъ нравственнаго воздѣйствія на людей между прочимъ и чрезъ поставленныхъ Имъ пастырей-руководителей; но въ рукахъ сего великаго Первосвященника и Царя и всѣ судьбы міра. И кто можетъ противиться Ему? какіе враги, какими злоухищреніями могутъ воспрепятствовать исполненію Его опредѣленій? Всѣ эти сопротивники Богу и церкви увязаютъ сами въ сѣтяхъ своихъ, и творимыя ими козни, по дѣйствію Божественнаго промысла, обращаются во благо церкви. Исторія

церкви христіанської съ очевидною ясностію показуєть это владычество въ мірѣ верховнаго ея Первосвященника. Какую борьбу она вынесла и съ внѣшними и внутренними врагами, и какія побѣды одержала! Сколько разъ и намъ на вѣку нашемъ приходилось видѣть, какъ инія богоборныя величія воздымались и падали! И это дѣлается иногда съ такою ужасающею быстротою: вчера былъ, повидимому, на высотѣ власти и дерзко попіралъ законы и права, сегодня нѣтъ его, и слѣда его найти нельзя. Недавній дорогой гость Петербурга, съ такою честью и славою возвратившійся на свою родину и паству, сербскій архипастырь митрополитъ Михаилъ—живой свидѣтель, какъ быстро измѣняетъ положеніе вещей десница Вышняго.

Истина божественнаго установленія наслѣдственной царской власти.

□ Другая зависима отъ этой [первой, подчиненная ей, но] также великая для насъ, открывающаяся здѣсь, истина—та, что царская власть, и именно наслѣдственная, есть учрежденіе Божественное. *Клятса Господь Давиду истинною и не отвержется ея: отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ.*

Клятва изречена съ дополненіемъ, т. е. не одновременно Господь исполнить Свое слово только по отношенію къ Соломону, первому наслѣдственному царю у народа Божія, но сохранить оное на продолженіе времени и у другихъ народовъ *).

Господу благоугодно было указать на одно изъ благъ такого установленія: *той созиждетъ домъ имени моему.*

*) Подробное объясненіе сего пророчества въ примѣненіи къ указанной истинѣ—въ словѣ митр. Филарета на сей текстъ т. 4, стр. 350, 356.

Давидъ сдѣлалъ весьма многое, возвысилъ, распространилъ и укрѣпилъ царство, но покоряя народы, пролил много крови, посему сооруженіе храма предназначено совершить сыну его Соломону. Давидъ покорился Божіему опредѣленію, но сталь, однако же, заготовлять матеріаль, нужный для сооружения храма. Предъ кончиною своею, онъ призвалъ Соломона, все указалъ ему, что при немъ сдѣлано было для храма, и далъ указанія относительно дальнѣйшаго, и Соломонъ воспринялъ всѣ сіи наставленія любящею душею сына и исполнилъ по завѣту отца.

Царственныя дѣла простираются на великое множество людей и даютъ направленіе жизни всего народа: они иногда, по необходимости, совершаются въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, даже вѣковъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно, когда именно сынъ входитъ въ трудъ своего отца и принимаетъ на себя извѣстное дѣло—не только какъ долгъ передъ царствомъ, но и какъ завѣтъ отеческій. Благотворную истину этого божественнаго установленія, и притомъ въ примѣненіи къ сказанному о домѣ Господнемъ, жители Петербурга могутъ читать на гранитныхъ столпахъ и стѣнахъ того величественнаго храма *), въ которомъ Святѣйшій Синодъ совершаетъ прилежное моленіе о здравіи и благоденствіи, умудреніи и укрѣпленіи въ подвигѣ Помазанника Божія. Чтò въ глубинѣ вѣрующаго сердца помыслилъ и отъ малой части только могъ среди своихъ исполнскихъ трудовъ совершить Императоръ Петръ I, то восприняла преданною великому Преобразователю Россіи душею Императрица Екатерина II, и дала дѣлу то именно

*) Разумѣется—каедральный Исаакіевскій соборъ.

направление, какое оно должно имѣть по своей идеѣ. Мысли и желанія мудрой Екатерины блистательно осуществляютъ преемственно царствовавшіе внуки ея императоры Александръ I, и Николай I и приводятъ въ совершение правнукъ Александръ II. Посмотрите и на дѣла царства. Возьмемъ для примѣра самое великое изъ нихъ—освобожденіе 23 милліоновъ отъ крѣпостной зависимости. Не тѣ же ли великія имена и не въ томъ же ли наслѣдственномъ преемствѣ красуются и въ совершеніи этого великаго дѣла?

Но это только, какъ и выше замѣчено было,—обнаруженіе блага божественнаго установленія. Основаніе же для него является глубочайше—утвержденнымъ въ отношеніяхъ *Отца Небеснаго къ Сыну*, и установленіе сіе неразрывно связано съ промышленіемъ Божиимъ о церкви. *Сынъ мой еси ты: азъ днесь родихъ тя. Проси отъ меня, и дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли* (Ис. 2, 8), говоритъ Отецъ Небесный Сыну, Совершителю нашего спасенія. Вотъ небесное установленіе, отражающееся въ земномъ порядкѣ царственнаго престолнаслѣдія! А насколько нужно и полезно для церкви прочно утвержденное царское правительство, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго пророческаго откровенія. Пророкъ Исаія видитъ церковь въ тяжеломъ положеніи, почти безнадежномъ, и слышитъ вопль ея: „*остави мя Господь и Богъ забы мя*“ (40, 14). „*Еда забудетъ жена отроча свое, отвѣчаетъ Господь на этотъ вопль, еже не помилovati исчадія чрева своего; аще и забудетъ сихъ жена, но азъ не забуду тебе*“ (ст. 15): „Вотъ, Я начерталъ тебя на дланяхъ Моихъ: стѣны твои всегда предо Мною... Сынвья твои поспѣшатъ къ тебѣ... Возведи очи твои—посмотри вокругъ, всѣ собираются къ

тебѣ. Живъ Я!—говоритъ Господь, всѣми ими ты облечешься, какъ убранствомъ, и нарядишься ими, какъ невѣста. *И будутъ царіе кормители твои, и княгини ихъ кормилицы твои* (ст. 23):“ Сколько императоровъ, царей, великихъ князей и въ православной Греціи, и у насъ въ святой Руси, были защитниками и охранителями благоденствія и мира православной церкви и питателями ея отъ щедротъ своихъ! *И княгини ихъ кормилицы твои*. Сколько и отъ нихъ церковь воспріяла добраго, начиная съ равноапостольной Елены и до почившей въ Бозѣ благочестивѣйшей Государыни Маріи Александровны, и какой это поэтически-прекрасный образъ! Царская власть, твердо установленная и обеспеченная престолонаслѣдіемъ, является однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и дѣйственныхъ орудій, которыми Господь управляетъ міромъ и охраняетъ свою церковь.

Такимъ образомъ, клятвою божественною запечатлѣны важнѣйшія истины, на которыхъ утверждается наше спасеніе, на которыхъ, можно сказать, міръ стоитъ *).

По обстоятельствамъ и потребностямъ нашего времени, весьма поучительно для насъ и въ высшей степени утѣшительно то, что съ сими же основными истинами нашего спасенія въ неразрывной связи находится истина божественнаго установленія царской власти и при томъ наслѣдственной, и что сія, столь важная для благоденствія народовъ, истина также утверждена божественною клятвою.

*) Въ священномъ Писаніи упоминается и о другихъ священно-клятвенныхъ словахъ Божіихъ (Ис. 54, 9; Пс. 104, 9; Мих. 7, 20; Іез. 16, 8 и др.). Но всѣ сіи священно-клятвенныя слова имѣютъ тѣснѣйшую связь между собою и утверждаются ими тѣ же основныя истины нашего спасенія.

„Къ чему трудъ удостовѣренія о сей истинѣ?“ спрашиваетъ въ одномъ изъ своихъ словъ приснопамятный святитель Филаретъ—„сіе ученіе уже написано въ сердцахъ Россіянь“, и отвѣчаетъ: „знаю возлюбленные, и радуюсь... Но отъ избытка сердца уста глаголють... Кромѣ сего, время теперь повторять себѣ и подтверждать самыя извѣстныя истины: потому что духъ времени не оставилъ ни одной истины, которую бы не покушался колебать или словомъ, или на дѣлѣ.“ И за симъ настаивательно и съ мудрою прозорливостью продолжаетъ: „Когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Береги, Россія, и возжигай сильнѣе твой домашній свѣтъ, потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тьма покрываетъ землю, и мракъ на языки* (Ис. 60, 2). *шаталася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ* (Пс. 21, 1) Переставъ утверждать государственныя постановленія на словѣ и власти Того, *Къмъ царіе царствуютъ*, они уже не умѣли ни чтить, ни хранить царей... Изъ мысли о народѣ выработали идолъ: и не хотятъ понять даже той очевидности, что для столь огромнаго идола недостатень никакихъ жертвъ... Мечтають пожать миръ, когда сѣютъ мятежь. Не возлюбивъ свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены раболѣпствовать предъ дикою силою своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнуемое море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядокъ, общественное довѣріе, довольство, безопасность“. Святитель писалъ сіе въ 1848 году: онъ имѣлъ въ виду неистовства революцій, но тогда еще не свирѣпствовала коммуна, которая на пути своемъ поглотила и въ конецъ ниспровергла все дорогое и священное людямъ.

Теперь... мы переживаемъ время нѣсколько иного характера: насъ приглашали на праздникъ низверженія законныхъ властей; предъ нами усиливались чествовать позорнѣйшія событія исторіи. Надъ собраніемъ произведеній человѣческаго ума*), показывающимъ, какими богатыми дарами Господь ущедрилъ страну, которая затѣмъ низвергла Его алтари, надъ этимъ собраніемъ или выставкою страшная башня, ощутительно трясущаяся, и движущаяся, вытягиваетъ къ верху, *паче всякаго глаголемо бога или чтимца* (2 Сол. 2, 4), свою голову. Видимъ вообще нѣчто весьма *превозносящееся и высящееся* (Пс. 26, 36). Что будетъ съ этимъ народомъ, когда *мимо идетъ* современное поколѣніе, единъ Господь вѣсть. Теперь можно сказать только одно: сколько ума, какая энергія, какія громадныя средства послѣ такихъ ужасающихъ потрясеній и бѣдствій и... какая пустота въ стремленіяхъ и цѣляхъ! Пока извѣстенъ только тотъ результатъ наблюденій съ этой башни, на землѣ еще не бывалой: люди ползаютъ тамъ внизу, какъ мухи, великолѣпная столица—донельзя жалка, роскошныя зданія—какіе то сѣрые обломки, а міръ Божій, открывающійся вдали, эта зелень луговъ и лѣсовъ, сливающаяся съ синевой небесъ, такъ чудны и прекрасны. О хотя бы это вразумляющее впечатлѣніе удержалось въ головахъ и освѣжило тѣхъ, кто въ безумной гордости силится попирать установленія и законы Вышняго!

„Благословенъ *запрещающій морю* (Мѡ. 8, 26)—этому волнуемому морю народовъ, восклицаетъ святитель Филаретъ. Для насъ еще слышенъ въ событіяхъ Его гласъ: *до сего дойдеши, и не преjdeши* (Іов. 38, 11).

*) Разумѣлась—Парижская всемірная выставка, бывшая въ 1889 году.

Крѣпкая благочестіємъ и самодержавіємъ Россія стоить твердо и спокойно, подобно каменной горѣ, у подножія которой *сокрушаются волны моря*. Она спокойна, потому что державная рука Помазанника Божія держитъ ея миръ... *Съ нами Богъ!* да взываетъ каждый изъ насъ заедино съ Благочестивѣйшимъ Самодержцемъ нашимъ. *Съ нами Богъ* благодатію православной вѣры“, неизмѣнно и твердо хранимой въ святой церкви православной! „*Съ нами Богъ* благодатнымъ даромъ благословеннаго наслѣдственнаго самодержавія!—Да пребываемъ же и мы съ Богомъ чистою вѣрою и достойною вѣры жизнію, непоколебимою вѣрностію благодарованному Царю и соотвѣтственнымъ единачалію единомушіемъ!“*).

ЧУДЕСА ВЪ ПРЕЖНЕЕ И НАШЕ ВРЕМЯ.

Ученіе о чудесахъ и само по себѣ имѣетъ важное значеніе, и особенно важно теперь, въ вѣкъ невѣрія. Ученіе сіе содержитъ въ себѣ указанія и на то, какъ должно относиться къ этимъ явленіямъ Божіей милости.

Что такое чудеса? По общепринятому понятію,—это „такія дѣла, которыя не могутъ быть сдѣланы ни силою, ни искусствомъ человѣческимъ, но токмо всемогущею силою Божіею, на примѣръ: воскресить мертваго“. Но и весь міръ—дѣло рукъ Божіихъ и, значитъ, преисполненъ чудесъ. Чѣмъ же отличается чудо отъ другихъ въ этомъ океанѣ чудесъ? Прежде всего, нѣкоторою необычностью своего совершенія. Необычность сія производитъ особенное впечатлѣніе, останавливаетъ вниманіе, заставляетъ

*) Слова и Рѣчи, изд. 1881, т. 4, стр. 353—356.

привыкшую къ чудесамъ мысль задуматься. Явленіе на свѣтъ младенца также великое чудо милости Божіей, но мы привыкли къ сему явленію, и оно перестало быть чудомъ въ нашихъ глазахъ отъ многократнаго повторенія. Иное дѣло воскрешеніе мертваго или внезапное исцѣленіе безнадежно больного или мгновенное утишеніе взволнованнаго моря. *И убояшася страхомъ велимъ и глаголаху другъ другу, кто убо сей есть, яко и вѣтръ и море послушаютъ его* (Марк. 4, 41)—вотъ выраженіе впечатлѣнія, производимаго чудомъ. Отъ этого впечатлѣнія оно получило и свое названіе: чудно, дивно, непостижимо!

Вторую существенную черту чуда составляетъ особенное нарочитое устремленіе всѣхъ обстоятельствъ его къ извѣстной цѣли, скажемъ яснѣе, къ цѣли нравственнаго и вообще духовнаго назиданія. Обстоятельства извѣстнаго чуда, взятая отдѣльно, могутъ быть и не чудеснаго характера; нѣтъ, на примѣръ, ничего необыкновеннаго въ томъ, что рыба попала на закинутую удю, и во рту ея найденъ стиръ, или что сѣть рыболова наполнилась рыбами, но предуказаніе на эти обстоятельства, сочетаніе ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, принаровленіе ихъ къ вопросу, занимающему умы, нравственное назиданіе, вытекающее изъ нихъ, даютъ имъ значеніе особеннаго чудеснаго дѣйствія Божія среди безчисленныхъ дѣйствій той же десницы Господней въ природѣ и жизни человѣческой. Въ этомъ отношеніи чудо называется знаменіемъ: вникни, подумай, что значитъ сіе особенное дѣйствіе десницы Вышняго, на что оно указываетъ, чего оно отъ тебя требуетъ. Правда, и жизнь, и природа возвѣщаютъ славу Божію, учатъ богопознанію, но чудеса въ особенности. Рука Господня разоблачается. Изъ этого привычнаго нашему глазу сдѣленія второ-

степеннихъ и третьестепеннихъ причинъ и слѣдствій Господь воздвигаетъ вседержительную Свою силу и указываетъ на нѣчто забытое нами, на нѣчто, можетъ-быть, и новое, что намъ должно знать и помнить.

Этимъ направлениемъ чуда къ назиданію и утврѣженію въ добрѣ истинное чудо отличается отъ ложнаго. И дьяволъ, какъ духъ несравненно сильнѣйшій человѣка, можетъ, по Божіему попущенію, сдѣлать нѣчто необыкновенное или самъ непосредственно, какъ видимъ въ исторіи праведнаго Іова, или чрезъ свои орудія, какими были, напримѣръ, во время пророка Моисея, волхвы египетскіе, въ послѣднія времена церкви будетъ антихристъ. Чудеса, которыя тѣ творили и сей сотворить, называются *ложными* не въ томъ смыслѣ, чтобы это были просто продѣлки какихъ-либо фокусниковъ,—нѣтъ, это были и будутъ дѣйствія, превышающія силу человѣческую,—а въ томъ, что они были и будутъ направлены не къ созиданію, а къ разрушенію добра и къ утврѣженію лжи и нечестія.

Направленныя къ нашему духовному назиданію чудеса имѣютъ основаніе и средоточіе въ великой тайнѣ искупленія. Божественная любовь въ искупленіи возсозидаетъ родъ человѣчскій и вмѣстѣ съ симъ разрушаетъ послѣдствія грѣха. Отсюда необходимость чудесъ: дается нѣчто новое, отстраняется старое. Для совершенія искупленія является въ образѣ человѣческомъ однородный Сынъ Божій, которому у пророка предвозвѣщено имя: *чудный*. Здѣсь возможность чудесъ. Удивительно ли, что Чудный творить чудеса: было бы удивительнѣе, если бы это снисшествіе Бога на землю не было ознаменовано чудесами. Собственно говоря, одно только и есть чудо—*Боговоплощеніе*; всѣ остальные чудеса—необходимая при-

надлежность и естественное проявленіе этого величайшаго чуда любви Божіей. Отсюда чудесамъ усвоится третіе ихъ наименованіе—дѣло. Для насъ и самихъ ангеловъ, какъ часто поется въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ,—дивное чудо, а для Бога—просто дѣло. *Дѣла, яже Азъ творю, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла.*

Вотъ еще нѣсколько частныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній изъ обширнаго ученія о чудесахъ.

Чудеса не суть случайныя и произвольныя обнаруженія высшей силы, какъ бы божественная сила Спасителя міра отъ полноты и преизбытка обнаруживалась сама собою. Такими чудесами апокрифическія евангелія окружаютъ дѣтство Господа Іисуса Христа. Еще у груди Своей матери Онъ яко бы приказываетъ пальмѣ пригнуться къ ней, чтобы она могла нарвать себѣ финиковъ. Вмѣстѣ съ другими дѣтьми Онъ яко бы лѣпить изъ глины птичекъ, и птички сіи, по Его приказанію, летаютъ, поютъ, пьютъ ѣдятъ изъ рукъ Его и т. под. Эти измышленныя фантазією, хотя и благочестивою, чудеса только возвышаютъ истинно-божественное достоинство тѣхъ чудесъ нашего Спасителя, о коихъ говорятъ подлинныя Евангелія. Здѣсь каждая черта знаменательна, и чувствуется въ ней живая, тѣсная связь съ великимъ дѣломъ искупленія человѣческаго рода.

Чудеса обыкновенно почитаются доказательствами Божественнаго посланничества Господа Іисуса Христа: это совершенно вѣрно. Но чудеса возвѣщаютъ вмѣстѣ съ симъ и волю Всемогущаго Бога. Чудомъ запечатлѣвается ученіе, которое и даетъ ему истинную цѣну и достоинство. И ученіе, и чудо имѣетъ надлежащую силу только въ той внутренней глубокой связи, какою закрѣ-

пила ихъ премудрость Божія. Чудо по отношенію къ ученію, имъ возвѣщаемому,—какъ бы печать на документѣ. Безъ печати документъ не имѣетъ надлежащей силы, и печать безъ документа не имѣетъ цѣны.

Чудеса обыкновенно почитаются знаменіемъ милости Божіей, и это вѣрно; но этимъ далеко не исчерпывается ихъ значеніе: они не только возвѣщаютъ милость Искупителя, но и многія истины, необходимыя для нашего спасенія, и догматическія, и нравственныя, содержатъ въ себѣ многія пророчесственныя указанія на будущія событія, какъ въ церкви Христовой, такъ и въ вѣчномъ царствѣ Божіемъ. Вотъ уже почти два тысячелѣтія толкователи Писанія, проповѣдники находятъ, подбираютъ, указуютъ намъ драгоценнѣйшія жемчужины во всѣхъ самомельчайшихъ подробностяхъ Евангельскихъ чудесъ. Говорятъ: вотъ эту черту сохранилъ намъ евангелистъ Матѳей, эту—Маркъ, эту—Лука, эти чудеса—только у Іоанна, и чувствуешь, какая потеря была бы для вѣры, для знанія, если бы той или другой черты не доставало въ дивной картинѣ чудеснаго событія. Но еще далеко не всѣ сокровища обрѣтены и указаны. Пройдетъ и еще много времени, и всегда будетъ поприще для будущихъ Филаретовъ и Иннокентіевъ.

Творецъ чудесъ—единъ Богъ. *Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ творяй чудеса единъ.* Если святые пророки и апостолы творили чудеса, то единственно силою Божією. И, конечно, не можетъ не быть разницы, когда творитъ чудо Самъ Жизнодавецъ или Его слуги. Чудеса Господа Спасителя отличаются отъ чудесъ пророковъ и апостоловъ полною свободою и самостоятельностью, наибольшою широтою дѣйствія, дивнымъ спокойствіемъ. И еще характеристическая черта чудесъ

собственно Христовыхъ. По свойству человѣческой природы, въ видахъ исправленія, требуется не одно благотвореніе вѣрѣ и заслугѣ, но и наказаніе виновныхъ. На эту неизбѣжную нужду указуютъ въ Ветхомъ завѣтѣ кары египтянъ, растерзаніе непокорныхъ дѣтей, въ Новомъ—наказаніе Ананіи и Сапфиры, волхва Елимы и др. Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ чудесахъ своихъ только благотворитъ. Ни одной кары, ни одного наказанія, одна милость, милость безконечная. Если Онъ хотѣлъ ради той же любви показать, какая судьба упорнаго невѣрія, то показалъ это на деревѣ, подвергнувъ проклятію неплодную смоковницу. Образъ сильный, внушительный, грозный, но въ то же время трогательный и по отношенію къ намъ любвеобильный. Но, хотя слуги Господни дѣйствовали и не своею силою и должны были не только миловать, но и карать, однакожь, совершали великія чудеса, какъ въ Ветхомъ, такъ особенно въ Новомъ завѣтѣ и продолжаютъ совершать ихъ и до послѣдняго времени въ церкви христіанской-православной. Ветхій завѣтъ по отношенію къ новому и въ чудесахъ имѣетъ то же значеніе, какъ и въ другихъ частяхъ Божественнаго домостроительства о нашемъ спасеніи,—значеніе начатковъ по отношенію къ полнотѣ благодати, значеніе сѣни и образа по отношенію къ самому тѣлу. Въ этомъ отношеніи даны намъ весьма важныя указанія и по отношенію къ чудесамъ, нынѣ, по великой милости Божіей, совершающимся въ церкви православной *).

*) Статья сія была уже написана, когда въ 3-й книжкѣ „Странника“ (стр. 574) была оглашена *Просьба папая* вывести его изъ недомыслія: можно ли сказать, что „постоянныя во всякое время чудеса невозможны? Можно ли допустить, что чудодѣйственная сила всемогущаго Бога дѣйствуетъ непостоянно, не во всякое время?“ Въ предлагаемой статьѣ есть нѣкоторыя

Въ Вѣтхѣ завѣтѣ были посредники благодати, особеннымъ чрезвычайнымъ образомъ призываемые къ своему служенію: пророки Моисей, Самуилъ, Исаія, Ілїя, Елисей... Въ судьбахъ народа Божїя принимали участіе ангелы, и служеніе ихъ такъ же обнаруживалось въ чудесахъ, какъ, на примѣръ, въ избїенїи первенцевъ египетскихъ, 185 тысячъ въ войскѣ ассирійскомъ и помощи служителямъ Божїимъ пророку Ілїи, Данїилу, тремъ отрокамъ. Есть нѣкоторыя указанія и на заступничество праведныхъ людей, по кончинѣ ихъ, за подвизающихся на землѣ. Но все это было какъ бы отрывочно и только въ начаткахъ. Въ Новомъ завѣтѣ, по милости Искупителя, число посредниковъ благодати, какъ земныхъ, такъ въ особенности небесныхъ, весьма усилилось, и благотворное дѣйствіе ихъ на пользу вѣрующихъ продолжается непрерывно. Апостоль Павелъ съ торжествомъ возвѣщаетъ объ этомъ великомъ преимуществѣ церкви новозавѣтной предъ ветхозавѣтной. „Вы приступили, пишетъ святой Апостоль, не къ горѣ, осязаемой и пылающей огнемъ, не ко тмѣ и бурѣ“ (Евр. 12, 18). „Столь ужасно было это видѣніе, что и Моисей сказалъ: я въ тревогѣ и трепетѣ“. „Но вы,— продолжаетъ Апостоль,— приступили къ горѣ Сїону и ко граду Бога живаго, къ небесному Іерусалиму и тьмамъ ангеловъ, къ торжествующему собору и церкви первородныхъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судїи

разъясненія по симъ вопросамъ, хотя и не прямо на нихъ составленныя. Къ сказанному можемъ присовокупить, въ успокоеніе благочестиваго пахаря, что, вѣруя въ постоянныя проявленія чудодѣйственной силы всемогущаго Бога, онъ утверждаетъ на несомнѣнной истинѣ православія, и что сужденія инославныхъ писателей, хотя и знаменитыхъ и прославленныхъ о томъ, что чудеса въ христіанской церкви прекратились и когда они прекратились, внушены имъ духомъ иномыслія протестантскаго и могутъ казаться имъ правильными только потому, что въ своихъ христіанскихъ обществахъ они не видятъ и не знаютъ истинной церкви христіанской православной.

всѣхъ Богу и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ Ходатаю Новаго завѣта—Иисусу“ (Евр. 12, 21 — 24). Въ этомъ величественномъ соборѣ небесныхъ нашихъ заступниковъ и покровителей первенствуетъ и предводительствуетъ Пречистая Богоматерь, которая судьбами Своей многострадальной жизни въ особенности была предуготована къ тому, чтобы знать всѣ наши нужды и скорби, и которой, по великому Ея достоинству и близости къ Богу, дана особенная благодать молиться о насъ. Эта особенная помощь святыхъ, оставаясь въ существѣ чудомъ милости Божїей, сдѣлалась въ церкви какъ бы обычнымъ явленіемъ. Память святыхъ угодниковъ введена въ богослуженіе, распредѣлена по днямъ года, частію по днямъ недѣли. Каждому христіанину дается особый ангель-хранитель, каждый состоитъ подъ особымъ покровительствомъ того или другого угодника Божїя, имя коего носитъ... Мы этому вѣруемъ, видимъ помощь, слышимъ чей-то небесный голосъ, вразумляющій, предостерегающій насъ, и не видимъ здѣсь ничего необыкновеннаго, какъ бы такъ и должно быть. Эти великія чудеса, если вникнуть въ каждое изъ нихъ въ отдѣльности, съ теченіемъ времени, вошли въ нашу жизнь и утвердились въ ней, какъ бы ея уже необходимая принадлежность. Пишущему сіи строки, по великой милости Божїей, въ самомъ началѣ жизни самостоятельной, Господь привелъ восемь лѣтъ прожить въ святой обители преподобнаго Сергія и близко наблюдать, что значитъ жить подъ сѣнію святаго угодника. „Преподобный вразумилъ, утѣшилъ, облегчилъ скорбь и болѣзнь“—эти слова тамъ всѣмъ понятны. Cholera 30-го и 48-го годовъ, опустошавшая Москву и сосѣднія селенія, не коснулась не только обители, но и живущихъ въ посадѣ. Такъ

просто и естественно все это объяснялось близостию къ симъ мѣстамъ великаго угодника Божія и силою его молитвъ... Соприсутствіе святыхъ угодниковъ также живо чувствуется и въ Киевской лаврѣ, и у Соловецкихъ чудотворцевъ, и въ другихъ такъ называемыхъ святыхъ мѣстахъ.

Пророки при чудотвореніи употребляютъ посредства или орудія, которымъ Господь сообщаетъ нѣкую особенную силу. Эти посредства, употребляемая при чудотвореніи, показываютъ, что источникъ силы ихъ внѣ ихъ— въ всемогущей силѣ Господней. Нѣкоторыя изъ сихъ посредствъ видимо имѣютъ близкое отношеніе къ тайнѣ искупленія: „Крестъ начертавъ Моисей“, поетъ таинница благодати церковь, „впрямо жезломъ Чермное пресѣче“, и послѣ не другимъ какимъ либо жезломъ, а этимъ именно повелѣвается ему ударить въ скалу, чтобы извести изъ нея воду (Исх. 17, 5—6). Жезлъ этотъ былъ, значить, нѣкоторымъ образомъ чудотворный. Пророкъ Елисей посылаетъ больного Неемана окунуться семь разъ въ водахъ Иордана, въ которыхъ послѣ благоволилъ Господь принять крещеніе и освятить воды для таинственного нашего возрожденія. Пророкъ Исаія врачуетъ больного царя Езекию приложеніемъ смоквъ, что предуказываетъ на силу освященнаго елея. Теперь, по неизреченной милости Божіей, мы имѣемъ самый этотъ крестъ въ постоянную нашу помощь, защиту и огражденіе. Особенную чудотворную силу имѣетъ освящаемая по церковному чинопослѣдованію вода. Елей и миро сдѣлались посредствами великихъ пренебесныхъ таинствъ.

Пророки подавали чудесную помощь не только внѣшними посредствами, но иногда по великой милости Божіей, какъ бы и отъ себя. Силою Божією исполнялся

духъ ихъ, эта сила исполняла и тѣло ихъ и являлась въ останкахъ ихъ даже по ихъ кончинѣ. Пророки Ілія и Елисей распространяются на умершихъ отроковъ и этимъ прикосновеніемъ возгрѣваютъ въ нихъ погасшую жизнь. По кончинѣ пророка Елисея, отъ прикосновенія къ костямъ его воскресъ мертвый. У апостоловъ сила Божія проявляется еще явственнѣе и сильнѣе. Больныхъ выносятъ на улицы и полагаютъ на постеляхъ и кроватяхъ, дабы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ (Дѣян. 5, 15). На больныхъ возлагали платки и опоясаніе, оставленные апостоломъ Павломъ, и у нихъ прекращались болѣзни, и злые духи выходили изъ нихъ (Дѣян. 19, 12). Со времени же апостоловъ и по настоящее время совершается въ церкви разительнѣйшее чудо— изъятіе святыхъ мощей угодниковъ Божіихъ изъ всеобщаго закона тлѣнія. Въ Киевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего богохранимаго отечества открыто почиваютъ многія нетлѣнныя мощи святыхъ угодниковъ и источаютъ непрестанныя чудеса для притекающихъ къ нимъ съ вѣрою, какъ это было уже сказано о святой обители Сергіевой. Но и симъ не ограничилась великая къ намъ милость Жизнодавца. Рѣдкій храмъ не хранитъ у себя особо чтимой за явленные чудеса святой иконы. Нѣкоторыя иконы Спасителя, Божіей Матери, святителя Николая и другихъ угодниковъ Божіихъ, по обилію совершавшихся чрезъ нихъ чудесъ, издревле извѣстны подъ именемъ чудотворныхъ и до сихъ поръ не перестаютъ быть какъ бы протоками или проводниками спасительной для насъ чудодѣйственной силы. Въ честь ихъ установлены праздники, созидаются храмы, составлены особыя службы. Противъ тѣхъ, которые го-

ворять „нужны ли эти посредства благодати“, можно замѣтить, что и Самъ Господь Спаситель, вполне обладающая собственно чудотворною силою, однимъ словомъ утишавшій бурю и воскрешавшій мертвыхъ, иногда находилъ нужнымъ употреблять посредства—влагалъ персты въ уши, соединялъ брєніе съ плюновєніемъ и возлагалъ на очи слѣпыхъ, касался слюною языка нѣмыхъ. Нужны эти посредства не для Его чудотворной силы, которая дѣйствєнна и безъ нихъ, но въ тѣхъ же цѣляхъ искупленія, для возбужденія нашей вѣры, для показанія, что и въ другихъ средствахъ врачеванія дѣйствуетъ Его же чудотворная сила, и для смиренія нашей гордости и въ особенности гордости ума, этого тягчайшаго и погубительнѣйшаго нашего грѣха. Нѣкогда Неѣманъ позволилъ себѣ выразить неудовольствіе, зачѣмъ это пророкъ Божій самъ не вышелъ къ нему и зачѣмъ посылаетъ его купаться въ этой малой рѣчкѣ—Иорданѣ; но, по совѣту умныхъ друзей, смирился и получилъ исцѣленіе. И намъ, бѣдствующимъ въ мірѣ семъ, паче всего нужно смиреніе вѣры.

Наконецъ, и еще есть весьма вразумительное для насъ указаніе ветхозавѣтной священной исторіи. Чудесами исполнена она вся, но въ нѣкоторыя времена являлось особое обиліе чудесъ. Такъ въ особенности много сотворено было чудесъ при началѣ устроєнія ветхозавѣтной церкви, когда народъ еврейскій, освобожденный отъ власти египетской, путешествовалъ въ предназначенное ему мѣсто жительства и водворялся тамъ, когда данъ былъ ему законъ, устроєна скинія, учреждено священство и опредѣлены мѣсто, время, дѣйствія богослуженія. Затѣмъ исторія чудесъ какъ бы замолкаетъ, и опять являются они, на примѣръ, въ исторіи нѣкоторыхъ судей, при учре-

жденіи царства, и опять слѣдуетъ какъ бы нѣкоторый перерывъ. Затѣмъ снова настаєтъ богатое чудесами время пророковъ Ілїи, Елисея, Ісаїи, Данїила. И въ исторіи церкви христіанской особеннымъ обиліемъ чудесъ ознаменовано было первое время христіанства, когда многимъ подавались чрезвычайныя дарованія Святаго Духа и между другими одинаково дивными дарованіями и особенный даръ чудесъ. Но затѣмъ этотъ могучій приливъ силъ сталъ какъ бы незамѣтенъ, и церковь вошла въ свое обычное состояніе. Многія изъ чудесъ, наиболѣе и всегда нужны намъ, по милости Господней, вопли уже въ самую жизнь и сдѣлались ея естественнымъ обнаруженіемъ. Здѣсь уже на глазахъ исторіи совершилось то же, что выше замѣчено было о чудесахъ всего міра и о чудесахъ въ особомъ тѣсномъ смыслѣ. Церковь всегда преисполнена чудесъ, даже несравненно болѣе великихъ и поразительныхъ, чѣмъ этотъ видимый міръ. Какое чудо, на примѣръ, можетъ быть выше и поразительнѣе, какъ претвореніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову? Чудеса исцѣленій увѣковѣчены для насъ въ таинствѣ елеосвященія, и каждый пожившій священникъ изъ своей приходской практики укажетъ вамъ не одинъ примѣръ, какъ иногда безнадежно больные получали послѣ сего таинства чудесную помощь и исцѣленіе отъ болѣзни. Но къ этимъ чудесамъ мы привыкли, какъ привыкли и къ безчисленнымъ чудесамъ природы: ощущаемъ, хотя, можетъ-быть, на краткое время, дивное спокойствіе послѣ причащенія Святыхъ Таинъ, вкушаемъ сохранившуюся въ теченіе цѣлаго года свѣжую и чистую крещенскую воду. Нельзя, конечно, уже ничего-то не видѣть, нельзя не сознавать, что совершается чудо, но это бываєтъ изъ года въ годъ, и не у однихъ у насъ дѣ-

ляется, а и у всѣхъ православныхъ; привыкаемъ къ самымъ словамъ удивленія, какъ бы это были обычныя выраженія. Привыкли видѣть и нетлѣнныя святыхъ мощей и слышать о бывшихъ и бывающихъ исцѣленіяхъ отъ святыхъ чудотворныхъ иконъ. Но вотъ отъ времени до времени, какъ видимъ изъ исторіи церкви, вновь являютя особенныя чудеса и знаменія, которыя возбуждаютъ общее вниманіе, будятъ нашу дремлющую мысль, заставляютъ задумываться, что значитъ сіе особенное чрезвычайное явленіе десницы Вышняго. Таково наше время.

Не такъ давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, знаменитый въ то время проповѣдникъ, оставшійся такимъ и на послѣдующее время (Иннокентій, архіепископъ херсонскій), пишетъ пространную и умную проповѣдь на тему, почему теперь не видимъ чудесъ, какія были во времена апостольскія, и слѣдуетъ ли объ этомъ печалиться. Другой, еще болѣе прославленный церковный витія (высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій), нѣсколько ранѣе въ своемъ также пространномъ словѣ развиваетъ мысль, что, хотя даръ языковъ и пророчествъ и не продолжается теперь въ церкви, такъ какъ церковь достаточно уже распространилась, но чудеса исцѣленія должны быть и есть, такъ какъ нужда въ нихъ не прекратилась, и раскрываетъ причины, почему этихъ чудесъ мы не видимъ. Изъ тона того и другого слова видно, что тогда не было тѣхъ столь частыхъ, явныхъ и поразительныхъ чудесъ, какія мы видимъ и о какихъ слышимъ въ послѣднее время. Теперь современнѣе была бы тема, отчего такъ много чудесъ въ наше время, и слѣдуетъ ли этому только радоваться. Явленіе этихъ особенныхъ чудесъ нашего времени падаетъ на начало

60-хъ годовъ, откуда обыкновенно ведутъ начало тому смущенію умовъ, которое и самому времени нашему дало наименованіе смутнаго, напоминающее одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей исторіи. Особеннымъ обиліемъ чудесъ ознаменовано было открытіе святыхъ мощей святителя Тихона; слѣпыя прозирали, нѣмые получали даръ слова, расслабленные, бѣсноватые—съ сведенными руками или съ поврежденными другими членами тѣла мгновенно исцѣлялись. Чудеса творились всенародно, на глазахъ всѣхъ. Около сего же времени особенное изумленіе предъ величіемъ силы Божіей возбудило даже въ обильной чудесами Сергіевой лаврѣ исцѣленіе сухо-рукаго—одного изъ лаврскихъ сторожей—послѣ бывшаго ему ночнаго явленія преподобнаго, при мощахъ его, въ день его святой памяти. Въ это же время въ Москвѣ, при мощахъ святителя Алексія, почти уже совсѣмъ лишившійся зрѣнія прозрѣлъ, — помнится, домашній или народный учитель, признанный врачами неизлѣчимымъ. Затѣмъ всѣ края Россіи до самыхъ предѣловъ Китая наполнила слава чудесъ отъ святыхъ мощей великомученика и цѣлебника Пантелеймона. Мнѣ самому Господь Богъ привелъ быть довольно близкимъ свидѣтелемъ чуднаго исцѣленія бывшей въ теченіе одиннадцати лѣтъ скорченной и могшею только ползати при помощи особо устроенныхъ катковъ Даріи Ивановны Колоколовой, которая въ благодарность за дивную помощь Божію восприняла затѣмъ постриженіе въ иночество, съ наименованіемъ, въ честь угодника Божія, Пантелеимоною. Въ это же время просіяли славою чудесъ чудотворныя иконы Божіей Матери Черниговской въ пещерной церкви геосиманскаго скита, вскорѣ затѣмъ Козельщанской въ домѣ графа Капниста. Наконецъ, какъ ударомъ страшнаго

грома, поразило всѣхъ крушеніе поѣзда, среди котораго явлено дивное спасеніе Помазанника Божія и Его Августѣйшаго семейства. Чудеса явныя и поразительныя продолжаются и по сіи дни, и мѣстомъ особеннаго дѣйствія силы Господней является по преимуществу наша область и нашъ царствующій градъ. Среди насъ воздвигъ Господь пастыря, въ которомъ на всю Россію и за предѣлы ея прославленъ даръ молитвы и исцѣленій. Что-то особенное, необыкновенное совершается чрезъ этого смиреннаго служителя алтаря Господня. Неземная слава окружаетъ его. Наконецъ, въ самое недавнее время, совершилось то дивное исцѣленіе отрока, которое дало поводъ настоящему слову.

Что же означаетъ это особенное явленіе намъ десницы Господней? Прежде и яснѣе всего — истину, которую такъ часто и съ такою силою возвѣщаль нѣкогда пророкъ Ілія: „Живъ Господь Богъ нашъ!“ Ужели и теперь нужно вразумлять въ этой истинѣ, какъ во вѣкъ Ілія, послѣ почти 19 вѣковъ побѣдоноснаго сіянія свѣта Христова? Увы! нужно и теперь. И у насъ есть атеисты, материалисты, нигилисты и всякаго рода безбожники... А что дѣлается за границей, — страшно и подумать! Выносятъ святые иконы изъ домовъ, отмѣняется преподаваніе закона Божія въ школахъ, растутъ и женятся и умираютъ некрещенные. *Се тьма покрываетъ землю, тьма на языки* (Ис. 60, 2). Страшная тьма эта видимо прорывается и къ намъ самыми незамѣтными и самыми быстрыми путями, и сколько уже умовъ и сердець подавлено, потрясено ею. Да, для иныхъ, страшно сказать, и теперь нужно сіе вразумленіе.

Совершенное невѣріе — все-таки удѣлъ немногихъ, и едва ли даже возможно въ здравомъ состояніи ума. Ци-

церонъ въ вѣкъ упадка вѣры говорилъ, что безбожники — рѣдкая порода людей; а Псалмопѣвецъ прямо называетъ безумнымъ того, кто въ сердцѣ скажетъ: нѣсть Богъ. Чаше — суевѣріе и въ разныхъ видахъ идолопоклонство. Слышимъ, что во Франціи, гдѣ не одинъ уже разъ разрушались алтари, люди, притомъ самаго высшаго общества, тысячами совращаются въ буддизмъ. У насъ, по милости Божіей, еще нѣтъ этого; но есть то, что тамъ предшествовало этого вида идолопоклонству, и что, должно думать, ближайшимъ образомъ именно и привело къ нему, — это рабское преклоненіе предъ наукою съ устраненіемъ вѣры. И въ той странѣ, прежде чѣмъ посадили на престолъ Будду, сидѣла на немъ богиня разума. Наука, оторвавшись отъ вѣры, оказалась безсильною удержаться на своей высотѣ и поддалась тому же обаянію природы, какое оцѣпляло нѣкогда умы и сердца поклонниковъ Ваала и Астарты. За оцѣпленіемъ второстепенныхъ и низшихъ причинъ сокрылся отъ мудрецовъ вѣка сего свѣтлый ликъ единого живого Бога, и на мѣсто Его явилась стихійная природа. Она дѣйствуетъ якобы какъ заведенная машина, и, если ты стоишь на пути ея, она тебя стиснетъ, сдавитъ, сколько ни кричи, никто твоего вопля не услышитъ, самое лучшее — умирай скорѣе. Нѣтъ тьмы хуже, какъ тьма ученая: поклонники Ваала хоть на что-либо надѣялись, здѣсь — полная безнадежность. *Если свѣтъ, который въ тебѣ, — сказалъ Господь, — есть тьма, то какова же тьма* (Мѡ. 6, 23)... Точно постигаетъ ихъ приговоръ: не хочешь видѣть, когда могъ бы, такъ не дастся же тебѣ видѣть. И вотъ этими цѣпями бездушнѣйшей природы ученые невѣры куютъ себя и другихъ, въ особенности нашу несчастную молодежь, и не указываютъ никакого выхода изъ затрудненій и бѣдствій, кромѣ пули и петли,

къ коимъ и сами нерѣдко и даже какъ будто съ какимъ-то геройствомъ прибѣгаютъ: тамъ застрѣлилась ученая знаменитость, и какъ покойно, говорятъ ея поклонники, онъ съ собою порѣшилъ; здѣсь докторскимъ искусствомъ отравлена вся семья и притомъ собственная, самого доктора, съ нимъ включительно. Неразумная молодежь, наслышавшись безумныхъ рѣчей, наэлектризованная примѣрами геройской трусости, еще не видя горя, не испытавъ ни одного изъ трудовъ и лишеній жизни, кричить: „жизнь надоѣла“, скорѣй, скорѣй въ бездну забвенія, въ эту буддійскую нирвану! *Живъ Господь Богъ мой, жива душа моя*, — воскликнулъ нѣкогда пророкъ Ілія... Живъ Господь Богъ нашъ, — громко благовѣствуютъ всѣмъ эти особенныя знаменія милости Господней, — и да будетъ жива душа наша. *Вся, елика восхотѣ Господь, сотвори* (Пс. 134, 6), и теперь творить вся, елика хочетъ. Слышитъ Онъ вопль бѣдствующихъ, видитъ слезы, цѣнить вѣру и заслугу и подаетъ имъ силу и помощь. Нѣтъ такой бездны зла, нѣтъ такой тяжелой цѣпи затрудненій и бѣдствій, изъ которыхъ бы не могла восхитить насъ Его всемогущая десница. Сильнѣйшій, Онъ вяжетъ сильнаго и разрушаетъ его оковы. Что было бы въ эти дни напастей, семейныхъ раздоровъ, страшныхъ разореній, дерзкихъ посягательствъ на все самое дорогое и священное въ жизни, если бы не проявлялась эта милующая насъ десница Господня? Уже одна надежда: „вотъ попрошу помолиться, вотъ схожу, помолюсь, приложусь“, уже одна она какъ ободрительно дѣйствуетъ на духъ человѣчскій!..

Ученіе о законахъ природы выдвигается, между прочимъ, и противъ самихъ чудесъ, которыми обнаруживаетъ себя и вразумляетъ насъ правящая міромъ десница Гос-

подня. Говорятъ: законы природы и жизни неизмѣнны, посему чудесъ быть не можетъ. Разбирать всѣ извороты лукавой человѣческой мысли по сему вопросу слишкомъ было бы долго, и это далеко увлекло бы насъ въ сторону. Христіанская апологетика съ ясностію и основательностію указываетъ, что законы эти — лишь попытки человѣческаго ума угадать творческую мысль, и что совершившіе этотъ полетъ гениальные умы были преисполнены вѣры и благоговѣнія, что, несмотря на великіе успѣхи науки, многое еще въ жизни и природѣ не уяснено, что нѣтъ правилъ безъ исключеній и движеній безъ колебаній (пертурбацій), что въ жизни сталкиваются разные законы, и низшій всегда уступаетъ высшему, что вся жизнь наша состоитъ изъ взаимодействія разныхъ силъ, что духовныя законы вѣры, молитвы, терпѣнія — выше и дѣйствительнѣе законовъ механическихъ и химическихъ, что чудесами отнюдь не нарушается, а только препобѣждается чинъ природы, что чудеса никакъ не нарушаютъ порядка жизни, а, напротивъ, восстанавливаютъ его, такъ что желающій убѣдиться въ истинѣ во всякое время имѣетъ полную возможность въ этомъ. Теперь мы можемъ сказать только: *приди и виждь!* Фактъ налицо, всѣ подробности утверждаются несомнѣнными свидѣтелями, свидѣтели живы. Здѣсь можно повѣрить, насколько основательны и другія возраженія, дѣлаемая противъ чудесъ, прежде бывшихъ. Говорятъ: могло быть иначе, а свидѣтелямъ такъ показалось; приди и тебѣ здѣсь скажутъ, какъ именно было, и что это не показалось только, а и дѣйствительно было. Говорятъ: вѣроятно, было что-либо небольшое, вполне объяснимое изъ естественныхъ законовъ, а послѣ прибавили и распространили; приди и тебѣ скажутъ: что было прежде и что потомъ, насколько сильны оказались обык-

новенныя средства врачеванія, какъ сначала совсѣмъ не хотѣли разглашать чуда, и что къ сему привело... и т. д. Душа и цѣлая вѣчность не такіе предметы, чтобы ими можно было пренебрегать; надобно всѣми средствами пользоваться для утвержденія вѣры, безъ которой невозможно спасеніе. Къ прискорбію противники истины намѣренно закрываютъ свои глаза. „Лицемѣръ!“, сказалъ Господь фарисею, который нѣкогда законъ субботы противопоставлялъ милости Божіей, подобно тому, какъ и теперь чудесамъ милости Господней противопоставляются неизмѣнные якобы законы природы. И надъ многими книжниками нашихъ дней сбывается слово пророческое: *видя не видятъ, слыша не слышатъ и не разумѣютъ истины.*

Для принятія истины нужны не только здравый и непредубѣжденный разумъ, не только чистое сердце, которому дано обѣтованіе видѣть Бога, но и сыновнее послушаніе церкви и пребываніе въ живомъ и непрестанномъ общеніи съ нею; этого мало — и вышеозначенныя условія къ принятію истины возможны только въ союзѣ съ нею. Церковь — это благодатная среда спасающихся вѣрою въ Искупителя, въ ней подаются и истинное просвѣщеніе и всѣ божественныя силы, яже къ животу и благочестію. Великое значеніе для вѣры и жизни имѣетъ и такъ называемая церковность, т. е. вся священная обстановка благодатственнаго храма, всѣ эти чины и священнодѣйствія, которые окружаютъ человѣка во все продолженіе жизни отъ колыбели до могилы. Это своего рода воздухъ, необходимый для созрѣванія таинственнаго сѣмени или для возгрѣванія божественной искры, пока она не возгорится въ пламень и не сожжетъ тамъ, въ глубинахъ сердечныхъ, все нечистое и грѣховное... Обще-

признанный фактъ, что весьма многіе, именующіе себя христіанами и притомъ православными, отъ церкви если не отстали, то отделились; и отъ этого, главнымъ образомъ, произошла вся наша бѣда: стала оскудѣвать вѣра, черствѣть сердце, стала слабнуть воля; притокъ благодатныхъ силъ для многихъ пресѣченъ, и въ воспитаніи и въ самой жизни многое испарилось, что въ старое недавнее время съ первыхъ дней дѣтства назидало, умиляло, укрѣпляло душу... Къ этому погибельному направленію способствовало длившееся уже около двухъ вѣковъ и усилившееся въ послѣднее время тлетворное вліяніе Запада, преимущественно протестантскаго. Во всѣхъ чудесахъ и знаменіяхъ послѣдняго времени яснѣе всего слышится голосъ Божій: обратитесь къ своей матери-Церкви, которую вы такъ часто забываете... Прославляются чудесами мощи святителя Тихона: это ревностный служитель Церкви, строгій отъ пелены рожденія и по гробъ свой исполнитель ея уставовъ, небоязненный обличитель бывшаго въ его время нечестія и суевѣрія. Нетлѣніе святыхъ мощей — это одно изъ отличій православія. Разливается по всей Россіи милость Божія отъ святой горы Аѳонской: оттуда, изъ православной Греціи, — наша вѣра; съ Аѳона въ частности — наше иночество, не развлекающееся мірскими цѣлями, какъ на католическомъ Западѣ, [но преданное исканію царствія Божія. Милость является при ходатайствѣ святыхъ, чрезъ святые иконы, прославляемая чудесами и знаменіями, — это также отличіе и преимущество нашей православной церкви. И въ дивномъ спасеніи Царя нашего, что прежде всего почувствовалось нашимъ сердцемъ? — Это избранникъ Божій, запечатлѣнный высшимъ помазаніемъ. Господь особенною силою хранитъ Его, за Него особенныя

предстательства церкви небесной и ежедневная прилежная молитва церкви земной; ради Его спасены и окружавшие Его исполнители Его велѣній.

Пойметъ ли, уразумѣтъ ли родъ нашъ сіи указанія десницы Вышняго! Одинъ изъ святителей земли русской, недавно почившій, свѣтскому лицу, преданному Церкви, сказалъ: „Бодрствуй, трудись, подвизайся, настало время чудесъ“. Горькая участь тѣхъ — и лицъ, и городовъ и странъ, — которые остаются глухи къ симъ громоноснымъ вѣщаніямъ Вышняго. Господь Спаситель сказалъ нѣкогда: „*Горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ, Вивсадо, яко аще въ Тиръ и Сидонъ быша силы были бывшія въ васъ, древле убо во вретници и пепель покаялися быша. Обаче глаголю вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, неже вамъ* (Матѣ. 11, 21, 22), Чудеса — не только явленіе милости Божіей, но и вразумленіе и прещеніе, не только вызываютъ радость, но и требуютъ покаянія смиреннаго, глубокаго, умиленнаго. Грозное посѣщеніе Божіе, хотя и освѣщаемое лучами милости, все еще чувствуется нами, и во умиленіи сердець нашихъ мы взываемъ ежедневно въ молитвѣ о вразумленіи нечестивцевъ, о внушеніи имъ страха Господня, объ утвержденіи мира и тишины въ землѣ нашей и о сохраненіи драгоценнѣйшей жизни Самодержца Россіи. Господь слышитъ молитву церкви, являетъ намъ дивную помощь Свою, какъ и въ самые послѣдніе дни явилъ ее въ сохраненіи отъ страшной опасности Надежды Россіи — Первенца Царева, и милостиво все еще ждетъ нашего исправленія...

Истинное покаяніе состоитъ прежде всего въ самоосужденіи; уже достаточно обличены общественныя раны и нестроенія; пусть каждый сознаетъ свое собственное заблужденіе, свою собственную неправду предъ Богомъ

и постарается встать предъ Нимъ на путь правый. Въ глубинѣ искренняго покаянія лежитъ печаль о Богѣ, котораго мы оскорбили нарушеніемъ Его велѣній и заповѣдей, неуваженіемъ къ тѣмъ путямъ и способамъ, которые установлены имъ въ Церкви къ нашему духовному созиданію и спасенію. Постараемся же каждый и сами лично и въ томъ кругу, гдѣ даны намъ власть и значеніе, свято соблюдать заповѣди Господни и уставы церковные. Будемъ искренно и нелицемѣрно преданы Помазаннику Божію и Его Наслѣднику, столь чудесно сохраненнымъ для насъ среди страшныхъ крушеній и опасностей, и дружно пойдемъ тѣмъ путемъ, которымъ неуклонно идетъ и ведетъ насъ возлюбленный Монархъ — къ обновленію и утвержденію нашей жизни — и частной, и семейной, и общественной.

Укрѣпи, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ (Пс. 67, 28). Да будутъ явленныя Тобою знаменія намъ во благо, и да видятъ ненавидящій насъ и постыдятся, яко ты Господи помогъ намъ и утѣшилъ ны еси (Пс. 85, 17). *Дажь крепость Царю нашему и вознеси рогъ Помазанника Твоего* (1 Цар. 2, 10). *Дни на дни Царевы приложи, мѣта его до дне рода и рода* (Пс. 60, 7).

Истинныя и ложныя чудеса нашего времени*).

Къ особенностямъ нашего времени относится обиліе чудесъ.

Чудеса всегда были въ церкви, но въ обыкновенное время совершаются большею частію тайно, или дѣлаются извѣстными въ кругу немногихъ и всячески охраняются смиреніемъ тѣхъ, кого избираетъ Господь въ посредники Своей милости.

Въ послѣднее время чудеса творятся явно. Вспомнимъ о чудесахъ при открытіи мощей святителя Тихона, отъ святыхъ мощей великомученика Пантелеимона, отъ святыхъ иконъ — Черниговской въ Геосиманскомъ скиту, Козельщанской, Тихвинской, явившейся здѣсь на Пескахъ въ 1858 г. и составляющей теперь святыню Исаакіевскаго Собора, извѣстное всей Россіи исцѣленіе отрока Николая отъ иконы Божіей Матери въ часовнѣ близъ Стекляннаго завода. Дивное, поразительное чудо милости Своей явилъ всѣмъ Господь во спасеніи Государя Императора съ Августѣйшею Семейю при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда 17-го октября 1888 г. и затѣмъ еще разъ Его Наслѣдника въ Японіи.

Нельзя отвергать особенной благодатной силы въ молитвахъ и священнодѣйствіяхъ знаменитаго кронштадтскаго пастыря.

Не лишена значенія и та особенность въ указанномъ

*). Читано 6 марта 1892 года въ собраніи С.-Петербургскаго епархіальнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы.

знаменіи нашего времени, что въ послѣднее время прославляется чудесами по преимуществу наша окраина — Петербургъ, Кронштадтъ.

Это одна сторона жизни, а вотъ и другая. Въ то время, какъ мы слышимъ о столь многихъ и столь явныхъ знаменіяхъ милости Божіей, слышимъ также о множествѣ и иныхъ непонятныхъ дивъ, совершающихся кругомъ: о верченіи столовъ, явленіяхъ лицъ съ того свѣта, до того ясныхъ, что можно ихъ фотографировать, о разныхъ стукахъ, звукахъ, цѣлыхъ мелодіяхъ, неизвѣстно откуда льющихся надъ головою сидящихъ. Сколько написано объ одной нашей соотечественницѣ, Е. П. Блаватской, писавшей нѣкогда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ псевдонимомъ Радды-бай „Изъ пещеръ и дебрей Индостана“! Сидитъ она, на примѣръ, неподвижно за работою или чтеніемъ, а вокругъ нея все ходенемъ ходитъ, изъ этажерки, совершенно пустой, вылетаютъ ей нужныя вещи и прилетаютъ и изъ другихъ угловъ комнаты по ея требованіямъ; золотое кольцо на ея рукѣ раздваивается и опять сплачивается; положить она руку на пустой листъ, и воспроизводится фотографія извѣстнаго лица, поразительно схожая; портретъ этотъ и исчезаетъ, такъ что остается одна подпись подъ нимъ, и опять является и затѣмъ остается уже неизмѣннымъ; къ ногамъ ея валятся перенесенныя за тысячи верстъ письма отъ ея *чуру*, или наставника, наконецъ, она творитъ совершенно новыя вещи. Сорвутъ въ саду розу, и она приказываетъ вынуть изъ нея кольцо. Оно оказывается чистаго золота. „Какъ жаль, что нѣтъ на немъ брильянта!“ восклицаютъ видѣвшіе это. Блаватская проводитъ рукою по кольцу, и является вдѣланнымъ на кольцо этомъ великолѣпный брильянтъ. Обо всемъ этомъ пишетъ ея родная сестра,

пишетъ какъ бы нехотя, даже жалѣя о ней, какъ одержимой какой-то непонятной сверхъестественной силою *).

Какъ обиліе истинныхъ чудесъ, такъ и множество этихъ непонятныхъ дивъ показываютъ, какое знаменательное время мы переживаемъ. Время наше дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательное. Необыкновенные успѣхи наукъ естественныхъ, такъ высоко и такъ быстро поднявшія уровень общественной жизни и надмившіе сатанинскою гордостью не тѣхъ, кто напряженными трудами подготовили эти успѣхи — тѣ истинные подвижники науки преисполнены были вѣры и смиренія, — а тѣхъ, кто пользуется ихъ трудами и видитъ только ихъ блестящіе результаты; — необычныя, вслѣдствіе блестящихъ открытій и изобрѣтеній, ускоренность жизни на всѣхъ путяхъ, и въ передвиженіяхъ, и въ переговорахъ, — что, напр., дѣлалось мѣсяцами и веками, то совершается теперь въ часы и минуты, — и вслѣдствіе этого крайняя напряженность ея, заявляющая себя преждевременнымъ разрывомъ многихъ жизней, невольнымъ и произвольнымъ; необычайно широкое распространение гласности, и притомъ необузданной, точно сорвавшейся съ цѣпи, крайняя разнузданность лжелиберализма, выразившаяся, напр., въ коммунѣ и анархизмѣ, и отверженія всего, чѣмъ доселѣ дорожили люди, и въ дерзкихъ посягательствахъ на все святое; отсутствіе у весьма многихъ какихъ-либо правилъ мысли и жизни, выразившееся въ нашемъ русскомъ широкомъ, удивляющемъ самихъ иноземныхъ учителей, нигилизмѣ; нѣкоторая до сихъ поръ еще неустроенность жизни послѣ самыхъ ко-

*) Статья Желиховской: „Е. П. Блаватская“, въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“.

ренныхъ реформъ, сразу охватившихъ все слои общества, представляютъ и вновь продолжаютъ вызывать какое-то хаотическое броженіе жизни, въ которомъ, видимо, ни за что нельзя поручиться, и которое многимъ внушаетъ такія искреннія опасенія за будущее.

Подобныя броженія неизбежны въ жизни народовъ. Среди такихъ волненій, между прочимъ, усвоятся народами глубочайшія истины ученія христіанскаго. Встрѣчая, вслѣдствіе разныхъ измѣненій общественной жизни, сопротивленіе своему распространенію и воздѣйствию на сердца людей, оно выдерживало сильную и продолжительную борьбу и побѣдоносно выходило изъ нея. Несмотря на нѣкоторое затменіе истины Христовой въ умахъ и сердцахъ людей современной эпохи, въ недосягаемой нашему взору глубинѣ жизни совершается дѣйствіе этой таинственной закваски. Движеніе продолжительное, бореніе сильное: это знакъ, что много сторонъ въ жизни и самой наукѣ и, вообще, великая и широкая область охвачена ея силою. Такъ высоко, при свѣтѣ вѣры, поднявшаяся наука, все вновь возникшія, вслѣдствіе ея успѣховъ, отношенія людскія должны рано или поздно подчиниться истинѣ Христовой. Сколько такихъ движеній видѣлъ уже міръ, какіе страшные перевороты совершались въ жизни народовъ, напр., хоть бы въ эпоху паденія Рима, великаго переселенія народовъ, и все они кончались торжествомъ ученія христіанскаго! Придетъ время, когда и этотъ родъ, столь надменныхъ успѣхами другихъ въ наукѣ и общежитіи и столь бѣдный и тощій въ своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, сознаетъ свою немощь въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ и наиболѣе настоятельныхъ нуждъ жизни и взыщетъ свѣта Господня. И заря этого торжества истины Христовой уже видна.

Но такіа знаменательныя въ жизни народовъ эпохи— и самыя трудныя и опасныя. Нужно ли разъяснять еще, насколько тяжело наше время въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ: расшатанность семействъ, разрывы брачныхъ союзовъ, психическія разстройства, манія самоубійствъ, разоренія, новыя болѣзни, наконецъ, голодъ,—кто не знаетъ всего этого? Чудеса—это прежде всего помощь Божія бѣдствующимъ, ободреніе надежды... Что было бы въ эти несчастныя годы, если бы къ утѣшенію и ободренію нашему не проявлялась милующая насъ Десница Господня? Достаточно вспомнить только одно 17 октября 1888 года, чтобы восчувствовать и понять, какъ велика къ намъ милость Господня. Это первое и главное значеніе истинныхъ чудесъ: это дѣла милости Божіей, это проявленія къ намъ любви пострадавшаго за насъ Господа, это опыты и примѣры избавленія насъ отъ тѣхъ напастей, въ которыя ввергъ насъ грѣхъ, и возстановленіе насъ въ прежнее состояніе, это залогъ и предвареніе неизреченныхъ щедротъ и милостей Его въ царствіи небесномъ. За симъ чудеса Господни, творимыя столь явно и съ такою поразительною силою, указываютъ намъ въ эти смутныя времена пути спасенія, чего намъ должно держаться, куда идти, что должно въ особенности хранить и исполнять. И надобно быть совершенно глухимъ, чтобы не слышать этихъ глаголовъ Божіихъ. Всѣ они такъ согласно, такъ явно и громко направлены именно противъ язвъ нашего времени, въ огражденіе великихъ истинъ православія—призыванія святыхъ въ молитвѣ, въ особенности Заступницы рода человѣческаго, ибо по ихъ молитвамъ подается помощь бѣдствующимъ, почитанія иконъ и мощей, такъ какъ чрезъ эти священныя посредства изливается благодать исцѣленій, неприкосно-

венности Самодержавной власти, такъ какъ изъ самой страшной опасности только чудомъ спасенъ нашъ Самодержецъ и дважды Его Наслѣдникъ. Здѣсь, въ нашемъ градѣ и близъ него, въ особенности совершается сила Божія, но не отсюда ли и пошло зло лжемыслия, не здѣсь ли свили себѣ гнѣздо самыя ярые враги церкви православной, не здѣсь ли явились, развелись и теперь сидятъ самозванные апостолы—волки хищныя въ овчихъ одеждахъ, какъ это недавно въ столь рѣзкой и грубой формѣ проявилось, когда жена—сектантка лишила мужа православнаго самаго нужнаго дара—по смерти молитвъ церковныхъ; не здѣсь ли совершено самое ужасное изъ беззаконій нашего вѣка—цареубійство? Всѣ чудеса, вообще, внушаютъ намъ, какъ можно ближе держаться церкви, такъ какъ весьма многіе, именующіе себя христианами и при томъ православными, отъ церкви если не отпали совсѣмъ, то отделились, и въ этомъ вся наша бѣда: стала скудѣть вѣра, черствѣть сердце, слабнуть воля, а затѣмъ стали расшатываться всѣ связи, не исключая самыхъ кровныхъ. Необходимо быть какъ можно ближе къ своей православной церкви и потому, что въ наше смутное и тяжелое время со всѣхъ сторонъ приподняли свои головы враги ея и наши. Не говоримъ объ иновѣрціи, что, напр., папство, видя задыхающійся въ дебряхъ рационализма протестантизмъ, заявляетъ неслыханныя до сихъ поръ притязанія и думаетъ о возвращеніи всемірнаго господства, конечно, съ поработеніемъ православнаго Востока, и успѣхи его въ славянскихъ странахъ весьма значительны, — угрожаетъ распространеніемъ сильно покровительствуемый и охраняемый и у насъ, какъ какая-либо неприкосновенная святыня, буддизмъ. Европа въ первый разъ знакомится съ буддизмомъ,

а у насъ всегда онъ былъ въ Сибири. „Не смѣй ихъ тронуть, — кричать и либералы и ретрограды, — пусть гніють въ своемъ невѣжествѣ“, какъ будто Христосъ только для насъ пострадалъ, а они осуждены на вѣчную тьму. Возбуждается сильное движеніе въ магометанствѣ, и являються въ Суданѣ магди, также съ идеями всемірнаго господства. Зашевелился и неподвижный Китай. Церковь и всегда и особенно въ настоящіе дни — ковчегъ спасенія.

Что же значать теперь эти непонятныя дива, стуки, звуки, верченія, летаніе предметовъ, письма, несомыя по воздуху?

Исторія церкви свидѣтельствуєтъ, что въ важныя эпохи, которыя были ознаменованы особенными чудесами милости Божіей, совершались въ подражаніе и противовѣсь имъ и разныя дива. Пророку Моисею противостояли египетскіе волхвы Іанній и Іамврій, пророкамъ Іліи и Елисейю лжепророки Ваала и Астарты, апостолу Павлу волхвъ Елима, апостолу Петру волхвъ Симонъ. Въ это время, полное чудесъ, жилъ и пресловутый чудодѣй, нѣкій Аполлоній Тіанскій (ум. въ 97 г. по Р. Х.).

По особому значенію переживаемаго нами времени и по явленію многихъ явныхъ чудесъ Господнихъ, можно и должно ждать также и чудесъ ложныхъ.

Должно замѣтить, что, по лжи и коварству, которыми они проникнуты и окружены, очень трудно распознавать ихъ. Есть опасность принять что-либо совершенно пустое за нѣчто серіозное. При самомъ началѣ верченія столовъ приснопамятный митрополитъ Филаретъ написалъ извѣстное письмо о стологаданіи, и нѣкоторые упрекали святителя въ томъ, какъ будто онъ придалъ очень большое значеніе простой шалости праздныхъ людей. Однако же,

послѣдствія показали, что это не была только шалость, и за этимъ верченіемъ столовъ послѣдовали всѣ тѣ дива, какія совершались въ послѣдствіи, не перестаютъ совершаться и теперь, такъ что есть даже здѣсь въ Петербургѣ особый органъ для ихъ описанія. Святитель московскій и здѣсь явилъ даръ глубокой проницательности и заботливость о благѣ церкви, какія явилъ онъ и при введеніи особеннаго прошенія на сугубой эктении: „о еже отвратити отъ насъ гнѣвъъ праведно на ны движимый“, о чемъ также многіе говорили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, хотя послѣдствія вполне оправдали и эту пастырскую предусмотрительную заботливость святителя.

Иногда эта тайная сила, производящая дива, встаетъ противъ себя самой, такъ что на первый разъ трудно разобраться въ ея дѣйствіяхъ, кто противъ кого воюєтъ. Извѣстная Блаватская — заклятый врагъ спиритизма, она самаго низкаго мнѣнія объ этихъ лицахъ являющихся на сеансахъ. По объясненію ея и единомышленныхъ съ нею это — души людей, предававшихся здѣсь самымъ низкимъ страстямъ. Послѣ своей смерти онѣ долго удерживаются въ земныхъ сферахъ собственнымъ тяготѣніемъ къ наслажденіямъ плоти. Желая какъ бы то ни было еще насладиться грѣшною жизнію, они матеріализуются при помощи жизненныхъ органовъ несчастныхъ медіумовъ, высасывая изъ нихъ, какъ вампиры выпиваютъ кровь, вещественныя оболочки вмѣстѣ съ жизненною силою и здоровьемъ. Помощію ихъ эти отброски духовнаго міра облакаются въ видимыя облики тѣлъ, имъ не принадлежащихъ, въ неуспѣвшія разложиться, еще витающія въ атмосферѣ испаренія или земные останки, такъ сказать, въ старыя платья отшедшихъ созданий, и дѣлаясь, видимыми, какъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ, являються

дивить, морочить и пугать добрыхъ людей силою на-строенаго воображенія признающихъ въ нихъ своихъ близкихъ. Хорошо, что насъ природа одарила грубыми чувствами, и мы не видимъ этихъ носящихся посреди и вокругъ насъ мерзостей. Блаватская, какъ одаренная ясно-видѣніемъ, часто съ ужасомъ и отвращеніемъ наблюдала, какъ эти гадины набрасывались на кого-либо изъ присутствовавшихъ въ сеансахъ спиритовъ. Духовная гадина окутываетъ челоуѣка будто чернымъ саваномъ и медленно исчезаетъ въ немъ, словно втянутая въ тѣло его каждымъ живымъ поромъ. Итакъ Блаватская—врагъ спиритовъ. Что же она? Провозвѣстница свѣта изъ Азіи, завзятая буддистка. Тамъ, на заоблачныхъ вершинахъ Гиммалая, чрезъ изможденіе плоти и постоянное устремленіе мысли выпрѣ, учителя буддизма якобы достигаютъ высшей мудрости и овладѣваютъ тайнами природы и ея силами. Отъ нихъ и она заимствовала свою чудодѣйственную силу, оттуда въ падающихъ къ ногамъ письмахъ ей посылались наставленія, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, въ особенно важныя минуты гуру ея является самъ непосредственно и даетъ ей знать о своемъ присутствіи извѣстнымъ звукомъ. Перешедшая въ буддизмъ, она врагъ католичества, но якобы другъ православія и великая патріотка. Послѣ ужаснаго 1 марта 1881 г. номеръ ея теософическаго журнала вышелъ съ густой черной каймой. Разберитесь въ этомъ сумбурѣ. Однако, и въ дѣйствіяхъ г. Блаватской уже обличается значительная доля обмана и притомъ самага непростительнаго.

Какъ чудеса Блаватской, такъ и всѣ извѣстныя до сихъ поръ дива видимо носятъ печать чего-то пустого, хвастливаго, напукснаго, лживаго, хотя многіе уловляются

и въ эти рваныя сѣти. Къ чему, наприм., эти звуки, стуки, раздвоеніе колець, дѣланіе брильянтовъ, лющіяся мелодіи, воспроизведеніе фотографій? Какой доброй цѣли они достигаютъ, какой нуждѣ пособили, какое зло удалили изъ міра? Требуется только вниманіе и рассужденіе, достаточно одного знакомства съ жизнію святыхъ подвижниковъ, чтобы распознать всю ничтожность этихъ прельщеній. Одинъ благочестивый инокъ, выслушавъ о чудесахъ Блаватской, сказалъ: „Только-то? Мы знаемъ гораздо болѣе...“

Но могутъ быть и инныя, болѣе видныя дѣйствія — даже *знаменія и чудеса, якоже прельстятъ, аще возможно есть, и избранныя*. Нынѣшній вѣкъ своими блестящими открытіями и изобрѣтеніями утвердилъ истину, что самая первая сила изъ извѣстныхъ намъ въ мірѣ есть сила ума, а во главѣ царства, противнаго царству Божію, стоитъ умъ великій, хотя и злой, который, зная тайны и силы природы, можетъ совершать, по попушенію Божію, такія дѣла, какъ, на примѣръ, низвести огонь съ неба и поглотить имъ цѣлое стадо, возбудить вѣтры и, направивъ ихъ на домъ, обрушить стѣны этого дома и придавить многихъ бывшихъ тамъ людей, можетъ такъ направить людей, повидимому, самыхъ благонамѣренныхъ, каковы несомнѣнно были жена Іова и друзья его, что, придя съ самыми добрыми желаніями — утѣшить въ горѣ, они говорили то, что ему нужно было для искушенія праведника. Эти знаменія и чудеса, превышающія наши силы и наше разумѣніе, иногда даже какъ будто направляются къ добру и въ этомъ отношеніи представляютъ подражаніе истинному чуду. Сатана преобразуется въ ангела свѣтла и расточаетъ благодѣянія смертнымъ. Аполлоній Тіанскій исцѣлялъ недужныхъ, воскрешалъ мертвыхъ,

изгонялъ даже самихъ бѣсовъ. Чудеса эти извѣстный Цельсъ прямо противопоставляетъ чудесамъ даже Самого Господа Спасителя.

Что дѣлать, если предъ глазами слабой вѣры явлено будетъ такое чудо? если это чудо будетъ требовать принятія какого-либо новаго ученія? Отъ этого увлеченія ложными чудесами, какое бы сходство они ни имѣли съ истинными евангельскими чудесами, Господь оградилъ Своихъ послѣдователей, утвердивъ на всѣ времена неприкосновенность богооткровеннаго ученія. *Дондеже преидетъ небо и земля, юта едина или едина черта не преидетъ отъ закона* (Мѡ. 5, 18). Эти слова сказаны о начаткахъ божественнаго Откровенія, данныхъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. Въ новозавѣтномъ ученіи эти начатки восполнены, и открыто все, что нужно намъ и знать и дѣлать для спасенія. *Аще мы, — говоритъ апостоль Павелъ, — или ангель съ небесе възвѣститъ вамъ паче, нежели благовѣстникомъ, анаема да будетъ. И въ будущемъ вѣкѣ обѣщается достойнымъ того увидѣть лицомъ къ лицу, узнать болѣе ясно не иное что, а только то, что теперь знаемъ отчасти и видимъ, яко зеркаломъ въ гаданіи.* И такъ, даже тогда, когда преидетъ небо и земля, и настанетъ совершенно новая жизнь, истина ученія Христова останется та же, только возсіяетъ еще болѣе.

Посему и чудеса не могутъ возвѣщать намъ новаго какого-либо ученія, а только напоминаютъ то, которое уже возвѣщено и преподано намъ, но которое мы, по грѣхамъ нашимъ, забываемъ. Лишь только отъ дивнаго глагола Божія въ какомъ-либо необычайномъ событіи пробудится наше вниманіе, просвѣтлѣетъ сердце, омраченное страстями, мы увидимъ святую истину, возвѣщающую чудомъ, ясно выраженною и твердо напечатлѣнною

и въ словѣ Божіемъ и вмѣстѣ съ симъ и въ природѣ, и въ жизни, и въ исторіи, и возскорбимъ о томъ, что среди суеты житейской, по дѣйствию духа лести, дѣйствующаго и всегда въ мірѣ *въ сынѣхъ противленія* и особенно въ тяжелыя и смутныя времена общественныхъ переворотовъ, уклонились въ сторону отъ истиннаго пути и измѣняли вѣрѣ отцовъ своихъ и закону Господню. Если же кто творить чудеса для того, чтобы совратить насъ къ иному ученію, то, какъ бы они ни были блестящи и поразительны, они этимъ самымъ противленіемъ истинѣ должны внушать недоувѣріе, и не только недоувѣріе, а и страхъ подвергнуться какой-либо великой опасности и вѣчной гибели.

Для охраненія истины въ мірѣ Господь создалъ и утвердилъ церковь Свою и оградилъ ее обѣтованіями неразрушимости и пребыванія до скончанія вѣка. Ей же принадлежитъ право истолковывать особенныя знаменія Божія въ подтвержденіе и уясненіе божественнаго Откровенія. Между прочимъ, на обязанности православныхъ архіереевъ лежитъ наблюдать, чтобы о какихъ-либо ложныхъ чудесахъ не было разглашаемо въ народѣ. Мысль наша любитъ уклоняться въ область чудеснаго, и ложныя чудеса измышляются не одною злою силою прямо и непосредственно, а и, такъ называемою, благочестивою фантазією. Но уже самое множество чудесъ, приданіе обыкновенному дѣлу характера чудесности, много вредятъ истинѣ и ослабляютъ впечатлѣніе отъ грозныхъ и внушительныхъ велѣній Господнихъ въ чудесахъ истинныхъ. Посему вѣрующіе и желающіе спасенія душѣ своей, какъ всегда, такъ особенно въ опасныя и тяжкія времена, подобныя переживаемому нами, должны быть, повторимъ еще разъ, какъ можно ближе

къ церкви, чтобы не уклониться къ иновѣрію и ино-мыслию.

Нѣкогда Господь Спаситель сказалъ городамъ, среди которыхъ въ особенности совершались чудеса Его: *Горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ, Вифсаидо, яко аще въ Тиръ и Сидонъ быша силы бывшія въ васъ, древле убо во вретнищи и пепель покаялися быша* (Мѡ. 11, 21). Нѣкогда процвѣтавшіе города сіи лежать теперь въ жалкихъ развалинахъ, занесенные пескомъ. Теперь особенныя силы дѣйствуютъ среди насъ. Къ намъ глаголь Божій. Отъ насъ онъ требуетъ вѣры, вниманія, покаянія и исправленія жизни. Горе намъ, если останемся глухи и невнимательны къ великому посѣщенію Божію. Да не постигнетъ насъ и нашъ градъ страшная участь городовъ невѣрія и ожесточенія!

Если же, по неизреченной милости Божіей, сердца людей обратятся ко Господу Богу ихъ, то можетъ и для нашего царствующаго града и для всего любезнаго отечества нашего изъ этого страшнаго времени искушенія выдти нѣчто весьма желанное.

До сихъ поръ на городъ Петербургъ смотрѣли и смотрятъ, какъ на градъ какъ будто еще не русскій, хотя въ немъ и собраны всѣ правительственныя узлы Россіи, и на всю эту окраину смотрятъ какъ далеко еще не обрусѣвшую. Кто знаетъ? Можетъ-быть, мы присутствуемъ при знаменательномъ въ нашей исторіи и преизобильномъ великихъ послѣдствій для будущаго Россіи процессѣ внутренняго, глубочайшаго, нерасторжимаго прирастанія всей этой ингерманландской окраины къ могучему тѣлу Россіи?! Можетъ-быть, теперь только геніальной мысли Петра, прорубившаго здѣсь окно въ Европу, дается свыше истинное и полное осуществленіе

въ исполненіе великаго призванія Россіи не только въ отношеніи ея самой, но и другихъ народовъ! Кто бывалъ въ Кронштадтѣ или въ часовнѣ близъ Стекланнаго завода, видѣлъ то же движеніе народа, тотъ же приливъ людей со всѣхъ краевъ Россіи, какъ до сихъ поръ привыкли мы это видѣть только въ Кіевѣ и Москвѣ. Петербургъ становится не только государственнымъ и правительственнымъ, но и молитвеннымъ центромъ Россіи. А извѣстно, что нѣтъ крѣпче узъ для народа и государства, какъ узы религіозныя.

Да совершитъ Господь съ нами знаменіе во благо, да утвердитъ въ насъ вѣру и законъ Свой, да видятъ и ненавидящіе насъ, что Господь помогъ намъ въ годину страшнаго искушенія и утѣшилъ насъ, много, много пострадавшихъ въ это тяжкое, смутное время!

ПРОТИВНЫЯ ВѢРЪ СТРЕМЛЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Во второй половинѣ нынѣшняго вѣка жизнь наша и общественная и семейная потерпѣла сильное крушеніе. Новыя идеи о церкви, о государствѣ, о семьѣ и школѣ сбили ее съ прежнихъ устоевъ. Чувствовалось, что колебались самыя основы жизни, устранялась вѣра, дѣло клонилось къ явному безбожію. Всѣ эти новыя идеи неслись къ намъ съ Запада, но тамъ онѣ возникали и развивались болѣе или менѣе послѣдовательно, и этимъ нѣсколько ослаблялось ихъ зловерное вліяніе. У насъ до нѣкоторой поры задерживалось распространеніе этихъ

новыхъ идей: въ 60-хъ же годахъ, подъ стремительнымъ напоромъ ихъ, наконецъ, распахнулись двери и пошелъ страшный круговоротъ, породившій необозримое множество психическихъ болѣзней, унесшихъ преждевременно также необозримое множество жизней и, среди разныхъ страшныхъ крушеній, преждевременно и съ такимъ жестокимъ насиліемъ, снесшій драгоцѣннѣйшую жизнь благороднѣйшаго и величайшаго изъ царей, пока, наконецъ, этотъ послѣдній страшный ударъ не поставилъ передъ нами рокового вопроса: куда же мы идемъ?

„Общество само себя отлучаетъ отъ церкви“, говорилъ одиннадцатъ лѣтъ (1882 г.) тому назадъ, вскорѣ послѣ страшной катастрофы цареубійства, съ обычною прямою святитель Никаноръ, „одни оставляя таинства, обряды и всю дисциплину церковную, другіе, устраняя себя отъ таинствъ и хожденія въ церковь, а третьи и прямо отпадая отъ церкви“. „Ясно-ли“, спрашивалъ онъ, „куда мы идемъ, даже пришли уже?...“ И продолжаетъ: „По ветхо- и новозавѣтнымъ пророчествамъ рѣка времени подмываетъ берегъ, на которомъ до сего дня стоитъ величественный, чрезвычайно прочный и архитектурно художественный, божественно прекрасный храмъ христіанства, въ которомъ донинѣ славится имя Бога истиннаго, Бога высочайшаго, не ту скалу, она не сокрушится, на которой зиждется вселенская Христова церковь, но тѣ устои, на которыхъ Христова церковь держалась у насъ, въ нашемъ народѣ, и которые, повидимому расшатываются и подгниваютъ. Многіе-ли со страхомъ присматриваются къ тому, не двигается-ли свѣтильникъ Христовъ съ мѣста своего отъ насъ вдаль куда либо, въ инья мѣста, примѣрно, въ Японію?“ „Пока дѣло заключалось только въ дикой болтовнѣ слѣпыхъ вождей

слѣпой, хотя и мнящейся зрячею, толпы“, говоритъ онъ въ томъ-же словѣ, „она то и знала, что забавлялась. А какъ сверкнули громы-молніи ужасныхъ дѣлъ, всѣ сперва испугались, а затѣмъ махаютъ рукой: будь, что будетъ, только-бы мимо насъ,—послѣ насъ хоть потопъ. Поворотить назадъ, всѣ оказываются безсильными, даже толкаютъ другъ друга идти впередъ по склону исторіи, хотя и въ бездну погибели... Думаю-ли я самъ, что мы можемъ поворотить исторію назадъ? Помоги Боже“. „У Бога вся возможна суть“ *).

Теперь, по милости Божіей, переживаемъ мы знаменательное время просвѣтленія мыслей, исправленія сдѣланныхъ ошибокъ, возстановленія прежнихъ путей, завѣщанныхъ намъ тысячелѣтнею исторією Россіи.

Что же это за врагъ, накинувшійся на тысячелѣтнее достояніе Россіи и драгоцѣннѣйшее наслѣдіе наше отъ отцевъ и предковъ нашихъ? Врагъ этотъ уже ясно и рельефно обозначился. Имя ему раціонализмъ.

Имя раціонализма—плѣнительное въ особенности для молодыхъ умовъ. Оно происходитъ отъ латинскаго слова *ratio*, которое значитъ разумъ. Этимъ онъ хочетъ сказать, что какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и въ дѣлахъ религіи, все должно быть разумно.

Что-же? Ужели христіанская вѣра несогласна съ разумомъ? Напротивъ: она одна только изъ всѣхъ существующихъ вѣръ и согласна съ нимъ. *Приди и виждь*, вотъ ея девизъ. Посмотри, вникни, удостовѣрься, ты несомнѣнно увидишь и убѣдишься, что здѣсь истина. Разуму въ дѣлѣ вѣры предоставлена широкая область: онъ и удостовѣряетъ подлинность источниковъ вѣры

*) Поученій и бесѣдъ Т. I, стр. 52.

Писанія и Преданія, и раскрываетъ и уясняетъ богооткровенныя истины. Догматы вѣры прошли уже чрезъ длинный и многосложный процессъ разумнаго ихъ сознанія и уясненія, имѣють свою исторію, и еще остается необозримое поприще для новыхъ и новыхъ изслѣдованій разума. Едва-ли какая либо другая наука представляетъ такой глубокой, захватывающей всю душу, интересъ, какъ христіанская догматика. Свидѣтели сему—тѣ, извѣстные намъ поименно, свѣтскіе люди, которые, разъ заинтересовавшись глубокими богословскими вопросами, оторваться отъ нихъ уже не въ силахъ и съ радостію и увлеченіемъ наполняютъ ихъ изслѣдованіемъ свои досуги.

Но разумъ долженъ знать свои границы, проводимыя его собственными законами. Нельзя выдумывать того, чего нѣтъ, или что еще не открыто. Если что дано свыше или было въ дѣйствительности, такъ надо и понимать, какъ что дано, или происходило. Это основные законы логики. Ихъ держится разумъ во всѣхъ наукахъ:— и въ исторіи, и въ естествознаніи, долженъ держаться и въ Богословіи. *Преданіе сохрани*, говоритъ Апостоль, т. е. „талантъ вѣры вселенской, объясняетъ сіи слова одинъ церковный учитель, сбереги въ цѣлости, неповрежденности. Что тебѣ ввѣрено, то пусть и остается у тебя, то ты и передавай. Ты получилъ золото, золото и отдавай. Не хочу, чтобы ты мнѣ подкидывалъ вмѣсто одного другое; не хочу, чтобы вмѣсто золота подставлялъ ты нагло и чрезъ обманъ свинець или мѣдь, не хочу золота по виду, давай его натурой“ *).

*) Викентій Ларинскій in commonit. 1, n. XXII. Patrolog. curs. compl. t. I. col. 669. Пресвященнаго Сильвестра О. П. Д. Богословія, Отд. 1. стр. 36.

Цѣлость догматовъ при всестороннемъ и глубокомъ, непрестанно продолжающемся ихъ раскрытіи и уясненіи, строго и неприкосновенно блюдетъ разумъ церкви вселенской: въ этомъ, главнымъ образомъ, состоитъ сущность и сила Православія *). Но съ первыхъ вѣковъ христіанства являлись попытки со стороны разума человѣческаго—примѣшивать къ истинѣ христіанскаго ученія свои измышленія, давать вмѣсто золота Откровенія своей низменной работы композицію. И должно сознаться, что въ особенности страдалъ этимъ Востокъ, и въ этихъ умственныхъ грѣхахъ Востока наибольшую долю участія принимала пытливая, привыкшая къ философскимъ изворотамъ и хитростямъ, мысль греческая. Западъ былъ относительно покоенъ. Тамъ не было такого бурнаго волненія ересей. Этимъ относительно спокойствіемъ Запада въ сравненіи съ бурями Востока—даже хвалились папы предъ патріархами.

Но всѣ эти возникавшія на Востокѣ ереси—и арианская, и македоніева, и несторіанская, и монофизитская, и моноелитская, и иконоборческая и иныя—были не болѣе, какъ только попытки разума поставить ошибочное человѣческое разсужденіе на мѣсто Богооткровенной вселенской истины, дать своей выдѣлки свинець или мѣдь вмѣсто золота Откровенія, попытки частныя, большею частію личныя, побѣдоносно, хотя и не безъ трудной, иногда даже кровавой борьбы, отраженныя и послужившія затѣмъ къ уясненію богооткровенныхъ истинъ. Эти ереси, или исчезли безслѣдно, какъ ереси арианская и македоніева, или остались, какъ нѣчто заоченѣвшее

*) Подробнѣе въ моей статьѣ „о Православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ“. Стр. 13 и слѣд.

въ мертвой формулѣ, которой даютъ иной смыслъ повторяющіе ее, держась одной буквы, въ нѣкоторыхъ отторгшихся отъ единства вселенской церкви церквахъ Востока—іаковитской, маронитской, коптской, при чемъ въ другихъ отношеніяхъ эти церкви остаются вѣрными древней церкви и даже хранятъ у себя достоподражаемая ея черты, у другихъ нѣсколько измѣненные и даже утраченные.

Раціонализмъ послѣднихъ вѣковъ совсѣмъ, не то. Это не одиночная мысль, не частное какое либо заблужденіе, а цѣлое, сформировавшееся во всѣхъ отрасляхъ жизни направленіе. Стремленіе его состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ вытѣснить вѣру изъ сознанія, чтобы изгладить, если-бы это оказалось возможнымъ, и самое имя Бога христіанскаго. Уже и была поставлена въ легкомысленнѣйшей изъ всѣхъ странъ Запада, хотя и наиболѣе изъ всѣхъ ихъ даровитой, въ храмѣ, посвященномъ имени Бога Вышняго, и нѣсколько времени стояла тамъ, позорищная фигура богини Разума... Вотъ затѣя раціонализма!

Гдѣ-же родился раціонализмъ въ нынѣшнемъ его видѣ? Родина раціонализма—тотъ спокойный и благодушный въ отношеніи ересей Востока—Западъ, откуда онъ и принесся къ намъ. Начала гнѣздившагося тамъ раціонализма можно услѣдить въ самой ранней исторіи Запада. Нѣсколько сформировавшись, впервые онъ взглянулъ на свѣтъ Божій въ пелагіанской ереси, противъ которой съ такою силой и энергіей воинствовалъ блаженный Августинъ. Пелагіанство это какъ-бы модель будущаго зданія, какъ-бы контуръ имѣющаго явиться впоследствии исполина: въ немъ раціонализмъ обрисовался сразу во всѣхъ своихъ качествахъ и стремленіяхъ.

По лжеученію Пелагія, грѣхъ Адамовъ не имѣетъ значенія наслѣдственности и заразительности по отношенію къ его потомству. Всѣ люди и теперь рождаются такими-же невинными и непорочными, какими были прародители до своего грѣхопаденія. Слѣдуетъ только научить человѣка, какъ онъ долженъ себя вести, укрѣпить его волю въ данномъ направленіи, и человѣкъ будетъ добръ и святъ.

Вотъ эти-то три ложныхъ идеи и составляютъ сущность раціонализма. Каждый человѣкъ мыслить самъ по себѣ, совершенно отрѣшеннымъ отъ историческихъ связей, и личность его отрѣшается отъ всѣхъ стоящихъ предъ нимъ авторитетовъ: это первая и основная черта раціонализма—абстрактизмъ. Нѣтъ общей поврежденности человѣческой природы, значитъ нѣтъ нужды и въ искупленіи, не нужно и благодати возрожденія и другихъ таинствъ. Это—вторая черта раціонализма—ложный оптимизмъ и отверженіе всего, что носитъ на себѣ печать высшей помощи: не за чѣмъ она, безъ нея все можетъ быть хорошо. Превознесеніе знанія, наученія, въ которыхъ представляется всеисцѣляющее средство отъ золь и бѣдъ человѣчества, или такъ называемый интеллектуализмъ—составляетъ третью основную черту раціонализма, откуда происходитъ и самое его названіе*).

Хотя ересь Пелагія и была отвергнута на многихъ соборахъ Запада и окончательно—на III вселенскомъ соборѣ, но она не исчезла, а во всѣхъ религіозныхъ

¹⁾ Отношеніе древняго пелагіанства къ раціонализму послѣднихъ вѣковъ обстоятельно и подробно выяснено въ апологическихъ чтеніяхъ Лютардта—XXXIII чтеніе и послѣдующія. Собранными въ сихъ чтеніяхъ данными о раціонализмѣ пользовались и мы при составленіи сего очерка Апологія христіанства—переводъ А. П. Лопухина, стр. 543 и посл., СПб. 1892, изданіе И. Л. Тузова.

движеніяхъ Запада она постоянно появляется вновь, иногда въ прямомъ видѣ, чаще въ нѣсколько умѣренномъ, такъ называемомъ полупелагіанствѣ. При каждомъ своемъ появленіи пелагіанство постоянно обнаруживало стремленіе захватить всю область вѣры и нравственности и перестроить ихъ на свой ладъ.

Какъ образовался раціонализмъ изъ сѣмянъ, брошенныхъ Пелагіемъ, трудно изобразить: для сего нужно прослѣдить всю исторію Запада за 13 и болѣе вѣковъ, потому что и само пелагіанство, какъ выше замѣчено, имѣло свои причины въ ранней исторіи запада. Главная же трудность дѣла въ томъ, что въ міровомъ движеніи, подготавливавшемъ послѣднее страшное нападеніе на вѣру и церковь со стороны раціонализма, мѣнялись положенія: доброе, повидимому, движеніе, по дѣйствию врага, обращалось во зло церкви, и, наоборотъ, изъ самаго крайняго зла, по дѣйствию Промысла, извлекаются добрыя послѣдствія. И, наконецъ, это увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Посему ограничимся только указаніемъ главныхъ стадій, по которымъ зло раціонализма шло къ своему обнаруженію и совершенію. Такія стадіи представляютъ: 1) отдѣленіе западной церкви отъ единства Церкви вселенской, 2) возникновеніе протестантства, 3) появленіе новой философіи на развалинахъ средневѣковой схоластики.

Католичество на Западѣ представляетъ какъ-бы противовѣсъ протестантскому вольномыслію, но и католицизмъ въ основѣ своей есть одна изъ дерзкихъ попытокъ, которою предъ лицомъ Церкви заявилъ себя будущій раціонализмъ. Частная церковь свое неосновательное сужденіе осмѣлилась противопоставить вселенской истинѣ, прямо и ясно открытой въ Писаніи и также прямо и ясно опредѣленной Церковію на вселенскомъ

соборѣ. Въ то же время одинъ изъ пяти патріарховъ, совершенно равный имъ по степени и власти, пользуясь внѣшними благоприятствующими обстоятельствами, своевольно вышелъ изъ опредѣленныхъ вселенскими канонами границъ своего положенія и пытался предвосхитить власть надъ всею церковію, принадлежащую единому вѣчному главѣ церкви Господу Иисусу Христу. Католичество съ другой стороны содѣйствовало образованію раціонализма измышленіями и подлогами въ пользу папскихъ притязаній и несоотвѣтственными вѣрѣ мѣрами въ отношеніи противниковъ въ родѣ инквизиціи и ей подобныхъ. Большой грѣхъ католицизма и въ томъ, что онъ внѣшнюю блестящую сторону религіи связалъ съ распущенностію дворовъ, напр., французскаго, и высшихъ классовъ въ этой и другихъ странахъ, и въ томъ, что онъ вмѣшался въ дѣла, не подлежащія духовной власти и запутался въ политикѣ, какъ и теперь, на нашихъ глазахъ, онъ ведетъ чрезвычайно опасную игру съ демократіей и социализмомъ. Во всемъ этомъ скоплялись горячіе матеріалы: сюда направлены были стрѣлы и язвительныя издѣвательства раціоналистовъ, отъ которыхъ такъ смущалась совѣсть слабыхъ вѣрою.

Но, если католичество съ его стремленіями и заблужденіями представляло среду, благоприятную для развитія раціонализма, то протестантство было уже прямо его кормилицей. Оно провозгласило право собственнаго (субъективнаго) убѣжденія въ дѣлахъ вѣры. Этотъ принципъ субъективности тотчасъ-же, по возникновеніи протестантства и заявилъ себя на Западѣ во всѣхъ областяхъ, какъ въ религіозной, такъ и въ нравственной и политической и общественной. Лютеръ видѣлъ, куда пошло дѣло, и въ послѣдніе годы свои пытался удержать рас-

пространение вольномыслия, но напрасно. Пробка выскочила изъ наполненного газами сосуда, и собрать эти газы опять въ сосудъ не было уже никакой возможности. Противъ вольномыслия въ протестантствѣ образовалось даже цѣлое направление—такъ называемый пѣтизмъ, но своимъ напускнымъ благочестіемъ и ханжествомъ онъ только способствовалъ развитію раціонализма и ускорялъ его появленіе. Въ сектѣ соцініанской видимъ какъ-бы естественной переходъ отъ протестантства къ раціонализму: соцініанство уже прямо и явно заявляетъ всѣ принципы раціонализма, хотя и усиливается еще доржаться на почвѣ религіозной.

Возникновеніе новой философіи на развалинахъ средневѣковой схоластики было естественнымъ и законнымъ и во многихъ отношеніяхъ благопріятнымъ даже для вѣры движеніемъ великихъ умовъ, свергшихъ тяжкіе узы, наложенныя на человѣческую мысль папствомъ и латинствомъ, и открывшихъ для нея высокія сферы и широкія пространства. Имена Рене-Декарта, Бэкона Веруламскаго, основателей новой философіи,—почтенныя и великія имена: это міровые гени, изобрѣтатели новыхъ путей и въ наукѣ и въ искусствѣ. Въ ихъ великихъ трудахъ основа для тѣхъ блестящихъ открытій, которыми такъ славится наше время. Ихъ великія идеи цѣнны и для богословской науки. Какъ близко свободный полетъ ихъ мыслей соприкасался съ областію высшаго Откровенія! О, если-бы этотъ полетъ философской мысли удержался въ томъ направленіи, какой намѣчали для него эти великіе мыслители, благоговѣвшіе предъ тайнами вѣры! Къ великому бѣдствію человѣчества, ко времени этого движенія новой философіи, репрессаліями католичества и своеволіемъ протестантства уже подавлена была вѣра на

Западѣ, расшатаны и ослаблены были устои, на которыхъ такъ величественно стояла нѣкогда церковь западная, а разумъ, благодаря трудамъ и успѣхамъ этихъ великихъ мыслителей и ореолу славы, окружавшему ихъ имена, слишкомъ былъ прославленъ и возвышенъ. Засимъ онъ уже не удержался въ должныхъ предѣлахъ и заявилъ притязаніе быть руководителемъ и вѣры. Надо много силы и ума и воли, чтобы, мысля свободно въ своей философской сферѣ, питать приискреннее благоговѣніе къ высшему откровенію и въ своихъ мысляхъ постоянно имѣть ту границу, которая раздѣляетъ область вѣры и разума, а чтобы быть вѣрнымъ первой, требуется и еще важное условіе, нужно быть чистымъ сердцемъ, ибо имъ дано обѣщаніе зрѣть Бога. Этимъ условіямъ не всегда отвѣчали и сами великіе мыслители: послѣдователи же ихъ, не имѣя ихъ ума, страдая отъ гордости и другихъ слабостей, перешли эту границу. Все съ большею и большею дерзостію, философскіе принципы: „de omnibus disputandum est“ „cogito, ergo sum“ и др. стали примѣнять и къ вопросамъ вѣры, и все превышающее въ ней разумъ, открытое свыше, таинственное относить къ предметамъ, подлежащимъ сомнѣнію. И стародавнее Пелагіанство обнаружилось уже въ видѣ исполина: это и есть раціонализмъ. Отсюда съ половины XVII вѣка и начинается его распространение и господство въ мірѣ христіанскомъ.

Но съ этихъ же самыхъ поръ начались и превращенія раціонализма. Оказывается, что самъ разумъ не можетъ твердо держаться безъ твердыхъ опоръ богооткровенной вѣры. Жизнь постоянно протестовала противъ его выводовъ и законоположеній, и ему самому нельзя было не сознавать сдѣланныхъ имъ ошибокъ и допу-

ценных заблуждений. Возникают разные философскія системы, каждая съ своимъ особымъ воззрѣніемъ на вопросы и дѣла вѣры. Въ началѣ своего возникновенія каждое изъ этихъ философскихъ ученій старается, по видимому, весьма добросовѣстно исправить недостатки и увлеченія предшествовавшихъ ученій, обѣщаетъ дать успокоеніе встревоженнымъ умамъ, но затѣмъ вдается въ противоположную крайность, въ новыя увлеченія и ошибки, а подкладка рационализма остается та же самая, по русской пословицѣ, раздаются тѣ же старыя погудки на нѣсколько иной ладъ и т. д. безъ конца, или вѣрнѣе, до того печальнаго конца, къ которому рационализмъ теперь приходитъ.

Первая форма, въ которой выразилась философія въ качествѣ наставницы вѣры, была такъ называемый деизмъ, который взялся очистить христіанство отъ излишнихъ, какъ казалось многимъ, а на Западѣ отчасти и дѣйствительно было, и искаженныхъ оболочекъ положительнаго церковнаго ученія и богослуженія и высвободить изъ-подъ нихъ существенную истину. Деизмъ возникъ въ Британіи, родинѣ перваго рационалиста Пелагія, и въ началѣ отличался серьезностію, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать что нибудь доброе, но вскорѣ сошелъ на почву легкомысленнаго и насмѣшливаго отношенія ко всему, что касалось вѣры и церкви и, наконецъ, дошелъ до того, что все содержаніе Откровенія, не только Преданіе, но и самое Писаніе, сталъ объявлять за преднамѣренное измышленіе: все де выдумали священники, по своему недоразумѣнію, а часто и съ умысломъ для своего возвышенія и обогащенія. Англичане, вслѣдствіе присущей этому народу практичности, скоро образумились, и первые зачинщики въ дѣлѣ невѣрія теперь съ

особою бдительностію охраняютъ свое исповѣданіе. Но враждебное христіанству направленіе подхватили легкомысленные французы; здѣсь нашелъ удобное и широкое поле для своихъ издѣваній надъ религіей Вольтеръ, сюда подвернулся умиленный развратникъ Руссо, и вспыхнулъ въ этой странѣ такой пожаръ, который, не смотря на страшныя потрясенія, испытанныя ею, пылаетъ тамъ и теперь. Нѣмцы возвели идеи деизма въ нѣкоторую систему, въ которой онъ стоитъ, какъ философско-религіозное ученіе.

По ученію деистовъ, есть Богъ, но Онъ гдѣ-то за облаками, безъ всякой жизненной связи съ міромъ. Благодаря великимъ открытіямъ Ньютона, изъясниваго движеніе міровъ, и Канта, опредѣлившаго въ душѣ челоуѣка нравственный императивъ, законы, по которымъ дѣйствуютъ міры вещественный и духовный, якобы вполне постигнуты. Къ чему еще нужно вводить особое воздѣйствіе на міръ Божества? Богъ сотворилъ міръ, далъ ему первый толчекъ, и пошла работать машина міра, какъ идутъ хорошо устроенные часы. „Двѣ вещи“, заключаетъ Кантъ критику практическаго разума, „наполняютъ душу мою все новымъ и возрастающимъ изумленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и настойчивѣе занимается ими мышленіе: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ“. Какія, по видимому, прекрасныя слова, но погодите восхищаться, вникните глубже въ эти слова, и предъ вами встанетъ деистическое воззрѣніе съ его узкимъ кругозоромъ.

Итакъ, нѣтъ, по ученію деистовъ, ни промысла, ни откровенія, ни искупленія и никакого чуда. Все, что нужно намъ, мы имѣемъ въ природѣ и совѣсти. Кто же Иисусъ Христосъ? Это мудрецъ галилейскій, благочести-

вый равви, онъ болѣе другихъ древнихъ мудрецовъ постигъ истину, училъ людей добру и вѣрность своему убѣжденію запечатлѣлъ своею смертію. Тѣ великія слова, которыя говорилъ Онъ, восточная риторика преувеличила, поэтому надо подводить ихъ подъ мѣрку разума; чудеса, которыя рассказываются о немъ, должно объяснять естественно. Посему главную сущность въ христіанствѣ составляютъ тѣ наставленія въ мудрости и добродѣтели, которыми прежде всего мы обязаны Иисусу Назаретскому, а, кромѣ Него, и другимъ мудрецамъ древности, и то, что называютъ церковію, есть учрежденіе для такого именно назиданія и обученія и никакъ не болѣе. Особенныхъ благодатныхъ средствъ нѣтъ и быть не можетъ: ученіе о таинствахъ и другихъ посредствахъ благодати—это опасный для нравственности мистицизмъ. Вся суть дѣла только въ обученіи.

Мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на деизмѣ, потому что именно онъ смѣстилъ на Западѣ вѣру съ престола и поставилъ на этотъ престолъ разумъ. Обыкновенно отождествляютъ деизмъ съ рационализмомъ, но вѣрнѣе считать деизмъ только первою формою рационализма, за которой слѣдовали другія, вызывавшія одна другую односторонностію и крайностію возрѣній.

Деизмъ признаетъ Бога, но лишаетъ его жизни и дѣятельности. Что же это за мертвенное существо? И вотъ философія вводитъ этого отдаленнаго и мертвеннаго бога въ міръ и предоставляетъ ему разнообразно проявить здѣсь неистощимое богатство сокровенной въ немъ жизни. Нѣтъ Бога, какъ отдѣльнаго отъ міра и личнаго существа, но самый міръ и есть богъ. Является пантеизмъ, господствуютъ надъ умами Спиноза, Гегель, Шеллингъ и др. Живо помнимъ, какое обаяніе во время

нашего ученія на молодые умы оказывали магическія слова: *Богъ въ себѣ*—нѣчто, обладающее великими силами, но не оформленное и неопредѣленное, *Богъ внѣ себя*, т. е. разнообразно выражающійся въ многочисленныхъ видахъ природы, *Богъ для себя*, т. е. приходящій къ своему сознанию въ человѣкѣ. Если деизмъ оттолкнулъ умы отъ христіанства, то пантеизмъ привелъ ихъ къ язычеству: все божественно, и камень, поднимающійся въ утесѣ, и былинка, прозябающая изъ подъ земли, и животное, и особенно человѣкъ. И Господь нашъ Иисусъ Христосъ, по ученію пантеистовъ, тѣмъ и великъ, что въ первый разъ созналъ и провозгласилъ себя Богомъ. Бредни сіи до сихъ поръ возглашаетъ у насъ сбившійся съ своей дороги графъ Толстой.

Изъ крайностей пантеизма выродился матеріализмъ, тотъ же пантеизмъ, только обернувшійся на другую сторону. Идеи о Богѣ въ себѣ, внѣ себя и для себя, о *deus implicitus* и *deus explicitus* и другія—матеріализмъ объявилъ пустою и праздною фантазією. Никакихъ нѣтъ идей, а во всемъ и вездѣ движется и разнообразится одно вещество. Мышленіе—это или химическій процессъ, или простое физическое вещедвиженіе. Ни Бога, ни ангела, ни духа, ни безсмертія нѣтъ: все это, по ученію матеріалистовъ пустыя слова. Это было время господства Фейербаха, Фохта, Молешотта, Дарвина, Конта и другихъ мыслителей, чтеніемъ которыхъ упивалось уже послѣдующее за нами учившееся поколѣніе.

Но вѣдь есть же какія-то условія, при которыхъ одно и то же вещество проявляется здѣсь въ этой, а тамъ въ другой формѣ. Эти условія представляются не случайными, а носятъ печать опредѣленности, цѣлесообразности и какой-то присущей веществу разумности. Въ объясненіе

этого является философія безсознательнаго. Являются Шопенгауэръ, Гартманъ и другіе мыслители. По ученію ихъ, существуетъ какое-то слѣпое влеченіе бытія, по которому все и дѣлается въ мірѣ. Міръ—продуктъ этого слѣпаго влеченія и тяготѣнія къ бытію. Это слѣпое влеченіе бытія названо волею міра, изъ которой выводятся законы и опредѣляются условія жизни міра. Это ученіе уже послѣдняго времени, еще и теперь господствующее надъ многими умами.

Всегда, предъ глазами всѣхъ указанныхъ мыслителей, стоялъ вопросъ о злѣ. Исторія грѣхопаденія и ученіе о наслѣдственномъ грѣхѣ раціонализмомъ отвергнуто: откуда-же зло въ мірѣ? Деисты причину зла въ человѣкѣ искали въ превратномъ воспитаніи, вліяніи со внѣ дурныхъ примѣровъ, а разныя нестроенія въ природѣ объясняли изъ случайныхъ причинъ, и эти нестроенія въ природѣ, напр., лиссабонское наводненіе и др., представляли, какъ доказательство безучастія Божества къ міру. Пантеизмъ отрицаетъ самое бытіе зла въ мірѣ: кажущееся намъ зло не болѣе, какъ только недостатокъ добра, это тѣнь, отбрасываемая свѣтомъ, это даже необходимое условіе для жизненнаго движенія и прогресса. Матеріализмъ и въ особенности послѣдняя философія безсознательнаго утвердили за зломъ — норму жизни. Нечего предаваться иллюзіямъ. Зло, нестроенія, бѣдствія— это неизбѣжная принадлежность міра, образъ его бытія. Самый счастливый изъ насъ не знаетъ лучшаго момента въ жизни, какъ моментъ засыпанія, и самый несчастный не имѣетъ ничего худшаго, какъ моментъ пробужденія. Ни одно благо не удовлетворяетъ человѣка: послѣ каждаго наслажденія является чувство тяготящей тоски. Скорби и страданія вообще нагромождены въ мірѣ испо-

линскими массаами. Не лучше-ли было-бы, если-бы и не возникало такого міра? Да, твердо и настойчиво отвѣчаетъ философія послѣдняго времени, небытіе лучше бытія. Въ томъ только и преимущество человѣка предъ животными, что онъ во всякую минуту можетъ отдѣлаться отъ жизни пулей, петлей, отравой. Самое лучшее было-бы найти такое взрывчатое вещество, чтобы можно было весь міръ взорвать и уничтожить всякое бытіе. Но и на этой мечтѣ пессимизмъ не можетъ успокоиться. Кто можетъ поручиться, вздыхаетъ онъ, что слѣпая воля бытія не сдѣлаетъ съ нами опять злой своей шутки и не втолкнетъ насъ опять въ міръ на новыя страданія. Поэтому не лучше-ли изъ этой міровой безурядицы извлечь какую либо хотя временную, хотя на одинъ день, усладу горя. И вотъ, пессимистъ по убѣжденію дѣлается оптимистомъ по вкусамъ и привычкамъ: тоскуетъ о міровой скорби и спѣшитъ въ то же время насытиться удовольствіями, какими только можно. Но и жизнь сибаритовъ, повидимому, вполне удовлетворенныхъ жизнью, часто кончается или пулей, или отъ стрихнина. Дѣлается это очень просто: сидѣлъ, бесѣдовалъ, былъ, повидимому, такъ покоенъ, веселъ: вышелъ въ другую комнату, выстрѣлъ, и конецъ всему.

Къ этой игрѣ съ міровою скорбію удивительно какъ подошелъ азіатскій буддизмъ съ его влеченіями къ нирванѣ. И вотъ въ Парижѣ, гдѣ такъ шибко бьется пульсъ міровой жизни, уже распространяется это стародавнее язычество, повыписали туда и бонзъ и махатмъ, буддѣ создаются алтари и возносится куреніе фиміама, и серьезные мужи и знатныя дамы преклоняютъ предъ идоломъ свои колѣна.

Весьма остроумно ко всему этому погибельному дви-

женію раціоналізму приміняється, въ особенности ненавистная ему, исторія грѣхопаденія. Неужели Богъ сказалъ?—вотъ девизъ первой формы раціоналізма—деизма. Ко всему прилагается вопросъ: неужели это отъ Бога? и затѣмъ отрицается и то, и другое, и третье—и откровеніе и промысль: остается только одно имя Божіе... „Вы сами будете, какъ боги“—это девизъ пантеизма. „И жена увидѣла, что было-бы хорошо вкусить отъ древа и ѣла“—это символъ матеріалізма. Страхъ, смущеніе, попытка скрытись, ложь и прочее и прочее—все это можетъ быть отнесено къ скорби и отчаянію пессимизма.

Можно спросить: все-же это философія и извѣстная философскія школы, работаютъ великіе ученые въ типы своихъ кабинетовъ, читаютъ съ своихъ кафедръ лекціи избранному числу слушателей, книги ихъ такія большія, мудренныя, языкъ непонятный, тяжелый: какъ же они распространяются? Нельзя философскихъ идей удержатъ въ кабинетахъ или аудиторіи. Черезъ верхніе слои—ученыхъ, правителей, черезъ учащуюся молодежь, черезъ журналы и газеты, черезъ разныя популярныя изданія они быстро распространяются и сильно вліяютъ на жизнь. Всѣ философскія движенія послѣдняго времени уже ярко отпечатлѣлись и въ положеніи церкви, и въ устройствѣ государствъ, и въ политикѣ, и въ торговлѣ, во всѣхъ отрасляхъ жизни. И непричастная учености толпа жадно вслушивается въ выводы противныхъ вѣрѣ и закону Божію философскихъ ученій и пользуется ими для разнузданія своихъ страстей. Бывали попытки охранить философскія идеи отъ ихъ популяризаціи, но оказалось, что въ наше время нельзя ничего утаить. Духъ времени, враждебный вѣрѣ, проникаетъ черезъ всѣ стѣны и пре-

грады тысячами незримыхъ путей и волнуетъ и разрушаетъ жизнь, какъ объ этомъ заявляетъ она фактами слишкомъ громкими и печальными.

Невозможно изобразить, трудно даже перечислить всѣ тѣ нестроенія, которыя произвелъ раціоналізмъ послѣднихъ вѣковъ. Самое, конечно, гибельное—это отверженіе вѣры, церкви и за симъ отверженіе одной за другой всѣхъ основъ, на которыхъ держится жизнь человѣческая, о чемъ уже достаточно сказано выше. Но невѣріе, какъ давно замѣчено, болѣзнь не столько ума, сколько воли. Сужденія въ родѣ слѣдующихъ: „я этого не понимаю“, „я этого не признаю“, означаютъ не столько какое либо углубленіе мысли въ подлежащій сужденію вопросъ, сколько именно движеніе злой воли. „Мнѣ это не нравится“, „это мѣшаетъ тому-то“—вотъ сокровенная подкладка большей части заявляемыхъ сомнѣній и недоумѣній. Отъ этихъ порывовъ своеволия нарушается повиновеніе старшимъ, презираются авторитеты, отвергается первая изъ властей по своему происхожденію—родительская и даже самая высшая по своему значенію—царская, разрываются супружескія связи, открыто существуютъ и нагло заявляются незаконныя сожитія и такъ далѣе и далѣе, до отравленія дѣтей, до отцеубійствъ, до самоубійствъ и парами и цѣлыми семьями при самой цинической обстановкѣ. Таковой же переворотъ или, вѣрнѣе, переполохъ произвелъ раціоналізмъ и въ понятіяхъ о государственномъ управленіи, объ общественныхъ связяхъ, отношеніяхъ. Конституціонное правленіе есть еще нѣкоторое примиреніе между требованіями раціоналізма и исторически данными властями государства, и, какъ компромиссъ, само находится въ постоянномъ колебаніи и неизбѣжно, при всѣхъ

предусмотрѣніяхъ, колеблетъ жизнь народовъ. Но излюбленныя формы правленія у раціоналізма это республика, демократія и, если-бы только возможно было, полное безначаліе. Девизъ раціоналізма — полная свобода во всемъ, „оставьте, пусть дѣлаетъ всякъ, что хочетъ“. И вотъ, подъ страшнымъ гнетомъ своеволія, одно за другимъ стали рушиться всѣ огражденія, которыя удерживали общественныя отношенія людей въ предѣлахъ закона и порядка, и распахнулись двери страстямъ и всякому разврату: развилась до ужасающихъ размѣровъ страсть къ наживѣ; ростовщики, по преимуществу евреи, забрали въ руки страшныя капиталы; размножились трактирныя и питейныя заведенія, пошлыя мелкіе театры, заведенія для танцевальныхъ увеселеній, разные „варьете“ и „ренессансы“; усилилось до послѣдней степени пьянство въ народахъ, возросъ до ужасающей цифры процентъ преступленій. До крайности опошлено самое искусство, подъ разнузданный вкусъ публики писались, въ надеждѣ на барышъ, соблазнительныя картины, въ родѣ извѣстной „Нана“. Провозглашалась сентенція, что собственность есть воровство, оправдывались всякія хищенія и страшныя уголовныя преступленія. И самъ раціоналізмъ кралъ изъ сокровищницы Откровенія высокія истины, выдавалъ за свои, будто бы только чрезъ него они и явились міру, и перетолковывалъ ихъ на свой ладъ. Какія страшныя злоупотребленія раціоналізмъ сдѣлалъ изъ христіанскихъ понятій свободы, равенства, братства показываютъ ужасы французскихъ революцій и коммуны. Вообще, нѣтъ области въ жизни человѣческой, гдѣ бы не отпечатлѣлъ раціоналізмъ своего страшнаго зловреднаго вліянія.

Изъ представленнаго краткаго и бѣлаго очерка раціоналізма открывается, что это страшный врагъ вѣры и церкви, далеко оставляющій за собою всѣ бывшія въ ней ереси и лжеученія, подготовлявшійся въ теченіе 17 вѣковъ и поставившій задачу упразднить христіанскую вѣру и церковь и возвратить народы къ минувшимъ временамъ язычества, и, еслибы оказалось возможнымъ, то и къ допотопному безвѣрію и совершенному погруженію въ чувственность. Въ обнаруженіи, подготовленіи, выступѣ, дѣйствіяхъ этого врага видна не человѣческая сила. Что значимъ мы, слабые люди, даже великіе изъ насъ, въ той міровой борьбѣ, которую отъ начала вѣковъ ведетъ древній змій, человѣкоубійца искони, съ Агнцемъ Божиимъ, закланнымъ за грѣхи міра. Тамъ колесницы и кони, какъ это было открыто тайновидцу, другу Господню.

Натискъ этого врага былъ особенно стремителенъ и опасенъ у насъ. Какъ бурный вѣтеръ, онъ вдругъ ворвался въ двери нашего дома. Потерпѣвъ тяжкую бользнь и перенесъ какое либо жестокое испытаніе, мы съ ужасомъ оглядываемся назадъ и представляемъ, въ какой мы были страшной опасности, а въ то время какъ будто ее не замѣчали. То же самое представляется теперь, когда оглянемся на эти ужасныя шестидесятныя и семидесятныя годы, а въ то время какъ будто-бы и не чувствовали особенныхъ опасностей. Намъ казалось:—такое ужъ время было, такъ не должно было быть, ничего не подѣлаешь. Понемногу, шагъ за шагомъ, мы шли все далѣе и далѣе въ глубь бездны, соглашались на разныя уступки, боялись и сказать что либо противъ, въ особенности подраставшему поколѣнію, отцы раболѣпствовали передъ дѣтьми, матери плакали въ тихомолку отъ

страшныхъ, неслыханныхъ прежде дерзостей сыновъ и дочерей, начальники поступались своею властію, на судъ неумытной правды нагло заявлялись и затѣмъ оправдывались самыя тяжкія преступленія. Такъ легко привыкли смотрѣть на все. Ну, и заплатились же, и какими страшными жертвами заплатились. Какая часть общества, какое учрежденіе, какой домъ, какая семья могутъ считать себя совершенно уцѣлѣвшими отъ пронесшагося урагана?

Россія, если спасена, то единственно милостію Божіею. Ни въ одно время ея существованія не было столь многихъ, столь явныхъ, столь поразительныхъ чудесъ. Нельзя было не видѣть десницы Господней. *Живо Азъ*, говорилъ намъ Господь въ то время, когда со всѣхъ сторонъ и слышалось и читалось, и сквозь строки и явно, объ универсѣ, объ абсолютѣ, о ничто всемогущемъ. Поэзія—живая выразительница мыслей и чувствъ народныхъ. Припомнимъ вдохновенныя слова поэта, *) по поводу самаго поразительнаго, величайшаго изъ чудесъ, явленныхъ въ наше время. Слова сіи въ свое время произвели на всѣхъ такое сильное впечатлѣніе.

Тутъ ураганы, тутъ стихіи
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердцецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!
Предъ ней, предъ всей стомилліонной,
Одно изъ Божіихъ чудесъ.
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божіихъ ангеловъ съ небесъ,
И средь крушеній массъ желѣзныхъ,
Хранить Царя, Его Семью,
И самъ Господь, съ высотъ надзвѣздныхъ,

*) А. Н. Майкова.

Простеръ надъ ними длань свою.
И зримъ отъ холодной полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей.

Да! среди забвеній вѣры, среди увлеченій ваалами и астартами нашего времени, была какъ будто новая, какъ-бы только открывалась свыше, истина, что есть Богъ живой, всемогущій, и что Онъ, а не воображаемое „ничто“, править міромъ.

Раціонализмъ въ послѣднее время уже видимо самъ разрѣшается въ ничто. Это разрѣшеніе началось съ той поры, какъ вслѣдъ за идеалистическимъ пантеизмомъ сталъ распространяться матеріализмъ. Онъ не разъ уже являлся въ мірѣ и всегда былъ признакомъ разложенія. Деизмъ и пантеизмъ скинули съ людей узы закона Божія и разнуздали чувственность, а чего желаетъ сердце, то усиливается оправдать разумъ. Матеріализмъ теоретическій есть послѣдствіе матеріализма практическаго. Но онъ уже конецъ философіи, смерть для всего идеальнаго. Если за предѣлами видимаго—нѣтъ больше ужъ ничего, то естественно философія, прекращается: возможна физика, химія, что хотите, только не философія. Но и у пораженнаго смертію бываютъ конвульсивныя подергиванія. Явилась попытка самому матеріализму придать видъ трансцендентальной науки въ такъ называемомъ позитивизмѣ, и на этомъ дѣло не стало—явилась философія безсознательнаго. Борьба еще далеко не окончена. Опасность настоять, и еще многіе гибнутъ. Въ церкви возглашается молитва: „вразуми заблуждшія, вложи въ нихъ страхъ Твой божественный направи ихъ на путь истины“. Времена нѣкотораго за-

тишья—самая опасная въ мировой борьбѣ. Кто знаетъ: врагъ вѣры и церкви, можетъ быть, уже куетъ новое противъ нихъ оружіе! Кто изъ нашихъ отцевъ и предковъ могъ ожидать, что во 2-ой половинѣ XIX вѣка Господу Спасителю противопоставятъ индійскаго будду, что христіанскіе поэты разукрасятъ его цвѣтами, сорванными съ Евангелія, и что ему будутъ поклоняться въ самомъ центрѣ цивилизованнаго міра. Всесильное „ничто“ еще господствуетъ надъ многими умами. Поэзія и здѣсь является провозвѣстницею и истолковательницею жизни. Въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника*) нынѣшняго года напечатано стихотвореніе другого нашего маститаго поэта Полонскаго, и тотчасъ-же всѣми было отмѣчено, какъ живая и яркая картина современнаго направленія умовъ.

Всесильное ничто — бездушный мракъ, могила
 Бездонная всего, что движется, — что было
 И есть и будетъ, — смерть смертей!
 Я не могу безъ содраганья
 Ни мыслить о тебѣ, ни о судьбѣ людей,
 Прильнувшихъ въ вихрѣ мірозданья,
 Къ землѣ, на мигъ, чтобъ быть игралищемъ страстей,
 Безумныхъ оргій, иль страданья.
 Но если иногда ничтожество мое
 Мнѣ говорить, что я не вѣченъ,
 Ничто! — Ужели я тобой вочеловѣченъ
 Или — подобіе твое?...
 Ужели мнѣ тобой даны и слухъ, и очи,
 И осязанье, для того,
 Чтобъ я, какъ Богъ, изъ ничего
 Творилъ минуты, дни и ночи
 И наполнялъ-бы ихъ собой,

*) 1893 года.

Сердечнымъ трепетомъ и трепетнымъ сознаниемъ,
 То отрицаемъ, то враждой,
 То безобразіемъ, то дивной красотой
 И умиленнымъ упованьемъ!
 Цѣпь безконечная существованій стала
 Невидимой или она ушла,
 Чтобъ тьма иль пустота ее оборвала!
 И чтобъ она на вѣкъ пропала!

О Господи! земныхъ творцевъ Творецъ!
 Не вижу, не могу и видѣть, гдѣ конецъ
 Того, гдѣ Ты всему начало!
 О Господи! верни мнѣ то,
 Чего не покорить всесильное ничто, —
 И вѣру, и любовь, и правду, и незлобье...
 Верни мнѣ образъ Твой, верни Твое подобье!

Такъ еще далеко не освободились мы отъ безумія нашего вѣка. И вѣра, и любовь, и правда, и незлобіе — это еще предметъ желанія, мольбы. Погрузившись въ чувственность, признавъ въ гориллѣ свою праматерь, люди забыли о своемъ Первообразѣ, забыли о своемъ Творцѣ. „Верни мнѣ образъ Твой, верни Твое подобье!“

Что же дѣлать? Отвернуться съ злобой и негодованіемъ отъ всего, выработаннаго наукою и искусствомъ послѣдняго времени? Сжечь книги, въ которыхъ такъ или иначе выразила себя, заявила о себѣ противница вѣры безбожная философія? Перестроить во всемя свою жизнь и семейную и общественную и государственную на манеръ XVI и XVII вѣковъ? Но во первыхъ это невозможно, во вторыхъ и не требуется духомъ Православія. Не напрасно, а въ высшихъ цѣляхъ Провидѣнія, было допущено и это господство раціонализма; иначе, нужно было

бы и намъ усумниться въ той великой истинѣ, что есть Богъ, что Онъ, а не „ничто“ править міромъ. И, наконецъ, мы столько выстрадали, такія страшныя понесли потери, и ничего не получить отъ этой ужасной борьбы — было-бы и не разумно. Въ эти два послѣдніе вѣка, среди господствовавшей надъ умами лжи — все таки сказано, написано, сдѣлано много и хорошаго. Нѣтъ ни одного лжеученія, гдѣ бы нельзя было отыскать нѣсколькихъ зеренъ истины. Есть много добраго въ самыхъ противныхъ вѣрѣ сочиненіяхъ. Нѣкоторыя страницы изъ того же душепагубнаго Эмиля, напр., о томъ, съ какимъ вниманіемъ должны относиться матери — сами матери непосредственно, а не чрезъ нянекъ и кормилицъ — къ первоначальному воспитанію своихъ дѣтей такъ хороши, что ихъ цѣликомъ можно было бы перепечатать въ нашихъ духовныхъ журналахъ. Преподаваніе многихъ предметовъ въ школахъ трудами новой педагогії, хотя и дѣйствовавшей въ духѣ рационализма, упрощено, облегчено, выяснено, благоустроено. Было бы грѣшно не воспользоваться тѣмъ, что сдѣлано для облегченія дѣтей въ ученіи. Такъ и въ другихъ областяхъ жизни. Притомъ не всѣ же писатели и вообще дѣятели прошедшихъ двухъ вѣковъ и были въ равной степени заражены рационализмомъ. Во все продолженіе исторіи этихъ двухъ вѣковъ мы видимъ одновременно два теченія: съ одной стороны широкою полоскою и какъ бы господственно распространяются лжеумствованія рационализма, съ другой раздаются противъ его увлеченій и крайностей трезвые голоса со стороны тѣхъ же мыслителей, правителей народа, служителей вѣры, дышущіе глубокою правдою жизни и искреннимъ убѣжденіемъ въ истинѣ. Собрать эти свидѣтельства истины и воспользоваться ими — было бы въ

цѣляхъ добраго воспитанія, благоустроенія семьи и общества. *Вся искушающе добрая держите*, вотъ правило Православія.

Исторія иногда повторяется въ жизни народовъ. Современное положеніе рационализма и православія во многомъ напоминаетъ состояніе человѣческаго рода предъ временемъ пришествія Спасителя. И тогда философія, взявшаяся быть руководительницею народовъ, приходила къ своему упадку. Было такое же невѣріе, погруженіе въ чувственность и развратъ. Но въ трудахъ великихъ мыслителей Сократа, Платона, Аристотеля и другихъ предлежала міру богатая сокровищница. Возсіялъ свѣтъ вѣры христіанской, и въ школахъ александрійской, антиохійской и константинопольской и на самомъ западѣ совершается нѣсколько вѣковъ продолжающійся процессъ усвоенія и переработки завѣщанныхъ древнею философіею идей, согласно великимъ истинамъ бытія и жизни, возвѣщеннымъ въ Откровеніи. Подобная сему богатая сокровищница мыслей, воззрѣній, идеаловъ предлежитъ и теперь христіанскому православному любу мудрѣю, и уже началась великая работа мысли, какъ это показываетъ особенное оживленіе у насъ богословской и философской науки за послѣднее время. То же самое должно быть и въ другихъ областяхъ науки, въ искусствѣ, въ педагогії, въ жизни. При этомъ усвоеніи философскихъ идей и научныхъ открытій всѣми мѣрами мы должны хранить, какъ самое дорогое сокровище, какъ зѣницу ока, святыню Православія. Православіе — это даръ, свыше вѣренный намъ для храненія, въ немъ наша сила, въ немъ залогъ преуспѣянія Россіи и всѣхъ успѣховъ ея въ будущаго судьбахъ міра.

Заклучу свое чтеніе словами богомудраго учителя на-

шего вѣка. „Новый Израиль, благодатный народъ Божій, не преставай хранить въ себѣ святое сѣмя: и оно хранить тебя не престанетъ. Сѣмя слова Божія въ умѣ, сѣмя вѣры во Христа и любви къ Нему въ сердцѣ, да питается молитвою, да растетъ подвигомъ, да являетъ свою силу въ жизни и дѣлахъ благихъ; и вселяющійся вѣрою въ сердца Христосъ, созидае Церковь Свою въ каждомъ и во всѣхъ, будетъ для васъ твердиною незыблемаго стоянія, оградою безопасности, вашимъ свѣтомъ и миромъ внутри, вашимъ побѣдоноснымъ оружіемъ противу всякаго внѣшняго прираженія враждебныхъ силъ видимыхъ и невидимыхъ“ *).

Подробный конспектъ статьи: „Противныя вѣрѣ стремленія въ современномъ обществѣ“

Крушеніе жизни семейной и общественной въ 60-хъ годахъ.—Причина зла—раціонализмъ.—Значеніе этого слова.—Границы разума въ дѣлахъ вѣры.—Ереси и лжеученія, возникавшія въ церкви и отличіе отъ нихъ раціонализма послѣднихъ вѣковъ.—Начала раціонализма въ ереси Пелагія. —Основные идеи пелагіанства и раціонализма.—Главные стадіи, по которымъ шель раціонализмъ къ своему развитію.—Отношенія къ развитію раціонализма, католицизма, протестантства и новой философіи.—Появленіе раціонализма.—Формы его: деизмъ, пантеизмъ, матеріализмъ и философія безсознательнаго.—Вопросъ о злѣ въ мірѣ.—Буддизмъ въ мірѣ христіанскомъ.—Способы распрошенія философскихъ идей.—Нестроеніе и бѣдствія, произведенныя раціонализмомъ.—Задачи православія въ отношеніи къ раціонализму.

*) Слова и Рѣчи Филарета митрополита московскаго, т. V, стр. 10.

Отраженіе противныхъ вѣрѣ стремленій въ школѣ.

Никогда не занимались у насъ такъ дѣломъ школы, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ нашего столѣтія. Одновременно возникло нѣсколько педагогическихъ журналовъ. Ежегодно являлось множество учебниковъ и учебныхъ пособій. Тратились громадныя суммы изъ разныхъ источниковъ на дѣло народнаго образованія. Заботы о воспитаніи дѣтей поглощали вниманіе родителей. Вопросы педагогики были любимымъ предметомъ разговоровъ въ гостиныхъ.

И, однакоже, такъ много слышалось въ эти годы, слышится и теперь жалобъ на недостатки учащихся въ школахъ дѣтей. Выраженіе „нынѣшнія дѣти“, вошло въ присловіе для выраженія чего-то очень худого. При этихъ заботахъ о воспитаніи дѣтей замѣчалось въ нихъ нѣчто дикое, отчужденіе отъ семьи, неповиновеніе родителямъ, самоволіе, презорство и въ то же время какое то раннее разслабленіе, апатія ко всему, даже къ удовольствіямъ, свойственнымъ отрочеству и юности, пренебреженіе самою жизнію. И это не у насъ однихъ: еще болѣе жалуются за границу на это страшное несоотвѣтствіе заботъ о воспитаніи и затратъ на дѣло народнаго образованія и печальныхъ результатовъ его.

Слышались жалобы на самое воспитаніе дѣтей. Приученныя къ молитвѣ дома, дѣти въ школѣ будто бы отучались отъ нея. Въ образѣ жизни молодежи, въ возрѣніяхъ, въ привычкахъ замѣчалось что-то навѣянное

*) Читано въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго епархіальнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы, 30 января 1894 года.

счужа, нехристіанское, нерусское. Подобныя нежеланныя явленія замѣчались и въ высшей, и въ средней школахъ, но особеннымъ, крайне неприятно дѣйствовавшимъ диссонансомъ съ установившимся строемъ жизни выступали въ школѣ низшей, народной. Поселяне жаловались, что, къ чему прежде въ ихъ сельскомъ быту относились съ уваженіемъ, къ тому школьники-дѣти ихъ стали относиться легко, чуть не съ презорствомъ.

Наконецъ, сознается насущная, неотложная нужда возстановить, во что бы то ни стало, старую церковно-приходскую школу. Ея жаждалъ народъ. Въ ней видѣлось спасеніе Россіи. И высокочтимое Братство во имя Пресвятой Богородицы, какъ извѣстно, возникло, между прочимъ, въ силу той же потребности церковной и народной—помочь школѣ и именно церковно-приходской.

Что же это была за смута умовъ въ дѣлѣ педагогики, породившая столь печальныя явленія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, и чѣмъ особенно вызвано возникновеніе церковно-приходской школы?

Слово для означенія этой смуты найдено и часто повторяется: во всемъ дурномъ винятъ *раціонализмъ*, прорвавшійся къ намъ съ Запада, глубоко и сильно всколебавшій все общество и проникшій въ самую школу, не смотря на всѣ мѣры ея охраненія. Въ духѣ раціонализма воспитались и дѣйствовали знаменитые педагоги Запада, отъ которыхъ теоріи педагогики, методы и приемы обученія проникали и въ наши школы. Все это, впрочемъ, болѣе чувствовалось, чѣмъ ясно сознавалось. Не нравилось, претило православному чувству многое въ нашей школѣ, а что именно претитъ, ясно не различалось отъ многого, шедшаго оттуда же, несомнѣнно добраго. Отсюда выраженія: книжка такая-то хорошая, но

проникнута духомъ раціонализма; здѣсь слышится, говорятъ, даже не духъ, душокъ раціонализма, нѣчто неуловимое, проникающее, однакоже, всюду.—Школа церковная призвана была учить тому же, да не такъ, совсемъ по иному, какъ привыкъ народъ, выросшій подъ сѣнію Церкви православной.

Что же такое этотъ раціонализмъ? Въ чемъ суть его? Какіе его признаки?

Раціонализмъ—это превратное направленіе умовъ, образовавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ на Западѣ въ отличіе и противность духу вселенскаго православія, сохраненному на Востокѣ. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства жизнь Запада слагалась не такъ, какъ на Востокѣ. Тамъ не было тѣхъ злыхъ ересей, какія волновали Востокъ, но за то тамъ зародилось, окрѣпло и, наконецъ, въ раціонализмѣ послѣднихъ вѣковъ выступило нѣкое общее противленіе вѣрѣ, стремленіе смѣстить ее съ престола руководительницы жизни народной и поставить на мѣсто вѣры, откровенія самого Господа Бога,—разумъ человѣческой. Уже и стояла въ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ Запада, въ храмѣ, посвященномъ имени Божію, позорищная фигура богини разума. Вотъ затѣя раціонализма!

Провозвѣстниками этого зла послѣднихъ вѣковъ были на Западѣ отдѣленіе римской церкви отъ православнаго Востока и возникновеніе протестантства. Въ томъ и другомъ—и въ католичествѣ, и въ протестанствѣ—проявился духъ того противленія вѣрѣ и церкви, который теперь распространяется всюду чрезъ раціонализмъ. „Не желаемъ такъ вѣрить, какъ ясно училъ Господь (объ исхожденіи Святаго Духа) и какъ учить вселенская церковь; не хочу быть въ числѣ служителей церкви

вмѣстѣ съ другими моими собратіями, а хочу царствовать въ церкви“—эти притязанія католицизма развѣ не проявленія раціонализма? Протестантство съ свободой субъективной вѣры и толкованія Писанія справедливо называется уже кормилицею раціонализма.

Но и въ католицизмѣ, и въ протестантизмѣ раціонализмъ проявился только отчасти: теперь они сами ведутъ съ ними борьбу ожесточенную. Зло коренилось гораздо глубже и захватывало болѣе широкую область и мысли, и жизни. Болѣе цѣлостное, хотя еще въ слабыхъ начаткахъ, проявленіе раціонализма апологеты христіанства видятъ въ ереси Пелагія. Тамъ фигура исполина нашихъ вѣковъ обрисовалась во всемъ размѣрѣ. Видѣнъ широкій замыселъ врага. Пелагій, по жизни строгій подвижникъ, увлекшійся духомъ гордыни, не могъ и предчувствовать, предвѣстникомъ чего онъ былъ. Не напрасно всколебалась тогда вся церковь—и западная, и восточная. Борьба съ пелагіанскою ересью составляетъ славу знаменитѣйшаго изъ богослововъ западной церкви блаженнаго Августина. Пожаръ былъ затушенъ, но искры сохранились подъ пепломъ. Теперь пелагіанство оказываетъ великую услугу истинѣ, помогая разобраться въ той смутѣ умовъ, какую произвелъ раціонализмъ послѣднихъ вѣковъ, между прочимъ, выяснитъ и признаки, по которымъ можно услѣдить его въ школѣ и, по возможности, предохранить отъ него подрастающее поколѣніе.

Три главныхъ идеи пелагіанства въ зародышѣ, раціонализма въ развитіи:

1) Нѣтъ наслѣдственнаго грѣха отъ Адама, всякъ грѣшитъ самъ по себѣ, говоритъ пелагіанство. Никакихъ нѣтъ вообще историческихъ связей, проповѣдуетъ раціонализмъ, никакихъ обязанностей, ни къ отцу, ни къ

матери, ни къ царю, ни къ р авторитетовъ. Всякъ пусть четъ. Это первая черта раці отрѣшенность каждой особи зависимостей.

2) Всѣ мы раждаемся чи сначала были въ раю прарод лагіанство, и этимъ ясно осла и благодати, въ чемъ своевр борцы за истину. „Все обстои ррасно, что въ при родѣ“, возглашаетъ раціонализмъ. Не нужно никакой помощи свыше. Это вторая основная черта раціонализма— лжеоптимизмъ. Теперь раціонализмъ проповѣдуетъ другое: „все въ мірѣ скверно и гадко, и ничто и никто намъ помочь не въ силахъ, одно спасеніе въ петлѣ“. Но этотъ крайній пессимизмъ есть неизбѣжное послѣдствіе изна чальнаго лжеоптимизма. Сентенціи разныя, даже проти воположныя, а выводъ одинъ: не нужно религіи съ ея благодатною помощію.

3) Третья основная черта какъ пелагіанства, такъ и раціонализма—*интеллектуализмъ*, или устремленіе ко многоученію и многознанію. Стоитъ только научить человѣка добру и истинѣ, и онъ будетъ добръ, утверждалъ нѣ когда Пелагій. Надо какъ можно больше учить, и всему можно учить, проповѣдуетъ раціонализмъ. Нѣтъ ничего для дѣтей запретнаго и тайнаго. Каждый обо всемъ можетъ знать и разсуждать. Отвергнувъ благодатныя средства спасенія, раціонализмъ видитъ всеисцѣляющее средство отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей человѣчества—въ многознаніи.

Посмотримъ теперь, какъ эти три основныхъ идеи раціонализма отразились и отражаются на школѣ. По

читаютъ нужнымъ историческому. Сочетанію пущена школѣ притомъ школь или цю

читаю нужнымъ оговориться, что я имѣю въ виду преимущественно школы Запада; при указаніи на наши школы, имѣю въ виду школы въ 60-е и 70-е годы, и притомъ не только то, что прививалось къ нимъ такъ или иначе, но и то (и это главнымъ образомъ), что было имъ разными неприванными педагогами навязываемо. Буду говорить не о школахъ отдѣльнаго какого-либо вѣдомства, а школѣ вообще, такъ какъ тля рационализма проникала всюду и всѣмъ намъ грозила опасностію. Имѣю въ виду не столько школы, сколько школьную литературу этихъ годовъ, ибо и самъ былъ отчасти втянутъ въ литературную борьбу того времени. Знаю хорошо и то, что школа внушаетъ мальчику одно, а со стороны шепчуть ему другое, и онъ охотнѣе подставляетъ свое ухо сюда, къ погибельнымъ для него рѣчамъ, такъ что осуждать школу за школьниковъ не всегда можно. Сдѣлавъ сію необходимую оговорку, съ указанными выше свѣточами, идемъ въ школу.

Первая основная идея рационализма—абстрактизмъ, или высвобожденіе каждой особи отъ всѣхъ историческихъ связей, выразилась въ усиліяхъ западныхъ педагоговъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ рационализма, отстранить сначала отъ дѣтей, а потомъ вообще отъ школъ всякое постороннее вліяніе и всякую зависимость отъ кого-бы то ни было. Особенно выдающимся провозвѣстникомъ идей абстрактизма въ воспитаніи каждой отдѣльной личности былъ Жанъ-Жакъ Руссо, который, прежде чѣмъ вступить на поприще педагогики, успѣлъ уже прославить себя и измѣной вѣрѣ, и грязными любовными похождениями, и другими непотребствами, и могъ быть чѣмъ угодно, только не педагогомъ. Свои идеи онъ развилъ въ двухъ сочиненіяхъ: „Эмиль“ и „Общественный

договоръ“. Первое—нѣчто въ родѣ педагогическаго романа, второе—разсужденіе на социальную тему. Сочетаніемъ этихъ сочиненій въ одной общей идеѣ пущена въ рационалистическую школу несвойственная школѣ струя: школа возымѣла претензію быть рѣшительницею вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Скажемъ нѣсколько подробнѣе о первомъ изъ сихъ сочиненій. „Все хорошо, утверждаетъ Руссо, что выходитъ изъ рукъ Творца: все извращается подъ руками человѣка. Онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, раба, все извращаетъ, все искажаетъ, онъ любитъ уродство, чудовища, ему не нравится ничто такъ, какъ оно создано природою, ни даже самъ человѣкъ; надо вымуштровать его, какъ верховую лошадь, подстричь по модѣ, какъ дерево въ саду. Повивальная бабка на свой ладъ обдѣлываетъ голову ребенка снаружи, а философы изнутри“. „Пусть люди будутъ предоставлены самимъ себѣ, какъ звѣри, и тогда наступитъ золотой вѣкъ всеобщаго довольства и счастья“ и т. д. И вотъ Руссо, въ педагогическомъ романѣ „Эмиль“ задался мыслию изобразить картину воспитанія, такъ чтобы не было здѣсь никакого посторонняго вліянія, никакой муштровки. Идеаль воспитанія по Руссо: сохранить ребенка и затѣмъ отрока до 12 лѣтъ здоровымъ и сильнымъ въ такой непосредственности, чтобы онъ не умѣлъ отличать правой руки отъ лѣвой. „Лишь-бы сдѣлался онъ дюжимъ, а потомъ скоро будетъ и разумнымъ“. 15-ти лѣтъ отъ роду Эмиль еще не знаетъ, есть ли у него душа. „Ему рано знать объ этомъ даже и на 18-мъ году, говоритъ Руссо: узнаеть—чего добраго—ранѣе, никогда о ней хорошо не узнаеть“. Когда же Эмиль узнаеть о Богѣ? Только наканунѣ совершеннолѣтія, предъ временемъ выбора невѣсты. Случайно встрѣ-

чається съ нимъ бѣдный деревенскій священникъ (по описовкѣ Руссо индифферентистъ и, по меньшей мѣрѣ, деистъ) и послѣ разныхъ подходовъ, напоминающихъ онтологическое и космологическое доказательство бытія Божія, открываетъ ему: „Существо, Которое движеть вселенную и учреждаетъ все, есть Богъ“.

Уже изъ сказаннаго очевидно, что такого рода изоляція воспитанія можетъ быть только въ романѣ. Поэтому, хотя французы нѣкоторое время сильно увлекались идеями Руссо, но скоро и бросили ихъ. Вольтеръ въ свое время писалъ Руссо: „Никогда еще никто не тратилъ такъ много ума для того, чтобы сдѣлать изъ насъ животныхъ. Прочитавъ вашу книгу, такъ и хочется опуститься на четвереньки и бѣгать на нихъ. Но какъ я уже болѣе 60 лѣтъ не имѣлъ этой привычки, то, къ сожалѣнію, чувствую, что для меня невозможно опять возвратиться къ ней, и я предоставляю этотъ единственный способъ хожденія другимъ, которые достойнѣе его, чѣмъ вы и я“. Романъ Руссо, дѣйствительно, утопія, но теперь открывается, что много яду тонкаго, незамѣтнаго пущено даже въ такую книжку, какою мы зачитывались въ дѣтствѣ. Разумѣю: „Робинсона Крузо“, въ области сказокъ гениальное произведеніе. Въ этой книжкѣ деистъ Даніиль Дефо († 1731) перенесъ основныя мысли деизма на почву воспитанія и въ приключеніяхъ своего героя изобразилъ, какъ-де человекъ могъ бы найтись, если бы судьба забросила его на пустынный островъ, т. е. самъ собою, безъ всякой сторонней помощи. Послѣ одинъ изъ педагоговъ филантропизма Кампе уснастилъ ее разными нравственными сентенціями, чѣмъ испортилъ книгу со стороны ея художественности, но зато выяснилъ ея тенденціи.

Болѣе успѣха имѣли педагоги въ изоляціи школы отъ постороннихъ, чуждыхъ якобы ей вліяній. Въ развитіи идей объ отрѣшенности школы отъ всякой сторонней зависимости въ особенности подвизался извѣстный нѣмецкій педагогъ Дистервегъ. По его каммертону пѣли на эту тему воспитанники его, учителя народныхъ школъ. „Школа, по словамъ ихъ, самостоятельная величина, стоящая отдѣльно и независимо. Никто не смѣй соваться въ ея порядки. Въ особенности она должна быть независима отъ церкви. Долой священниковъ. Чему нужно могутъ научить и свѣтскіе люди“.

Любопытны резоны, по которымъ церковь на Западѣ отстранялась отъ школы. „Школа искони—дочь церкви“, говорили патеры и пасторы. „То было и прошло“, возражали имъ педагоги—раціоналисты. „Теперь школа достигла совершеннолѣтія и имѣетъ полное право сама собою, вольнымъ путемъ, проходить жизнь. Мать-де сама, т. е. церковь, должна позаботиться, чтобы дочка ея—школа встала на свои ноги“. Теперь часто можно слышать выраженіе: школа-де родная сестра церкви, онѣ должны-де идти объ руку. Идеи эти заграничнаго происхожденія. „Церковь воспитала и взлелѣяла школу, должна же имѣть вліяніе на нее“, говорили патеры и пасторы. „Да, отвѣчали имъ педагоги раціоналисты, прежняя схоластическая школа была взлелѣяна церковью, но она оказалась никуда не годною. Нынѣшняя швейцарская и нѣмецкая школа выросли изъ всеобщаго народнаго образованія, пріобрѣтеннаго собственнымъ трудомъ народа. Потому ей нѣтъ никакого дѣла до церкви“. „Церковь, говорили они далѣе, есть только частица общественнаго устройства (замѣчаніе, должно сказать, справедливое и весьма ѣдкое по отношенію къ протестантству и даже самому католиче-

ству), нельзя къ ней привязать школу: она общее достояніе“. „Церковныя вѣдомства смотрятъ-де на школу, какъ на дѣло стороннее. Нѣтъ-де у нихъ, т. е. у служителей церкви, ни досуга, ни средствъ, ни достаточнаго образованія, ни педагогической опытности, ни умѣнья, ни такта для веденія школьнаго дѣла и, особенно, руководства имъ“. Защитники церкви, въ качествѣ руководительницы школы, говорили: „Безъ твердаго религіознаго и нравственнаго образованія невозможны ни повиновеніе закону, ни гражданскій порядокъ“. „Вотъ и открывается, возражали на это защитники правъ школы, зачѣмъ нуженъ надзоръ священниковъ — это шпионы, это доносчики на учителей“. Споръ выступалъ изъ предѣловъ вопроса и ставился на арену его другой вопросъ: должна ли школа быть въ зависимости отъ государства? Шулмейстеры отвѣчали: „нѣтъ, не должна. Учитель-де не чиновникъ, нельзя-де ему поддѣлываться къ политикѣ и обдѣлывать умы на разные лады“. Дистервегъ совѣтовалъ каждому своему воспитаннику, прусскому шульмейстеру: „да будетъ онъ охваченъ порывающимъ потокомъ эпохи“, „да овладѣетъ онъ отвагою свободомыслія“. И что же? Было время, когда самъ князь Бисмаркъ заискивалъ у сельскихъ учителей и писалъ имъ: „вы товарищи мои въ борьбѣ противъ врага“, врагъ этотъ — церковь, но потомъ вынужденъ былъ скрутить расхолодившихся учителей подъ свою крѣпкую руку.

Что же? не слышалось ли и у насъ подобныхъ рѣчей объ отчужденіи священниковъ отъ школы, объ ихъ якобы неразвитости, педагогической неопытности и неспособности? Не поднимался ли вопросъ о свѣтскихъ преподавателяхъ даже Закона Божія? Какъ ни объясняйте этотъ фактъ отстраненія священниковъ отъ школы, — презор-

ствомъ ли какихъ-либо заправителей школы, дерзостями-ли учителей, или, можетъ быть, какъ старались многіе объяснять, виноваты сами священники, фактъ этотъ — явленіе грозное въ такомъ кровномъ для Россіи дѣлѣ, какъ дѣло начальнаго воспитанія дѣтей*). Продолжимъ далѣе.

Лжеоптимизмъ рационализма отразился въ школѣ превозношеніемъ природы вообще и человѣческой въ особенности, дѣтской по преимуществу. Всѣ признаки перво-роднаго грѣха, проявляющіеся и въ самомъ раннемъ возрастѣ, игнорируются, а видятся однѣ только восхитительныя свойства дѣтей. Нѣкто Зульцеръ, получивъ въ свое завѣдываніе народное образованіе въ Силезіи, въ докладѣ королю Фридриху Великому распространялся въ похвалахъ естественной добротѣ людей, все болѣе и болѣе якобы открывающейся ему при исполненіи порученнаго ему дѣла. „Любезный Зульцеръ, вы не знаете еще этой негодной породы“, отвѣчалъ ему король, хотя и самъ былъ великій либераль. Но это, на сей разъ трезвое, слово умнаго человѣка не охладило увлеченныхъ педагоговъ. Природа человѣческая признана была совершенствомъ, и въ педагогикѣ утверждается принципъ „сообразнаго съ природой развитія“, „свободнаго и нестѣсненнаго развитія натуры“. „Пожалуйста не стѣсняйте, твердили педагоги, пусть свободно развивается натура, какъ изъ сѣмени дерево“. По ученію слова Божія, „корень зла въ эгоизмъ и гордости“, а, напротивъ — эти-то именно грѣховныя наклонности и выдвигались новой школой, какъ корень и источникъ всѣхъ

*) Подробнѣе въ статьѣ моей: „Къ вопросу о преподавателяхъ Закона Божія въ народной школѣ“.

благородныхъ движеній сердца. „Развѣ не естественная самолюбовь (т. е., по нашему сказать, эгоизмъ, самолюбіе) заставляетъ насъ любить того, кто намъ желаетъ добра?“ восклицаетъ савойскій викарій въ „Эмилѣ“. Выдвинувъ на первый планъ самолюбіе, школа цѣлюю своею полагаетъ подготовленіе къ самопомощи, чтобы ни отъ кого не быть въ зависимости и ни въ комъ, и ни въ чемъ не нуждаться. Посему главнымъ въ ученіи почитается практически полезное: все, не имѣющее отношенія къ обыденной жизни, пренебрегается школой, какъ предметъ трансцендентальный. Отсюда узкій утилитаризмъ новѣйшей заграничной школы. Всѣ эти принципы такъ несогласны съ ученіемъ христіанской религіи, что она никакъ не могла ужиться съ ними въ школѣ. И вотъ начинается въ школѣ гоненіе на уставы, обряды, въ особенности на догму христіанства. Прежде всего поднимается гоненіе на катихизисъ. „Зачѣмъ эта сушь, этотъ наборъ какихъ то непонятныхъ формулъ и текстовъ?“ „Если бы мнѣ пришлось, говоритъ Руссо, символически изобразить глупость, то я представилъ бы педанта, обучающаго дѣтей по катихизису“. „Въ какой вѣрѣ воспитывать человѣка?“ спрашиваетъ Руссо и отвѣчаетъ: „ни въ какой, пусть самъ избираетъ лучшую“. У Софьи, невѣсты Эмиля, „есть религія, но разумная и простая, она мало знакома съ символами вѣры, еще того менѣе съ церковными обрядами, или, точнѣе, помимо своего нравственнаго подвига, не признаетъ никакого другого существеннаго выраженія религіи, и, такимъ образомъ, дѣлая добро, она всю жизнь свою посвящаетъ на служеніе Господу“. Въ силу этого предубѣжденія противъ символовъ и обрядовъ, педагоги-раціоналисты стали всѣчески сокращать программу преподаванія Закона Божія

въ школахъ. Въмѣсто цѣльнаго преподаванія извѣстныхъ предметовъ начальной школы—священной исторіи и катихизиса, стали давать дѣтямъ разные обрывки, что кому нравилось. Въ храмъ водить дѣтей, по мнѣнію педагоговъ-раціоналистовъ, незачѣмъ. „Не слѣдуетъ ихъ, говоритъ Базедовъ *), понуждать къ отправленіямъ, называемымъ молебствіями, которыя для нихъ вовсе не молебствія, оттого что дѣти не постигаютъ формулъ, или неспособны къ выражаемому и возбуждаемому ими ощущеніямъ“. Затѣмъ стали сочинять свою собственную школьную вѣру съ обезличеніемъ и, наконецъ, полнымъ устраненіемъ христіанства.— „На развалинахъ-де исповѣданій должна обновиться истинная человѣчность; судьба людей можетъ уллучиться въ томъ случаѣ, если христіане сдѣлаются людьми“. Базедовъ самъ преподавалъ Законъ Божій и хвалился, что у него всѣ равны, и іудеи, и магометане, и деисты (о христіанахъ уже ни слова). Онъ завелъ въ школѣ даже свои школьные обряды и школьное служеніе. „Въ каждый мѣсяць, пишетъ Базедовъ о своей школѣ, полагается у насъ по одному казусному дню въ 24 часа. Въ этотъ день пансіонеровъ мало по малу приучаютъ поститься до 2-хъ часовъ, а потомъ до вечера ѣсть сухую пищу и пить воду, находиться въ холодныхъ комнатахъ или подъ открытымъ небомъ (но хорошо одѣтыми), ночью спать на полу и на соломѣ, и при всемъ томъ оставаться довольными. Воспитаніе, такимъ образомъ, приготовляетъ на случай невзгодъ жизни“. У Базедова отдѣлана была особая комната-молеельня. Главный цвѣтъ на стѣнахъ перемался черными штрихами, чтобы представить перевѣсъ

*) Основатель раціоналистической школы филантропизма († 1790 г.).

добра надъ зломъ. Середина пола представляла подобіе гроба для напаминанія о смерті. Главную святыню сего самодѣльнаго храма составлялъ ковчегъ, въ которомъ хранилась книга законовъ и Завѣта Господня. Крышка ковчега зеркальная: испытай-де себя по закону Господню. По сторонамъ ковчега двѣ свѣчи: онѣ означали два способа наученія—сторонняго и собственнаго. Надъ ковчегомъ 4 статуи: символы разсудительности, умѣренности, справедливости и благотворительности. Извѣстный поэтъ-философъ Гердеръ, за узкость и односторонность этой системы, все сводившей къ одной отвлеченной морали и прозаическому благоразумію, далъ о ней такой отзывъ: „по этой системѣ я не позволилъ бы воспитывать даже телятъ, не только дѣтей“, съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. Подъ вліяніемъ воззрѣній пантеизма и матеріализма дѣло пошло еще далѣе. Штраусъ предлагалъ замѣнять не въ однѣхъ школахъ, а и въ храмахъ вообще богослуженіе симфоніями изъ Бетховена и Моцарта: онѣ де лучше уносятъ къ небесамъ. Въ Голландіи возымѣли особенную заботу о дѣтяхъ евреевъ, что „христіанскимъ ученіемъ причиняется-де оскорбленіе ихъ религіозному чувству“, и дошло до того, что было постановлено: „кто изъ учителей назоветъ Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ и Спасителемъ, тотъ лишается мѣста“.

У насъ до такихъ крайностей дѣло не доходило и не могло дойти, но нѣчто похожее было на умѣ и высказывалось. Много говорено было противъ катихизиса, противъ его якобы долбленія, противъ текстовъ, вообще противъ формулъ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ книжкахъ онъ произвольно раздѣлялся и сокращался. Символь вѣры, молитва Господня, десятословіе относились къ разряду вообще молитвъ. Тамъ, въ ряду другихъ, давалось имъ

объясненіе, и довольно. Были попытки урѣзывать священную исторію. Отрицалось педагогическое достоинство ветхо-завѣтной священной исторіи. Слышались возглашенія: „зачѣмъ Ветхій Завѣтъ? Мы люди Новаго Завѣта. Тамъ духъ страха, здѣсь—любовь“. „Зачѣмъ, говорили также у насъ, читать Псалтирь и Часословъ? Не лучше ли читать Евангеліе? Зачѣмъ по-славянски, лучше по-русски“. Слова иногда слышались красивыя, но смыслъ въ нихъ былъ хутой. Затѣмъ ветхозавѣтную и новозавѣтную священную исторію начали рѣзать на мелкіе куски, перемѣшали эти куски съ отрывками изъ объясненія молитвъ, изъ ученія о богослуженіи, и всю эту путаницу преподносили школь въ видѣ такъ называемой совмѣстной, или, какъ громко тогда возглашали, концентрической системы. Всему этому можно было подвести цитаты: это взято изъ Базедова, это изъ Динтера и Дистервега, и все это представлялось притомъ въ видѣ утрированномъ и искаженномъ. И все это дѣлалось, повидимому, съ доброю цѣлію—облегчить дѣтей, всячески уяснить имъ, чрезъ разныя сближенія, непостижимое и высокимъ умамъ, никакъ не подозрѣвая, что тамъ, откуда шли эти заимствованія, цѣлію всѣхъ желаній и мыслей было одно—всячески урѣзать, унижить, обезличить, омертвить преподаваніе Закона Божія въ погибельныхъ видахъ раціонализма.

Переходимъ къ 3-му принципу раціонализма—интеллектуализму.

Интеллектуализмъ школы выразился заграницей въ томъ, что въ начальной школѣ главнымъ дѣломъ считалось не религіозное настроеніе, не нравственное воспитаніе, а сообщеніе наибольшаго количества знаній. „Ближайшая задача народной школы состоитъ въ томъ, го-

шенно справедливо. Наука и искусство сдѣлали за послѣдніе два вѣка великіе успѣхи, между прочимъ, и въ дѣлѣ воспитанія. Но рационализмъ это доброе, пріобрѣтенное трудомъ и усиліемъ геніевъ, отравилъ, испортилъ, искалѣчилъ, чего нельзя не видѣть уже изъ представленнаго. Въ педагогикѣ Запада совершилось то, что Апостоль сказалъ вообще о язычествѣ: *истина тамъ содержитсяъ въ неправдѣ*. Если бы была одна ложь, она пала бы сама собою; но зерна истины, которыя въ ней заключены, поддерживаютъ ее и даютъ ей живучесть. Великій Апостоль въ идолослуженіи аѳинянь, исполнившемъ сердце его глубокою печалью, усмотрѣлъ нѣчто доброе и извлекъ это зерно истины изъ пепла заблужденія. Эта задача теперь предстоитъ нашей школѣ. *Вся испытующе, добрая держите*; но прежде, чѣмъ взять и удержать это доброе, надо снять шелуху и грязь, прилипшія къ нему.

Что касается Амоса Коменскаго и Песталоцци, то это, дѣйствительно, великія въ педагогій имена. Но и сдѣланное ими для школы подлежитъ еще большой критикѣ и исправительной очисткѣ, чтобы быть внесеннымъ въ нашу православную школу. Амосъ Коменскій почтенная личность, глубокой славянинъ душой, но по вѣрѣ принадлежалъ къ одной изъ протестантскихъ общинъ и не зналъ ни завѣтовъ, ни преданій православія. — Песталоцци гениальная личность, но по убѣжденіямъ едва ли былъ даже искреннимъ христіаниномъ.

Обращаемся къ церковно-приходской школѣ. Для чего же нужно было ея возстановленіе, и что добраго внесла она въ дѣло начального народнаго образованія?

Въ виду разныхъ педагогическихъ теорій, въ которыхъ такая смѣсь добраго и худого, сказалась настоятельная нужда, чтобы церковь сказала свое ясное и

твердое слово, каково должно быть начальное воспитаніе народа, и оно самымъ фактомъ возстановленія церковно-приходской школы сказано.

Воспитаніе дѣтей народа должно быть какъ можно ближе къ церкви; это ея кровное дѣло и преимущественная обязанность. Господь сказалъ: *научите крестьянъ*. Въ какое другое время церковь можетъ исполнить сію обязанность, какъ не въ тѣ годы, которые обыкновенно отдаются школѣ начальной? Только подъ ближайшею сѣнію церкви, скажемъ болѣе, только въ рукахъ ея ближайшихъ служителей начальная школа можетъ быть истинно плодотворною. Начальная школа искони была церковною. Только печальныя недоразумѣнія на Западѣ оторвали ее отъ церкви. Но народъ нашъ, Божіею милостію сохраненный въ православіи, несмотря на всѣ прелести инославной педагогій, только ее одну признаетъ, какъ школу ему нужную, истинно полезную и любезную *).

Поставивъ дѣло начального образованія подъ непосредственное руководство церкви, церковно-приходская школа призвала священника къ исполненію его священнѣйшей обязанности. Ты крестилъ, ввелъ дитя въ церковь, ты и научи его. Теперь едва ли даже и возможенъ вопросъ о свѣтскихъ преподавателяхъ Закона Божія, который лѣтъ пятнадцать тому назадъ былъ въ проектѣ разработанъ и едва не былъ рѣшенъ утвердительно.

Церковно-приходская школа ясно и твердо ставитъ дѣло преподаванія предметовъ въ ихъ, хотя и краткомъ, но цѣлостномъ, видѣ, строго послѣдовательномъ порядкѣ и взаимной органической связи. Главный и средоточный ея предметъ — наставленіе въ вѣрѣ и благочестіи. Къ

*) Подробнѣе въ статьѣ моей: „Церковно-приходская школа—упадокъ ея на Западѣ Европы и значеніе для Россіи“.

нему, по возможности, приурочены остальные предметы преподавания, такъ что дѣти съ первыхъ лѣтъ твердо запоминаютъ то *единое на потребу*, по отношенію къ которому все другое имѣетъ значеніе уже второстепенное. Многіе приемы преподаванія Закона Божія, заимствованные отъ Запада, — концентрація разныхъ отдѣловъ предмета, изысканная и дробная катехизація священно-историческихъ рассказовъ, резонерство съ цѣлью уясненія дѣтямъ непостижимыхъ тайнъ, уснащеніе учебниковъ картинками, въ большинствѣ, какъ говорится, жалости подобными, отстранены, какъ непригодные для преподаванія этого важнаго предмета.

Церковно-приходская школа не увлекается фантазіями о совершенствахъ дѣтской природы, а помня, что человекъ принадлежитъ грѣху отъ юности его и что *никтоже чистъ предъ Богомъ, аще и единъ день житія его на землѣ*, старается всѣми возможными способами — путемъ ближайшаго общенія съ храмомъ, чрезъ чтеніе, пѣніе, домашнюю молитву, совершаемую по чину церковному, открывать нѣжныя сердца дѣтей дѣйствию спасительной благодати, чтобы вмѣстѣ съ симъ они какъ можно ближе и соединились съ церковью, полюбили ее и на всю послѣдующую жизнь были ея послушными чадами.

Церковная школа, какъ ни бѣдна она, какъ ни гонима даже до сего дня, — не далѣе, какъ 5 дней тому назадъ, въ одной изъ нашихъ газетъ она обозвана „незаконно-рожденнымъ дѣтищемъ русскаго просвѣщенія“, — оказала, однакоже, видимое и довольно сильное вліяніе и на другія народныя школы, богато сравнительно съ нею обставленныя, которыя мало по малу перенимаютъ ея порядки и руководящія ею начала, что можетъ относиться, конечно, только къ ихъ хвалѣ и чести.

Въ теченіе десяти лѣтъ, не имѣя надлежащихъ средствъ къ своему существованію, она не успѣла развить своихъ силъ, можетъ быть, не свободна и отъ недостатковъ. Но тотъ столпъ, на который опирается, незыблемъ: это столпъ и утвержденіе истины — святая православная Церковь.

О ПРАВОСЛАВІИ

вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ *)

Нынѣшній день церковь совершаетъ торжество Православія. Предъ глазами возникаетъ длинная, восьмисотлѣтняя, великая борьба сперва за самую святую вѣру, а затѣмъ за правое ея исповѣданіе. Наконецъ, помощію Божіею, кровію мучениковъ и исповѣдниковъ, трудами и страданіями до крови святителей и учителей церкви, достигнута славная побѣда, въ память которой и установленъ сей праздникъ.

Нынѣ же воспоминается въ церкви блаженная кончина святаго Кирилла, первоучителя славянскаго. Проповѣдь православія, борьба за православіе, скорби и страданія за православіе — вотъ исторія всей его жизни, и на смертномъ одрѣ онъ молился, чтобы Господь сохранилъ собранное имъ стадо въ единомысліи и правомъ исповѣданіи вѣры.

Столь знаменательное совпаденіе церковныхъ воспоминаній указываетъ предметъ бесѣды о православіи и въ

*) Читано въ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества 14-го февраля 1893 года.

особенности по отношенію къ великой паствѣ святаго Кирилла—народамъ славянскимъ. Съ этой каедры уже не разъ говорилось на эту тему. Заявлялось и утверждалось, какъ нѣчто несомнѣнное, что православіе всегда имѣло самое благодѣтельное вліяніе на жизнь славянскихъ народовъ, что только подъ условіемъ православія она быстро и стройно развивалась, при чемъ проявлялись богатя дарованія славянской природы, сохранялась самобытность славянскихъ племенъ и поддерживалось общеніе ихъ съ другими родственными племенами. Гдѣ же славяне измѣняли православію, тамъ чувствовался и чувствуется какой-то гнетъ на жизни народной, она задерживалась въ проявленіи своихъ силъ, даже совсѣмъ заглушалась, и вмѣсто единенія, свойственнаго дѣтямъ единой великой семьи славянской, возникали между родственными племенами гибельныя для нихъ распри, нестроенія, даже вражда. Но что такое православіе, и почему оно имѣетъ такое благодѣтельное вліяніе на развитіе въ особенности славянскихъ народовъ? эти вопросы, кажется, еще не затрогивались. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на эти вопросы я рѣшаюсь предложить теперь вашему благосклонному вниманію.

Что такое православіе? Какая трудная и обширная тема! Можно ли исчерпать содержаніе этого преизобильно богатаго слова? Если, хотя бѣглымъ взоромъ окинуть,— это область безпредѣльная.

Православіе—это не только правое исповѣданіе вѣры, но и правая жизнь. Съ точки зрѣнія православія иначе ставятся коренные вопросы жизни, чѣмъ подъ угломъ зрѣнія иныхъ, хотя бы также христіанскихъ исповѣданій. Православіе, на примѣръ, отвергаетъ возникшее на почвѣ католичества ученіе о добродѣтели, какъ нѣкоей заслугѣ

предъ Богомъ, которая въ спасеніи человѣка какъ бы только оплачивается, равно какъ и ученіе о сверхдолжныхъ дѣлахъ у святыхъ, которыя якобы можетъ совершить человѣкъ сверхъ того, что онъ долженъ сдѣлать ради своего спасенія, и которыя затѣмъ поступаютъ въ сокровищницу церкви для усвоенія другимъ нетрудившимся, отвергаетъ и протестантское ученіе объ оправданіи одною вѣрою, которое, послѣ долгихъ перетолкованій на западѣ, принесъ сюда въ Петербургъ лордъ, незванный апостоль, и предложилъ въ понравившейся столь многимъ формѣ: „живи какъ хочешь, только вѣруй, и все тебѣ будетъ прощено“, какъ будто чистый елей вѣры можетъ свѣтло горѣть въ переполненномъ нечистотами сосудѣ. Православіе не даетъ никакого послабленія грѣху и страсти, твердо и настойчиво требуетъ выраженія вѣры въ любви и добрыхъ дѣлахъ, прямо и ясно ставить вопросъ о добродѣтели, какъ долгъ предъ Богомъ, котораго никогда человѣкъ не можетъ совершенно выполнить. Посему, сколько бы ни подвизался праведникъ въ дѣланіи добра, онъ почитаетъ себя, по слову Господню, рабомъ неключимымъ и, падая ницъ предъ Чашею жизни, искреннѣйше сознаетъ и называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ.

Православіе не только правая вѣра и жизнь, но и правильное, подобающее величію Бога, служеніе Ему. Иная обстановка православнаго храма, чѣмъ костела и кирхи, иные обряды, иное въ богослуженіи. Не будемъ входить въ подробности, укажемъ наиболѣе видимое и слышимое. Предъ нами исполненные, какъ должно, образцы византійской иконописи, сравните ихъ съ самыми лучшими итальянскими, испанскими и другими образцами,— увидите разницу. Скажете о сихъ послѣднихъ: это вос-

хитительно, прекрасно, а правда здѣсь: это какъ-то болѣе идетъ къ святынь храму, сообразнѣе съ духомъ молитвы. Посему изъ множества великихъ произведеній Запада православіемъ усвоены лишь весьма немногое, куда не приразилась земная страсть. Въ православныхъ храмахъ наиболѣе встрѣчаются, на примѣръ, изображеніе Богоматери (Сикстинская Мадонна) Рафаэля, или Тайной Вечери Леонардо-да-Винчи, не многія другія, — и надобно сознаться, что это въ произведеніяхъ церковной живописи Запада самое лучшее. Слышите величественные звуки органа, дивные переливы голосовъ въ хорѣ, чудныя музыкальныя произведенія прѣсненнаго искусства, и услышите древнимъ напѣвомъ исполненный догматикъ, на прим., „Всемирную славу“, или „Кто тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво“, или ирмосы, напр., „Глубины открылъ есть дно“, или „Волною морскою“, или, какъ сейчасъ слышали, „Помощникъ и Покровитель“, и опять почувствуете разницу. Тамъ искусство все сдѣлало, что могло, и даетъ намъ минуты восторга, душа подымается, уносится куда-то далеко, далеко, уносится... и забываетъ человѣкъ, зачѣмъ пришелъ въ этотъ храмъ, и молитвы въ душѣ уже не стало; здѣсь умиляемся, потрясаемся до глубины души, падаемъ ницъ предъ Господомъ и молимся. Есть службы, подобныхъ которымъ нѣтъ въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, на которыхъ, однакоже, сами иновѣрцы чувствуютъ соприкосновеніе земли и неба: укажу для примѣра дивную пасхальную службу.

Православіе не только правое служеніе Богу и вѣрою, и жизнію, и обрядомъ, но и строгая соразмѣрность въ проявленіяхъ всѣхъ силъ души, въ стремленіи помысловъ и желаній, во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Это срединный золотой путь жизни, гдѣ чуднымъ образомъ со-

четаваются и вѣра и разумъ, и страхъ и любовь, и послушаніе и свобода, гдѣ не по страху, а отъ сердца и свободно повинуются предержавшимъ властямъ, гдѣ тяжкое бѣдствіе, попущенное Богомъ, переносится съ смиреніемъ и упованіемъ вѣры, гдѣ истинное геройство духа, означенное побѣдами, умѣетъ искренно смириться предъ поставленною отъ Бога властію въ лицѣ притѣснителя иноземца, нисколько не роняя при томъ своего достоинства, напротивъ, возбуждая къ себѣ даже въ необузданныхъ дикаряхъ невольную дань уваженія, какъ это видимъ въ жизни благовѣрнаго князя Александра Невского, гдѣ совершенно отрѣшившіеся отъ міра иноки, не оставляя пустыни, пріемлютъ самое живое участіе въ судьбахъ родной страны и дѣйствительнѣе военачальниковъ помогаютъ ей въ борьбѣ со врагами, какъ это видимъ въ исторіи преподобнаго Сергія, гдѣ искреннѣйшая любовь и почтеніе къ Царю, Помазаннику Божію, соединяется съ безбоязненнымъ дерзновеніемъ сказать ему слово правды и даже суда духовнаго, какъ это видимъ въ жизни святаго митрополита Филиппа. Въ истинно-православномъ царствѣ не мыслимы ни гордо презорное преобладаніе высшихъ, ни преисполненный мрачной злобы пролетаріатъ. Читая теперь, что творилось и творится на Западѣ, до чего дошла наука въ своихъ отрицаніяхъ, искусство въ своихъ низменныхъ стремленіяхъ, до чего упала и какъ развратилась самая власть, народомъ поставленная и извлекающая изъ него всѣ жизненные соки, невольно думается, что было бы, если бы эти народы, владѣющіе такими богатыми средствами и природы, и науки, и искусства, жили и развивались въ духѣ православія? Увы! Отдаленная, т. е. основная причина всѣхъ золъ, развѣдающихъ Западъ, коренится въ отступленіи отъ православія!

Что же? не рисую ли я жизни идеальной? Как можно не только одному человеку, но и целому обществу идти прямою стезею, не уклоняясь в сторону, когда в жизни человеческой столько бывает неотразимых посторонних влияний, столкновений, соблазнов, искушений, напастей, и всяк человек, в частности, *ложь есть* (Пс. 115, 2)? Да, православие — идеал жизни. Идея православия — это звезда, сияющая намъ съ высоты небесъ и освѣщающая путь жизни отъ колыбели до могилы и даже за могилой. Строгія требованія православія всегда возвышаются надъ жизнью, какъ нѣчто вполнѣ и всегда въ равной мѣрѣ недостижимое. Но, какъ ни строги сія требованія, при помощи всеильной благодати Господней насколько возможно при настоящемъ грѣховномъ состояніи, хотя не во всей должной мѣрѣ и не всегда одинаково, они выполняются не только въ жизни отдѣльныхъ людей, но и обществъ и цѣлыхъ народовъ, какъ это видно уже изъ указанныхъ сейчасъ примѣровъ. Со стороны каждаго человека въ отдѣльности требуется постоянное и неослабное наблюдение, точно ли онъ идетъ путемъ Господнимъ, и неуклонное пользованіе тѣми благодатными средствами, которыя даны намъ для спасенія, по великой милости Искупителя міра. Вотъ нѣкоторыя изъ правилъ для жизни желающаго сохранить себя въ православіи. *Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Берегитесь* (Мѡ. 16, 6) *ажепороковъ* (Мѡ. 17, 1). *Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они* (Іоан. 4, 1). *Все испытывайте, хорошаго держитесь* (Іоан. 5, 21). *Входите тѣсными вратами, потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе къ погибели* (ст. 13). *Кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобъ не упасть* (1 Кор. 10, 12) и др. Наблюдать, ка-

кимъ путемъ движется жизнь семейная и общественная — долгъ тѣхъ, кому Господь ввѣрилъ пасеніе Своихъ овецъ и управленіе народомъ. При постоянномъ бодрствованіи, при усиліяхъ къ исполненію закона Господня на всѣхъ путяхъ жизни, многіе не только соблюли себя въ православіи, но и заслужили почетнѣйшее въ церкви наименованіе столповъ вѣры и церкви. Что и цѣлые народы, при помощи Господа, могли и могутъ идти срединнымъ золотымъ путемъ православія, это показываютъ тѣ формы и типы жизни народной, въ которыхъ выразилась идея православія, и въ которыхъ человеку, ревнующему о соблюденіи себя на пути правомъ, чувствуется такъ легко, удобно и пріятно. Ошибки и уклоненія неизбежны въ жизни человеческой, но они исправляются покаяніемъ и обращеніемъ на путь правый, при непрестанномъ и ближайшемъ руководствѣ свыше. *Невозможная у чело-вѣковъ возможна сущъ отъ Бога* (Лук. 18, 28).

Такъ какъ идеалъ православія неизмѣримо высокъ и въ распоряженіи Верховнаго Главы церкви — вся силы, яже къ животу и благочестію, то православіе не есть что либо остывшее въ своихъ формахъ, мертвенное, какъ любятъ говорить о немъ враги его, а непрестанно движущееся впередъ, вырабатывающее новыя и новыя формы для своего выраженія, но движущееся съ удивительною мѣрностію и стройностію, усвояющее себѣ изъ встрѣчающагося на пути матеріала (какъ мы замѣтили выше) лишь не многое, и при томъ самое лучшее. Ему не свойственны тѣ отчаянные прыжки, какіе, напримѣръ, сдѣлала на нашихъ глазахъ философія, превратившись изъ идеалистической въ матеріалистическую, отсюда въ пессимистическую, отсюда въ погубительнѣйшій нигилизмъ, отсюда ударившаяся въ туманный мистицизмъ и едва не

кончающая обоготворением Будды. Нѣтъ: великая ладія церкви православной, хотя и обуреваемая волнами, хотя по временамъ и наклоняемая въ ту или другую сторону изнемогающими въ силахъ и не всегда могутъ быть искусными гребцами, идетъ прямо и разсѣкаетъ страшныя волны, подъ управленіемъ своего Божественнаго Кормчаго. Жизнь православной церкви не блеститъ открытіями и изобрѣтеніями, но что она вырабатываетъ на своемъ пути, остается жизненнымъ навсегда; а самое главное: несмотря ни на какія препятствія и невзгоды церковь неуклонно и неизмѣнно воспитываетъ чадъ своихъ въ вѣрѣ и благочестіи—къ наслѣдію царства небеснаго. Укажу нѣсколько примѣровъ. Борьба православія съ латинствомъ на западѣ создала новую форму защиты его—братства, и эта форма такъ прониклась духомъ православія, что сдѣлалась, какъ мы будемъ имѣть удовольствіе сейчасъ услышать, однимъ изъ важныхъ приобретений церкви на всѣ времена. Преизобильно богата теперь православная церковь богослужебными средствами—канонами и молебствіями, но и наше время внесло въ эту богатую сокровищницу немалое. Для примѣра укажу на замѣчательно глубокое по своему содержанию и удивительно стройное по своему составу и расположению, молебствіе, совершаемое послѣ литургіи въ день Рождества Христова. Скажу еще: нашъ вѣкъ будущій историкъ церкви, можетъ быть, назоветъ, какъ это обычно было въ старинныхъ учебникахъ по церковной исторіи, несчастнымъ, или тяжкимъ, или смутнымъ. Но въ этотъ несчастный и смутный вѣкъ православіе воспитало и за симъ навсегда имѣетъ предъ собою такого столпа вѣры и благочестія, какого приравнять можно развѣ только къ великимъ святителямъ IV вѣка, называемаго по всей

правдѣ свѣтоноснымъ,—разумѣю Московскаго святителя Филарета, или такого ревностнаго борца за вѣру и правду, какимъ былъ живопамятный и дорогой настоящему собранію святитель Никаноръ, въ которомъ чрезвычайно смѣлые полеты мысли и фантазіи уживались съ духомъ строгаго православія, и который скончаніемъ своего жителства, этою мужественною въ глазахъ всей Россіи борьбою съ смертію, показалъ, какою обладалъ онъ твердынею духа.

Въ православіи соединяются двѣ силы, чрезвычайно—т. е. вышею небесною помощію—благопріятствующія развитію силъ, каждаго-ли человѣка въ особенности, или цѣлаго племени и народа: первая—это сила освобождающая отъ разныхъ временныхъ и мѣстныхъ стѣсненій, вторая—сила сдерживающая, не позволяющая нашимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ разбрасываться и ведущая ихъ прямымъ путемъ къ достиженію предназначенныхъ цѣлей. Объясню свою мысль примѣромъ: предъ нами блестящій роскошью католическій храмъ въ Италіи или Испаніи: такое разнообразіе цвѣтовъ и красокъ, столько великолѣпныхъ статуй, ласкающихъ, восхищающихъ взоръ, но вмѣстѣ видишь здѣсь и такъ много излишняго, ненужнаго для храма. Говорятъ: это могла произвести только роскошная фантазія юга. Входите въ грандіозный по размѣрамъ храмъ протестантскій: тамъ голыя стѣны, храмъ—точно классная аудиторія, сухо, скучно, тяжело... Здѣсь, говорятъ, высказался холодъ сѣвера. Въ Германіи даже можно провести черту, гдѣ кончается царство фантазіи въ католичествѣ и начинается соответствующая природѣ сѣвера разсудочность протестанства. Что-же значитъ столь сильное вліяніе на духъ человѣческой мѣстной природы? Не стоитъ-ли здѣсь

въ зависимости свобода духа отъ плоти и крови? Въ комъ горячѣ кровь, выражается такъ служеніе Богу, въ комъ медленнѣ она вращается, — иначе. Православіе освобождаетъ духъ отъ этого своего рода гнета природы. Въ одной священнической молитвѣ о вѣрныхъ говорится: „Самъ Владыко съ небесе призри на подклоншія Тебѣ главы своя, не бо подклониша плоти и крови, но Тебѣ страшному Богу“. Какъ ясно и живо въ этихъ словахъ выразилась идея православія! „Нѣтъ, какъ-бы такъ говорить іерей, у нихъ никакихъ земныхъ ни надеждъ, ни расчетовъ, ни увлеченій, ни пристрастій: всею силою души они желаютъ служить Тебѣ, единому Богу“. — Православіе — правило жизни: оно не даетъ ей уклониться въ сторону, такъ чтобы, напримѣръ, чувство и фантазія взяли верхъ надъ разсудкомъ, или разсудочность подавила фантазію и чувство. Въ народахъ единовѣрныхъ могутъ и должны быть мѣстныя особенности, въ которыхъ проявляется богатство природныхъ ихъ силъ и дарованій, но при этомъ никакъ не нарушается гармонія цѣлаго, и эти особенности никогда не прострутъ до той радикальной противоположности, какую видимъ въ католичествѣ и протестанствѣ. Александрія, Константинополь, Кіевъ много южнѣ Москвы, Вологды, Архангельска и Соловковъ, но и тамъ и здѣсь едина вѣра и одинаково служеніе Богу.

До сихъ поръ мы описывали только проявленія и дѣйствія православія. Намъ виднѣлись только прекрасныя листья и плоды древа: гдѣ же корень дерева? Основа и доброй нравственности и преизобильно богатаго молитвеннымъ духомъ богослуженія, и всѣхъ добрыхъ, и личныхъ, и семейныхъ, и общественныхъ, и общенародныхъ отношеній, это — чистая и правая вѣра: здѣсь корень

всему. Такъ и должно быть: *свѣтильникъ тѣлу есть око*. Прежде всего должны быть просвѣщены истинною святою вѣрою очи ума и сердца: тогда человѣкъ будетъ и жить право, и какъ подобаетъ служить Богу, и установятся правильно всѣ жизненные отношенія. Въ правой же вѣрѣ первое мѣсто и самое высшее значеніе принадлежитъ догмату.

Что такое догматъ? Это прежде всего истина, Богомъ откровенная, до которой никогда не могли бы домыслиться люди, каковы, напримѣръ, истины Откровенія о внутренней жизни Божества и отношеніяхъ Бога къ людямъ — тайна Пресвятыя Троицы, искупленія, воплощенія, евхаристіи и др. Догматъ затѣмъ есть опредѣленіе Церкви, которой Самимъ Господомъ предано собрать изъ сокровищницъ Откровенія Писанія и Преданія драгоценныя жемчужины этихъ великихъ истинъ, уяснить, на сколько возможно, опредѣлить ихъ, чтобы онѣ на всѣ времена и для всѣхъ людей были свѣточемъ вѣры и благочестія.

Въ этомъ то по преимуществу и состояла сила всемірной борьбы, увѣнчанной нынѣ празднуемою побѣдою православія. На эту борьбу вышло все, что было самага лучшаго въ церкви. Многочисленныя писанія отцевъ и учителей церкви, изъ коихъ не всѣ еще и дошли до насъ, показываютъ, съ какою энергіею, при какихъ богатыхъ средствахъ ума и науки, разсматривались, уяснялись эти основныя истины вѣры. Никогда міръ не ставилъ вопросовъ болѣе живыхъ и глубокихъ. Всѣ они соединялись въ главнѣйшемъ вопросѣ: кто былъ сей дивный Мужъ, который явилъ намъ свѣтъ истины и далъ правила жизни: Богъ, или высшій ангель, или только совершеннѣйшій человѣкъ? Если Богъ, то какъ же Онъ вмѣстился въ человѣчествѣ, какъ могли существовать и

дѣйствовать совмѣстно и Божеское всесовершенство, и человѣческая немощь? Всѣ слои христіанскаго общества были втянуты въ эту великую борьбу мысли и жизни, вся Церковь, если можно такъ выразиться, думала подъ невидимымъ осѣненіемъ Святаго Животворящаго Духа, а развивали, уясняли и возвѣщали правое ученіе пастыри церкви. Наконецъ, послѣ долгой, напряженной, жгучей борьбы выяснилось истинное ученіе, которое въ краткихъ, ясныхъ, точныхъ словахъ и опредѣлялось на вселенскихъ соборахъ. Вселенскіе соборы полагали своего рода санкцію на уясненное многими и многими трудами и и твердо обоснованное ученіе истины, послѣ чего догматы получалъ въ церкви значеніе закона, строго обязательнаго для вѣры и жизни. *Аще же церковь кто преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18, 17). Не новое что либо возвѣщалось церковію, но то же апостольское, древне-отеческое ученіе, только выясненное, опредѣленное и утвержденное навсегда. Послѣдняя борьба за иконы ставила на уясненіе и рѣшеніе важный вопросъ объ отношеніи внутренняго и внѣшняго богопочтенія въ самомъ человѣкѣ.

Вотъ эти то основы вѣры церковь въ особенности и старается укоренить и утвердить въ умахъ и сердцахъ чадъ своихъ въ нынѣшній свой день. Съ истиннымъ великимъ торжествомъ она возглашаетъ Символь вѣры, опредѣленный на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ. Здѣсь все необходимое для вѣры. Послѣдующіе соборы, въ виду возникавшихъ ересей, только еще яснѣе и опредѣленнѣе выражали ученіе, уже содержавшееся въ этомъ Символь. Затѣмъ она оглашаетъ своими отступниками не тѣхъ, кто преступаетъ правила нравственныхъ или каноны церковныя—къ этимъ она долготерпитъ до послѣдней воз-

можности, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе и исправленіе,— но тѣхъ, кто отрицаетъ бытіе Божіе и Промыслъ, духовность существа Божія и свойства Его, равносущіе и равночестность Сына Божія и Духа Святаго Богу Отцу, кто отвергаетъ необходимость пришествія на землю, страданій и смерти Сына Божія для спасенія людей, кто не приѣмлетъ благодати искупленія, кто отвергаетъ приснодѣвство Богоматери, кто не вѣруетъ, что Духъ Святыи дѣйствовалъ чрезъ пророковъ и апостоловъ и нынѣ пребываетъ въ сердцахъ христіанъ и наставляетъ ихъ на всякую истину, кто отрицаетъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ и вѣчное воздаяніе по дѣламъ, кто отменяетъ таинства, отвергаетъ соборы и ихъ преданія, не повируется богоустановленной царской власти и, наконецъ, кто отменяетъ и хулитъ святые иконы. Все это почти исключительно относится къ области догмата. Отверженіе этихъ догматовъ представляетъ въ отступникахъ церкви сознательное и намѣренное противоборство внутреннимъ жизненнымъ ея началамъ, при чемъ сами собою разрываются и всѣ связи съ нею *). Впрочемъ, и этимъ отступникамъ вѣры она не окончательно еще закрываетъ свои двери; она матерински вопіетъ къ нимъ о раскаяніи и обращеніи; только смерть кладетъ предѣлъ раскаянію. Достояна всякаго вниманія, примѣчанія и памятованія эта настойчивость церкви именно на соблюденіи нами правой вѣры и въ особенности ея догматовъ.

При мысли о значеніи собственно вѣры въ дѣлѣ православія и въ частности вѣры въ основные догматы

*) Только одно великое нравственное правило и то въ его догматической основѣ о повиновеніи богоустановленной власти церковь возвышаетъ наравнѣ съ догматами, по особенному значенію сего правила въ нравственной и общественной жизни ея членовъ и особенной зловредности противниковъ сей власти и развратителей общества.

христiанства, припоминається назидательний розказъ изъ жизни одного подвижника. „Мы слышали“, спрашиваютъ его, „что ты блудникъ и гордецъ“. „Да, это правда“. отвѣчаетъ онъ. „Ты пустословъ и клеветникъ“. „Я“, опять смиренно онъ отвѣтствуетъ. „Ты еретикъ“. — „Нѣтъ, я не еретикъ, воскликнулъ онъ. Быть еретикомъ, значитъ быть въ отлученіи отъ Бога; но быть отлученнымъ отъ Бога я не хочу.“ Припоминается и еще изъ біографіи преосвященнаго Филарета, митрополита Кіевскаго, что онъ имѣлъ обыкновеніе весьма часто провѣрять себя по символическимъ книгамъ, не уклонила ли мысль его въ чемъ либо отъ православія. Вотъ какъ заботились о сохраненіи себя въ правой вѣрѣ сами свѣтильники церкви. Апостоль отъ всѣхъ съ особою настойчивостію требуетъ: „испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы; самихъ себя изслѣдывайте“ (2 Кор. 13, 5).

Итакъ, православіе въ основѣ своей есть, во-первыхъ, повиновеніе Богу, когда человекъ смиряетъ свой разумъ предъ высшимъ Откровеніемъ и приѣмлетъ его вѣрою. Послушаніе сіе руководится мыслию: Господь Самъ сказалъ, что же я тутъ могу отъ себя прибавить? въ словахъ Господнихъ не можетъ быть ни ошибки, ни недомолвки; если чего ясно не открыто, намъ, во всякомъ случаѣ, не распознать. Послушаніе вѣры преисполнено чувствъ искреннѣшаго благоговѣнія къ словамъ Господнимъ. Сказалъ Господь о Святомъ Духѣ: *уже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26), мы и исповѣдуемъ вмѣстѣ съ Церковію: вѣрую и въ Духа Святаго..., *уже отъ Отца исходящаго*. Сказалъ Господь о Своей крови: *пійте отъ нея вси* (Мѣ. 26, 28). Чаша жизни и преподается всѣмъ и не только взрослымъ, но и младенцамъ. Во-вторыхъ, православіе есть послушаніе церкви, когда мы не пола-

гаемся на разумъ свой или другихъ людей въ истолкованіи богооткровеннаго ученія, а слушаемся ея гласа и ученія и всѣмъ сердцемъ ввѣряемъ себя ея водительству. Вмѣстѣ съ симъ и по сему самому православіе есть вѣрность ученію апостоловъ и отцевъ церкви, согласіе съ всею древнею церковію и единеніе съ нынѣ пребывающею и духовно-царствующею въ мірѣ церковію вселенскою. Посему, провозгласивъ вселенскій Символь вѣры, Церковь торжественно восклицаетъ: „Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди“.

Возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые, по необходимости, я ограничусь лишь краткими отвѣтами: какимъ образомъ высокая, непостижимая уму, повидимому, столь отвлеченная отъ жизни, богословская истина можетъ имѣть такое преобладающее на жизнь вліяніе? Какъ съ этими, повидимому, узкими рамками, въ какихъ опредѣляется, напримѣръ, ученіе о двухъ естествахъ и двухъ воляхъ въ Лицѣ Богочеловѣка, можетъ уживаться свободный полетъ богословствующей мысли? Какимъ образомъ вѣрою въ высшія богословскія истины можетъ быть управляема жизнь такихъ людей, которые ихъ почти не знаютъ, всю жизнь пребываютъ въ совершенномъ невѣдѣніи объ этихъ схемахъ догматическаго ученія, а такихъ людей несмѣтное число? Многіе ли изъ самихъ образованныхъ людей, такъ называемой интеллигенціи, знаютъ и понимаютъ эти схемы?

Отвѣчаю на первый вопросъ. И въ обыкновенной жизни все зависитъ отъ установленія отношеній; скажемъ: это мой отецъ, это моя сестра, и уже сейчасъ и мнѣ, и всѣмъ понятно, въ какихъ я долженъ быть къ нимъ отношеніяхъ. И въ нравственно-религіозной жизни

все направлѣніе ея зависитъ отъ уясненія въ нашей сердечной сферѣ мыслей, кто есть нашъ Творецъ и Искупитель. Догматическія истины лежатъ въ основѣ нравственнаго богословія, выразились въ жизни христіанской и составляютъ глубочайшее содержаніе церковнаго богослуженія. Если низвести, или, вѣрнѣе сказать, возвести все ученіе вѣры и благочестія къ кореннымъ ихъ основамъ, таковыми будутъ богооткровенныя истины, или, иначе, догматы.

Отвѣтъ на второй вопросъ. Краткія и ясныя схемы догматическихъ опредѣленій никакъ не препятствуютъ свободѣ богословствующей мысли, напротивъ, эта свобода только тогда и возможна, когда эти основы вѣры будутъ твердо и неизблемо поставлены. Выше было замѣчено, что въ великой умственной борьбѣ, когда уяснялись и опредѣлялись коренные вопросы вѣры, принимала участіе вся церковь. Тогда присутствовавшіе въ храмахъ никакъ не бѣжали отъ проповѣди пастырей, напротивъ, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ выслушивали двухъ-или-трехчасовую бесѣду на глубокіе богословскіе вопросы. Это—добрая сторона дѣла, но оно имѣло и обратную сторону. Отцы жалуются на споры и препирательства, бывшіе въ ихъ время. „Если ты попросишь размѣнять себѣ драхму, говоритъ святой Григорій Нисскій, тебѣ отвѣчаютъ, что Сынъ отличается отъ Отца, потому что Онъ не рожденъ. Если спросишь о хлѣбѣ, тебѣ скажутъ: Отецъ больше, чѣмъ Сынъ. Если пожелаешь узнать, достаточно ли тепла баня, долженъ удовлетвориться увѣреніемъ, что Сынъ произошелъ изъ ничего. Во всѣхъ заурядныхъ мѣстахъ собраній — на рынкахъ, въ театрахъ, на пиршествахъ, даже въ мѣстахъ кутежа и распутства раздавались неумѣстныя рѣчи этихъ само-

званныхъ догматистовъ“ (Бесѣда о Божествѣ Сына и Святаго Духа). Ужели всегда должно быть такое время? И церковь и все человѣчество приобрѣли великое успокоеніе въ томъ, что эти нѣкогда жгучіе вопросы рѣшены разъ навсегда. Много другихъ задачъ у церкви. Опираясь на этихъ богооткровенныхъ, ясно и твердо опредѣленныхъ церковію истинахъ, какъ растеніе на твердой и благопріятной почвѣ, богословская мысль свободно движется въ своей безпредѣльной области. И вотъ мы видимъ: только что стала приходиться къ концу великая борьба церкви за православіе, какъ уже является первый опытъ системы догматическаго богословія въ великомъ трудѣ святаго Іоанна Дамаскина. Глубоко-богословское ученіе о двухъ естествахъ, воляхъ и дѣйствіяхъ въ лицѣ Богочеловѣка, о великомъ достоинствѣ и приснодѣвствѣ Богоматери воплотилось въ разныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя такъ и называются—догматиками. Въ это же время явился дивный канонъ пасхальной утрени и много другихъ, изысканы и опредѣлены восемь гласовъ для церковнаго пѣнія. Работа богословской мысли неумоимо продолжается доселѣ. Только при твердомъ, непоступномъ охраненіи главныхъ истинъ вѣры съ другой стороны возможно и единеніе церквей какъ съ древней, такъ и современныхъ между собою. На Западѣ только одно слово прибавлено къ Символу; но уже вѣра нарушена, связь съ церковію вселенскою порвалась, открылась широкая дорога къ новымъ и новымъ прибавленіямъ и искаженіямъ, и дѣло на нашихъ глазахъ кончается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ совсѣмъ отвергаютъ вѣру и выносятъ изъ школъ иконы.

Отвѣтъ на третій вопросъ. Весьма полезно всѣмъ

православнимъ христіанамъ знаніє вѣры. Необходимо, чтобы это знаніє возвышалось по мѣрѣ общаго образованія. Православная церковь никого изъ своихъ членовъ не лишаетъ права читать Библию для назиданія и утѣшенія, съ другой стороны, никого не оставляетъ безпомощнымъ въ разумѣніи словесъ жизни, какъ, напр., въ протестантствѣ: разумѣй-де, какъ хочешь, или вотъ предъ тобою сотня ученыхъ комментариевъ на трудное библейское мѣсто, выбирай, какое больше нравится. Въ ученіи святыхъ отцевъ и ученіи современныхъ пастырей, вполне согласномъ съ ученіемъ древней церкви, — замѣтимъ мимоходомъ, поразительно это согласіе въ ученіи отцевъ разныхъ мѣстъ и временъ и ничтожное сравнительно количество такъ называемыхъ частныхъ мнѣній, — православная церковь предлагаетъ надежное руководство въ пользованіи этимъ первымъ источникомъ вѣры, и не ея вина, если ея чада небрегутъ о своемъ просвѣщеніи. Невѣдѣніе истинной вѣры, безъ всякаго сомнѣнія, худо, но зло еще поправимо, если эти невѣдующіе сознають свой недостатокъ и въ жизни своей водятся послушаніемъ церкви вмѣстѣ съ младенцами вѣры. Въ церкви есть разные способы спасительнаго воздѣйствія на души. Одинъ изъ такихъ — богослуженіе. Полное глубокаго богословскаго содержанія, совершаемое на языкѣ понятномъ и вмѣстѣ возвышенномъ надъ обыкновенною житейскою рѣчью народа, оно всегда было живою дѣйственною, неумолкающею и повсемѣстною проповѣдію и восполняло для большинства вѣрующихъ недостатокъ богословскаго образованія. „Ничтоже тако творить обрадованну душу и жизнь, якоже въ церкви красованіе“, пишетъ одинъ изъ нашихъ древнихъ отечественныхъ іерарховъ. „Въ церкви красованіе“ — какое прекрасное выраженіе! „Въ церкви

печальнымъ веселіе, труждающимся успокоеніе, насилуемыхъ отдохновеніе; церковь брани разруши, рати утоли, бури утиши, бѣсы отгна, болѣзни уврачева, напасти отрази, небесныя двери отверзе, узы смертныя пресѣче, и яже свыше наносимыя язвы и иже отъ человекъ навѣты, вся отъятъ и покой дарова“ *). И такъ въ оградѣ церкви можно и цѣлый вѣкъ прожить, и спасеніе получить лишь бы только сохранить послушаніе ей.

Возвращаемся къ прежде высказанному положенію: главное въ православіи правая вѣра, главное въ вѣрѣ — догматъ, при этомъ — единеніе съ древнею и нынѣ пребывающею вселенскою церковію. Все это отлично понимали приснопамятные святители и князья нашей Русской земли. Надобно удивляться той ясности умственнаго взора и той твердости и постоянству, съ какими они умѣли высоко держать знамя православія. При всѣхъ искушеніяхъ и напастьяхъ со стороны иновѣрія, а таковыя были и отъ римскаго папы, и отъ польскихъ и шведскихъ королей, и отъ ливонскихъ рыцарей, и отъ Сорбонны и отъ англиканъ, они прежде всего заботились о томъ, чтобы неизмѣнно сохранить единеніе съ древними восточными церквами и въ особенности Константинопольскою, отъ которой приняли мы святую вѣру. Шведскій король Магнусъ предложилъ Новгородскому владыкѣ Василю составленіе о вѣрѣ. Святитель отказался спорить и указалъ совопроснику обратиться въ Константинополь къ патріарху. „Мы отъ Грековъ, отвѣтилъ онъ Магнусу, приняли вѣру: желаемъ быть и всегда съ ними едино“. Желаніе всячески сохранить единеніе съ православною греческою

*) Посл. Моск. Патр. Іосифа, см. Акты Арх. Эксп. т. III, стр. 403. См. сочиненіе протоіерея І. К. Яхонтова. „О православіи Россійской церкви“. Собраніе духовно-литературныхъ трудовъ, т. 2, стр. 28.

церковію лежало в основі великого дѣла исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, совершеннаго патріархомъ Никономъ.

Если когда либо приходилось святителямъ нашимъ самимъ распутывать лжесплетенія еретическія, то они не пользовались, по выраженію князя Курбскаго, „*сильмизмми и собизматы поганскими*“ *), въ чемъ онъ упрекаетъ папистовъ, а прибѣгали къ писаніямъ святыхъ отцевъ и учителей церкви **). По словамъ патріарха Іоакима, „не только писать или печатать что либо несогласное съ ученіемъ святыхъ отцевъ гибельно, но и помыслить объ этомъ странно и Восточныя церкви чуждо“ ***).

Что касается догматовъ, опредѣленныхъ на вселенскихъ соборахъ, то наши князья и святители хранили ихъ, какъ зеницу ока, какъ неприкосновенную святыню, и не позволяли измѣнить въ нихъ ни одной іоты или черты. Слишкомъ хорошо извѣстна исторія измѣнника православія на Флорентійскомъ соборѣ, митрополита Исидора. „Аще пойдеш и имаше паки возвратитися къ намъ“, строго наказывалъ ему великій князь Василій Васильевичъ, „то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, юже пріяхомъ отъ прародителя нашего великаго Владиміра, юже держитъ великая соборная и апостольская церковь греческая, а ино странно и ново и чуже отъ тые соборныя церкви не приношай къ намъ, понеже аще и принесеш что ново, то не пріятно будетъ намъ то“. И какъ скоро на Москвѣ сдѣлалась извѣстна измѣна Исидора, то соборъ іерарховъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, „воззрѣвши въ божественныя и свя-

*) Заимствованными изъ языческой (paganus) философіи.

***) Сказаній ч. 2, стр. 179—у Яхонтова стр. 16.

***) Увѣтъ, лист. 257— тамъ же, стр. 17.

щенныя правила святыхъ Апостоловъ и богоносныхъ Отцевъ“ и сличивъ съ ними ученіе и поступки [Исидора, свергъ его съ престола *). Были и въ древней русской церкви самозванные учителя, отъ которыхъ такъ страждемъ мы нынѣ. Наши іерархи спрашивали ихъ: „какими дверьми вошли вы на ступень проповѣданія? Какими вратами вступили на амвонъ учительства? Какъ возможно быть со Христомъ, когда не покоряетесь архіереямъ Его, о которыхъ Христосъ сказалъ то же, что и о Апостолахъ: „слушай васъ, Мене слушаетъ; отменяйся васъ, Мене отменяется“ (слова патріарха Іоакима**).

И, такимъ образомъ, *опираясь*, по характерному выраженію князя Курбскаго, *на седмистолныхъ догматахъ*, никоимъ образомъ *не приставаая*, по его-же выраженію, *къ полувѣрїю и къ новомысленной и хромой теологїи* ***), церковь російская сохранила и сохраняетъ единство съ вселенскою церковію, и воспитала народъ русскій въ православїи, провела его черезъ всѣ испытанія и напасти непоколебленнымъ въ вѣрѣ, такъ что слово православный стало какъ бы его собственнымъ именемъ. Ни на холодновѣжливое *господа*, ни на республиканское *граждане*, ни даже на слово „Русскіе“ не откликнется народъ нашъ; скажете: *православные христїане*, и сейчасъ готовы вамъ его и слухъ, и вниманіе, и посильная жертва, и помощь доброму дѣлу, точно встаетъ предъ нимъ вся прожитая, или, вѣрнѣе сказать, выстраданная Русью исторія.

Итакъ, православіе, при другихъ достоинствахъ и преимуществехъ, есть еще завѣтъ нашихъ предковъ, дорогое

*) Акты Археограф. Коммисс. т. I, стр. 73, у Яхонтова т. 2, стр. 15.

***) Увѣтъ стр. 270—у Яхонтова, стр. 21.

***) Яхонт. стр. 10.

отъ нихъ наслѣдіе, которое мы должны сохранить и передать нашимъ дѣтямъ и потомкамъ.

Этого мало: православіе есть наше священное обязательство предъ Богомъ и церковію. Блага искупленія и православія, по милости Господней, общее достояніе всѣхъ право вѣрующихъ, но есть у народовъ особыя миссіи и призванія. Такіеи, мѣющіе, особыя призванія народы надѣляются и соотвѣтственными симъ призваніямъ дарованіями. Такимъ народомъ, особо избраннымъ, были евреи, удержавшіе вѣру среди всеобщаго идолопоклонства, сохранившіе ввѣренныя имъ слова Божіи и давшіе Искупителю, среди нихъ явившемуся, первыхъ учениковъ и провозвѣстниковъ спасительнаго ученія. Таковъ былъ народъ греческій, подготовившій почву для воспріянія Евангелія и возвѣщенія его всему міру, гибкій, философски обработанный языкъ котораго такъ много послужилъ, между прочимъ, и къ точному и ясному опредѣленію догматовъ вѣры на вселенскихъ соборахъ. Особенное назначеніе славянъ въ церкви открывается изъ того, что, 1) они призваны со всемірнаго торжища въ ограду церкви именно тогда, когда православіе восторжествовало надъ своими врагами. Славяне приняли это сокровище, когда оно блистало всею своею красотою, украшенное лаврами недавней побѣды. Это чувство красоты православія прекрасно выражено нашими предками въ словахъ о богослуженіи въ храмѣ святой Софіи: „мы не знали, гдѣ стояли—на небѣ или на землѣ“. Эта струя жизни церковной—любовь къ красотѣ церковной—припомните выраженіе: ничто же такъ творитъ душу обрадованну, якоже въ церкви красованіе—влилась въ жизнь славянскую и составляетъ ее естественную стихію. 2) Особенное назначеніе славянъ видно изъ того, что они при-

званы въ церковь именно тогда, когда началось отпаденіе Запада. Такимъ образомъ, неизмѣнное сохраненіе православія для высшихъ цѣлей Провидѣнія, по отношенію, можетъ быть, и къ самому страждущему въ иновѣрїи Западу, есть всемірно-историческое призваніе славянства, и неисполненіе сего призванія наказывается печатію отверженія. Если славяне не хранятъ ввѣреннаго имъ сокровища православія, то они не только лишаются этого сокровища, но ихъ видимо, въ назиданіе другихъ, постигаютъ судъ и наказаніе, какъ будто слышатся къ нимъ слова Господни бесплодной смоковницѣ: *да не будетъ же впродѣ отъ тебя плода во вѣкъ*. Изумительна эта скорость обезличенія и вырожденія измѣнниковъ православія въ славянствѣ, будетъ-ли то частный человѣкъ, или цѣлое племя и даже народъ. Другая характеристическая черта измѣны славянства православію—ожесточенная ненависть къ православнымъ родичамъ. Славяне никакъ не могутъ, при измѣнѣ православію, удержаться въ безразличныхъ отношеніяхъ къ другимъ, вѣрнымъ православію, славянамъ. Нѣтъ: они непремѣнно являются ихъ врагами и местниками. О вырожденіи славянства внѣ православія вотъ что пишетъ святитель Никаноръ въ извѣстномъ воззваніи къ славянамъ: „Посмотрите на этихъ славянъ итальянскихъ, они встарь приняли латинство, а гдѣ они теперь? И слѣдъ ихъ простылъ. Посмотрите на славянъ старо-германскихъ... Остались только славянскія наименованія урочищъ: Померанія, Одеръ или Одръ, Садовая, Кролевецъ“. А вотъ и другая сторона. „Посмотрите на эту злосчастную Польшу — сколько она пролила славянской крови? Посмотрите на этихъ турецкихъ янычаръ, на албанскихъ, боснійскихъ, герцеговинскихъ беговъ. Потурченные славяне, сколько зла сдѣлали они славянству?“ Эта печать

отверженія въ измѣнникахъ православія, къ прискорбію, мы сами можемъ видѣть, напримѣръ, на тѣхъ природныхъ русскихъ крестьянахъ, которые совращены въ пашковскую секту: совсѣмъ другое обличье въ нихъ, и поступь, и манеры, скоро и одежду мѣняютъ, а въ душѣ они къ намъ, какъ говоритъ русская пословица, хуже злого татарина. Оттого то — такой жгучій, такой страшный вопросъ о штундистахъ на югѣ Россіи! Въ двухъ—трехъ поколѣніяхъ они совсѣмъ могутъ выродиться, и югъ нашъ можетъ быть тѣмъ, что нынѣ Померанія, бывшее славянское поморье. Расколъ старообрядческой—зло и великое зло, но онъ не влечетъ вырожденія. Отчего? Вѣра не тронута. Отцы собора 1667 года вѣрно охарактеризовали его: простота и невѣжество, а не презорство и противленіе догмату.

Посему нельзя отнести иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, къ тѣмъ доблестнымъ пастырямъ славянства, которые охраняютъ его въ оградѣ православія.

Честь и хвала храброй Черногоріи, съумѣвшей въ теченіе вѣковъ сохранить во всей неприкосновенности отъ враговъ, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, и православіе, и славянство, и доблестному Князю страны героевъ воздана по достоинству высокая честь въ глубоко-знаменательномъ наименованіи его отъ нашего великаго Монарха *единственнымъ другомъ Россіи*.

Данъ глубочайшаго уваженія и искреннѣйшій привѣтъ тебѣ, доблестный первосвятитель Сербіи, исповѣдникъ, изгнанникъ и страдалецъ за дѣло православія! Послѣ столькихъ горькихъ испытаній, Господь даетъ тебѣ видѣть и свѣтлые дни возрожденія страны, ввѣренной твоему душепастьству. Да подастъ Господь тебѣ

крѣпость и силу охранить отъ всѣхъ навѣтовъ вражійхъ юнаго властителя Сербіи, какъ нѣкогда дано было это Промысломъ нашему святителю Алексію по отношенію къ герою Донскому!

Помоги Богъ вамъ, благочестивые іерархи болгарскіе, въ той самоотверженной борьбѣ, которую воздвигаете противъ враговъ православія и славянства, такъ жестоко терзающихъ несчастную страну вашу, и да прострется и надъ вами и надъ вашею паствою, какъ простирается на всѣхъ единовѣрныхъ славянъ, миръ и благословеніе общей родной нашей матери церкви греческой!

Наконецъ, да позволено будетъ сказать нѣчто и изъ личныхъ воспоминаній, общихъ, впрочемъ, и вамъ, досточтимые слушатели. Да помянетъ Господь трудъ и болязнь, скорби и страданія знаменитаго сочлена нашего, такъ недавно говорившаго съ этой самой кафедрой, отца протоіерея Іоанна Григоріевича Наумовича, о которомъ такъ горько плачетъ теперь бѣдная Русь Галицкая, и да воздастъ ему и всѣмъ ревнителямъ правой вѣры въ славянствѣ—тамъ, въ странѣ живыхъ,—Своею великою и богатою милостію!

Вознеся къ престолу Всевышняго послѣднюю свою о насъ молитву, святой Кирилль сказалъ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сътъ ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ“ и, тотчасъ-же послѣ словъ сихъ, предалъ духъ свой Господу. Это нѣчто свыше вдохновенное и пророчественное... Да исполнятся же надъ всѣми нами слова вѣры и упованія нашего святаго Первоучителя, да сохранитъ Господь великодаровитое славянство, молитвами его, въ православіи на вѣки, и да сокрушитъ зубы всѣхъ враговъ славянства видимыхъ и невидимыхъ! Буди сіе, буди!

О космополитизмѣ и обособленіи народовъ *).

Одно изъ тяжкихъ золъ послѣдняго времени былъ и есть такъ называемый космополитизмъ.

Космополитъ—это гражданинъ всего міра. Космополитизмомъ называется стремленіе быть всѣмъ, только не тѣмъ, чѣмъ Богъ создалъ, и среда выростила, нѣкоторое какъ бы сочувствіе и состраданіе ко всему человѣчеству, съ презрѣніемъ и дерзкимъ нарушеніемъ ближайшихъ связей, какія крѣпятъ въ насъ семья, родина, отечество, вѣра, церковь.

Космополитизмъ въ нравственной жизни есть печальное проявленіе философскихъ ученій пантеизма, матеріализма и иныхъ, когда дорогое и священное слово Богъ, которое страшился произнести древній вѣрующій еврей, и которое великій ученый Ньютонъ произносилъ не иначе, какъ благоговѣнно снявъ шляпу, если былъ въ таковой, замѣнилось словами абсолютъ, универсъ, всемогущее ничто, съ которыми можно обращаться, какъ кому угодно.

Философы въ тиши кабинетовъ услаждаются создающимися въ головахъ ихъ представленіями и созерцаніями, и никакъ не думаютъ о томъ, что изъ ихъ теорій и системъ сдѣлаетъ толпа, а она жадно вслушивается во всякое враждебное вѣрѣ ученіе, чтобы дать волю страсти и всему, что накопилось на душѣ нечистаго. Нѣтъ личнаго живого Бога, и всѣ живыя связи лопнули, всѣ стѣсняющія узы долой.

*) Читано въ торжественномъ собраніи Славянскаго благотворительнаго Общества 11 мая 1895 года.

Космополитизмъ, какъ хитрый волкъ, прикрывается овчею одеждою, увѣряя, что, якобы во имя Христа, онъ требуетъ любви ко всѣмъ. Правда, Господь заповѣдалъ любовь къ всѣмъ людямъ, и ближнимъ и дальнимъ, и друзьямъ и врагамъ, но прежде всего заповѣдалъ любить своихъ ближайшихъ. *Еже Богъ сочета, человекъ да не различаетъ* (Мѣ. 19, 6), *Чти отца твоего и мать*— вотъ слова закона Божія! Господь повиновался Матери и мнимому отцу Іосифу, въ тяжкія предсмертныя минуты заботился о Матери, любилъ родину, плакалъ объ Іерусалимѣ. *Идите намъ ко овцамъ погибшимъ дома Израилева*, сказалъ Онъ первымъ проповѣдникамъ вѣры (Мѣ. 10, 6). *Нѣтъ добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ* (Мѣ. 15, 26), сказалъ Онъ хананеянкѣ, просившей помощи. Апостоль Павелъ говоритъ: *если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже нестерпаго* (I Тим. 5, 8).

Любовь должна развиваться и возрастать правильно и постепенно, идти отъ центра къ окружности, а не наоборотъ. Вотъ ея пути и грани: мать и отецъ, братья и сестры, товарищи, сослуживцы, земляки, соотечественники, народы родственные, всѣ народы, все человѣчество, всякое созданіе Божіе. Всякое нарушеніе порядка и постепенности въ развитіи этого благороднѣйшаго чувства сердца человѣческаго кончается его извращеніемъ.

Космополитизмъ то же, что вѣра у папковцевъ— плодъ тѣхъ же зловредныхъ ученій. Вѣрь, говорятъ они, вздохни два-три раза въ мѣсяць и затѣмъ твори, что хочешь. И здѣсь слышатся ласковыя слова состраданія, сочувствія, любви, самопожертвованія, а въ существѣ дѣла леденящій холодъ—неблагодарности, своекорыстія, эгоизма самага черстваго и алчнаго.

Въ самый разгаръ у насъ зловердныхъ ученій и стремленій, когда еще не успѣли они обнаружиться своими гибельными плодами, въ русской литературѣ раздался громкій кличъ, призывающій къ своему родному русскому строю и въ мысли, и въ жизни. Живо помню это время. По милости Божіей, я стоялъ тогда подъ сѣнью преподобнаго Сергія и никакъ не думалъ, что начиналась на Руси такая страшная ломка... Все, думалось, обстоитъ благополучно. Странны казались мнѣ тогда эти люди, выросшіе въ барскихъ семьяхъ, владѣвшіе богатыми помѣстьями, свободно объяснявшіеся на разныхъ языкахъ, поглотившіе нѣмецкую мудрость, въ рубашкахъ съ косымъ воротомъ и русскихъ кафтанахъ. Горячія рѣчи первыхъ славянофиловъ несомнѣнно страдали преувеличеніемъ, манеры и одежда ихъ эксцентричною; истые патриоты и царелюбцы, они возбуждали иногда подозрѣніе властей: но много трезваго, праваго, хорошаго сказали они. Ихъ умственный взоръ простирался далеко: они не только твердили намъ о Москвѣ и Кіевѣ, но указали намъ наши родныя хижины, стоявшія нѣкогда на берегахъ Дуная, о которомъ такъ твердо запомнила и и съ такою нѣжною любовью вспоминаетъ наша родная цѣсьнь. Они указывали намъ на первобытную семью славянства, отъ коей приняли мы завѣты жизни. Голосъ ихъ былъ тогда одинокъ. Нужно было, чтобы мы пострадали всю эту страшную ломку жизни, потеряли тысячи преждевременно угасшихъ жизней, перенесли муку и стыдъ цареубійства, чтобы познать ту правду, какой дышали ихъ пылкія рѣчи.

Господь спасъ Россію. Онъ воздвигъ намъ Царя мудраго, кроткаго, глубоко вѣрующаго и любвеобильнаго, который успокоилъ Россію и умирилъ міръ. Это свѣтлое

прозрѣніе въ нужды жизни народной, эта вѣрность истинѣ и твердость дѣйствія, эта неуклонность пути, это обиліе свѣта, нисшедшаго на всѣ стороны народной жизни изъ той глубины уединенія, въ которой совершалъ Онъ свой царственный подвигъ и несъ свой царственный крестъ, какъ бы ни былъ великъ человекъ, необъяснимы безъ особеннаго воздѣйствія и руководства свыше. Великій, въ Бозѣ жившій и почившій Монархъ — былъ въ душѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всей жизни искренно и истинно русской человекъ. Русскимъ умомъ и сердцемъ Онъ внималъ велѣніямъ Вышняго, и понималъ нужду народную, и намъ завѣщалъ быть русскими, а не космополитами. И это воля о насъ, и не о насъ однихъ, а о всѣхъ людяхъ, всеблагаго Провидѣнія.

Была нѣкогда въ широкихъ размѣрахъ попытка космополитства, которая была вмѣстѣ и дерзкой попыткой поработенія нарождавшихся народовъ толпѣ хищниковъ. Изъ осужденнаго на рабство племени Хамова возникли сильные и отважные люди, каковъ былъ, на примѣръ, упоминаемый Библіею Нимродъ (Быт. 10, 9). Сначала они обнаруживали свою силу и отвагу въ ловленіи звѣрей, а затѣмъ задумали возобладать и людьми. И вотъ, на мѣстѣ своего обитанія, затѣяли они построить городъ и башню до небесъ, откуда бы все можно было видѣть и надъ всѣмъ господствовать. И тѣ, которые были намѣченною жертвою хищниковъ, увлеченные химерою безумнаго и дерзкаго предпріятія, своимъ хищнымъ врагамъ помогали: носили камни, песокъ... Богъ разрушилъ дерзкое и безумное предпріятіе, смѣшалъ языкъ ихъ и разсѣялъ народы по всей землѣ (Быт. гл. 11). Вотъ первое опредѣленіе Божіе о разъединеніи людей и обособленіи народовъ. Цѣль сего разъединенія была пока отрицатель-

ная—воспрепятствовать людям всёму сообща замыслить и сдѣлать что либо худое. До потопа не было этихъ граней, ограждающихъ народы, и вслѣдствіе этой неогражденности произошло то *единомысліе лукавствія*, то устремленіе всѣхъ къ безбожію и крайнему развращенію, которое нужно было прекратить всемірнымъ потопомъ. Въ столпотвореніи обнаружилось подобное же устремленіе людей встать противъ воли и опредѣленій Вышняго. *И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ, и вотъ что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ, чтобы одинъ не понималъ рчи другого. И разсыялъ ихъ Господь оттуда по всей земль* (Быт. 11, 6. 7). Со времени раздѣленія народовъ, увлечение всего рода человѣческаго заразъ къ невѣрію и развращенію, какъ увлекся симъ допотопный міръ, стало невозможнымъ. Народы постепенно входятъ на попріище жизни: одинъ слабнетъ, дряхлѣетъ, другой полонъ силъ и жизни, сбиваетъ съ пути тѣхъ, кто не сѣумѣетъ идти по нему какъ должно, и занимаетъ его мѣсто. Явленіе столь обычное во всемірной исторіи. Но мечтать о худыхъ и несообразныхъ вещахъ люди могутъ и теперь, могутъ задаваться химерами объ устроеніи чего либо противнаго волѣ Божіей и привлеченіи къ сему всѣхъ людей, и не только мечтать, но и дѣйствовать. Такою мечтою въ послѣднее время задается такъ называемый демократическій социализмъ. Низвергнуть алтари и престолы, разорить храмы и дворцы, разрушить всѣ связи людскія, попрасть всѣ права, стереть всякое различіе между людьми, перестроить жизнь на правахъ равенства и равной правоспособности всѣхъ ко всему, — прежде все это было предметомъ, дѣйствительно, только мечтаній: приду-

мывали острова, никѣмъ невиданные и неслыханные, гдѣ жизнь распредѣляется и течетъ по проведеннымъ уравнительнымъ линіямъ, и всѣ тамъ яко бы счастливы до нельзя. Но такъ называемая красная революція и коммуна во Франціи показываютъ, что люди для осуществленія своихъ мечтаній не останавливаются и предъ грабежами, и предъ убійствами. И не бываетъ ли и здѣсь того, что мы видѣли тамъ при столпотвореніи по замысламъ хамитовъ-хищниковъ: тѣ, противъ чьихъ домовъ и помѣстій затѣвается брань, увлекаясь утопическими мечтаніями лжеучителей, иногда всячески и помогаютъ своимъ хищнымъ врагамъ... Осуществленіе мечтаній социализма и иныхъ затѣй недомыслия и хищничества невозможно, но бѣды и впереди видится много, если люди будутъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученій, вопреки истинѣ и закону Господню.

Кромѣ вышеуказанной отрицательной цѣли обособленія народовъ, слово Божіе указываетъ и положительныя для сего цѣли, указываетъ и самые способы и пути этого обособленія.

Апостоль Павелъ говоритъ: *Отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческой, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали Бога, не ощутятъ-ли Его и не найдутъ-ли* (Дѣян. 17, 26—27). И такъ, не случайно распредѣляются народы по землѣ, а каждому назначено время и предѣлы обитанія. Не для распрей и войнъ, хотя, къ прискорбію, они неизбѣжны, пока есть грѣхъ на землѣ, существуютъ разные народы, а для совершенія божественныхъ предначертаній и судебъ, которыя сокрыты въ тайнахъ царствія Божія. Исканіе Бога, исполненіе предначертаній Божіихъ, хожденіе въ путяхъ Господнихъ —

предоставляется свободѣ людей, и насколько народъ правъ будетъ въ этихъ путяхъ своихъ, отъ этого зависитъ продолженіе его жизни и степень его благосостоянія. Священная исторія преисполнена примѣровъ, въ какой зависимости стоятъ жизнь и благосостояніе народовъ отъ преуспѣянія ихъ въ благочестіи, и какъ судъ Божій, готовый поразить преступный народъ, отлагается на болѣе или менѣе продолжительное время ради покаянія людей, или ради нѣсколькихъ праведниковъ, среди его обитающихъ. Въ судьбахъ народа еврейскаго и другихъ историческихъ народовъ древности красными, можно сказать, огненными чертами ярко означаются пути Господни въ приготовленіи человѣческаго рода къ принятію искупленія.

Христіанство способствовало нравственному, духовному, а чрезъ это и внѣшнему политическому соединенію народовъ. Рѣзкій антагонизмъ между разными народами ослабѣлъ, самыя войны приняли иной видъ и характеръ. Но обособленіе народовъ оставлено и запечатлѣно особою благодатною силою свыше. Благодать Всевятаго Животворящаго Духа явилась въ дарованіи апостоламъ знанія разныхъ языковъ, и на разныхъ языкахъ въ этотъ же первый день Церкви Христіанской стало возвѣщаться величіе Божіе, раздалась проповѣдь Евангелія. Этими знаменательными дѣйствіями удержанъ и освященъ законъ исторической жизни и цѣлесообразнаго развитія народовъ. Законъ этотъ—единство въ разнообразіи. Не стадное нѣчто, не громадную толпу людей, одинаковыхъ по роду и условіямъ жизни, о чемъ мечтаетъ современный социализмъ, строя воздушные замки одинаковыхъ для всѣхъ длинныхъ казарменныхъ домовъ, однихъ и тѣхъ же занятій, такъ, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ утромъ былъ портной, въ полдень слесаремъ, вечеромъ

слугой въ трактирѣ или ораторомъ на трибунѣ и такъ бы жили всѣ и ни одинъ ничѣмъ не отличался отъ другого, какъ всѣ бараны походятъ одинъ на другого, долженъ представлять родъ человѣческій, а дивное разнообразіе характеристическихъ чертъ, отличій, особенностей личныхъ, родовыхъ, народныхъ. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы совершенно былъ подобенъ другому. Каждая отдѣльная личность—это цѣлый особый міръ. Сердце человѣческое глубже и содержательнѣе самыхъ глубокихъ морей: оно можетъ играть искрами божественнаго свѣта несравненно ярче и нѣжнѣе тѣхъ, какія играютъ и переливаются въ радугѣ или сѣверномъ сіяніи, но могутъ быть, къ прискорбію, и такія сердца, которыя поражаютъ глубиною зла и развращенія. Злыхъ и развращенныхъ обыкновенно изгоняютъ изъ среды общества, какъ отсѣкаютъ гнилой членъ отъ тѣла. Возвышаясь далѣе и идя глубже въ своемъ развитіи, этотъ законъ обнаруживается въ дивномъ разнообразіи народовъ, бережно охраняющихъ свои бытовые черты, имѣющихъ предъ лицомъ Бога свою особую цѣль, свою особую народную личность, дѣлающихъ свое, имъ особо ввѣренное, дѣло, выполняющихъ великіе планы божественнаго Провидѣнія. Чѣмъ народъ болѣе бережетъ эти свои родныя характеристическія особенности, тѣмъ онъ почтеннѣе, тѣмъ онъ выше въ средѣ другихъ, тѣмъ онъ сильнѣе въ мірѣ. Всѣ развитые народы имѣютъ свои отличительныя черты. Есть, конечно, въ этихъ чертахъ, что, можетъ быть, намъ и не нравится, это неизбѣжныя тѣни въ сіяніи свѣта; но есть такія качества у самыхъ враговъ нашихъ, которыя видимо составляютъ ихъ силу и славу.

Какъ возникаютъ народы и слагается ихъ характеръ, образуется душа народа?

„Отъ единыя крови Богъ произвелъ весь родъ чело-
вѣческой“, говоритъ Апостоль. Единое происхождение,
одна кровь имѣють великое значеніе, какъ въ соедине-
ніи всего челоѣческаго рода, такъ и въ образованіи
отдѣльныхъ народовъ. Народъ есть нѣчто народившееся.
Во главѣ его стоятъ нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, около
коихъ соединились сосѣднія племена, такъ или иначе съ
ними сроднившіяся. Въ основаніи всего стоитъ семья,
давшая корень сильнѣйшему роду. Семья это — *сѣмя* роду,
сѣмя народа.

Назначеніе извѣстной семьи послужить началомъ боль-
шого рода и народа представляется въ Библии, какъ и
должно быть по существу дѣла, особымъ благословеніемъ
Божіимъ. Не случайно нарождается народъ, а по Бо-
жіею избранію и благословенію. Вотъ одно изъ такихъ
благословеній: Богъ далъ его сыну патріарха Авраама
Измаилу, рожденному отъ Агари. *Я благословлю его и воз-
ращу его и весьма, весьма размножу: двѣнадцать князей
родятся отъ него, и Я произведу отъ него великій народъ.*
Нѣчто въ меньшихъ размѣрахъ приходится видѣть и
намъ. Былъ домъ богатый и знатный въ свое время,
жизнь кипѣла въ немъ, и вотъ стоитъ этотъ домъ за-
крытый или перешелъ въ другія руки, и нѣтъ никого
въ живыхъ изъ него, какъ будто кто стеръ весь родъ
этотъ съ лица земли, а другія семьи разрастаются, крѣп-
нутъ, становятся въ основу и корень многовѣтвистаго
древа. *Блаженъ мужъ, боящійся Господа и крѣпко любящій
заповѣди Его,* поетъ Псалмопѣвецъ. *Сильно на землѣ бу-
детъ сѣмя его; родъ правыхъ благословится.* (Пс. 111, 1. 2).

Изъ всѣхъ народовъ только одинъ еврейскій народъ
знаетъ своего великаго родоначальника въ лицѣ патріарха
Іакова. Библия съ особенною подробностію изображаетъ

предъ нами нравственный образъ этого праведнаго че-
ловѣка, его женъ и дѣтей, и надобно удивляться живост-
ти и типичности этого изображенія. Въ этой богоиз-
бранной семьѣ видимъ по истинѣ *сѣмя* будущаго народа.
Здѣсь начало и тѣхъ возвышенныхъ свойствъ, какія яви-
лись въ исторіи пророковъ и апостоловъ и другихъ ве-
ликихъ мужей, вышедшихъ изъ среды сего народа, а онъ
далъ и большаго въ рожденныхъ женами предтечу Го-
сподня Іоанна и Пречистую Приснодѣву; здѣсь же,
къ прискорбію, видимъ начало и тѣхъ неприглядныхъ
сторонъ, которыя обнаружались въ исторіи еврейскаго
народа и обнаруживаются доселѣ. Библия не скрываетъ
и проявленій немощи челоѣческой, въ наше назиданіе и
вразумленіе, какъ великая провозвѣстница истины, не
художественной, а дѣйствительной, какова есть сама жизнь.

Была когда-то, жила на бѣломъ свѣтѣ и первая сла-
вянская семья. О, какія мощныя силы, какія великія да-
рованія должна была имѣть эта семья, чтобы быть сѣме-
немъ столькихъ народовъ! Хранились ли въ ней истинныя
преданія вѣры, — ибо и среди язычниковъ никогда не
прерывались они совершенно, — или подъ пепломъ за-
блужденій горѣла въ нихъ искра благочестія, которую
усмотрѣлъ великій апостоль у аѳинянь при ужаснувшемъ
его множествѣ идольскихъ алтарей и капищъ, во всякомъ
случаѣ это была Богомъ избранная, Богомъ благосло-
венная семья. Она-то передала славянству и это свѣтлое
обличіе, сразу внушающее любовь и довѣріе, и это бо-
гатство разнообразныхъ дарованій, и этотъ богатый зву-
ками, гибкій извитіемъ словесъ языкъ. Разумѣется, все
это развивалось, приумножалось вполсѣдствіи, но первый
залогъ силы здѣсь. Если мы и сербы, и моравы, и чехи —
единокровные братья, то нѣкогда переливалась въ жи-

лахъ, выступала въ краскѣ лица—эта кровь, въ которой всѣ мы соединены. Несмотря на всѣ превратности жизни, несмотря на вѣковую рознь и вражду, кровь эта говоритъ и, надѣмся, заговоритъ шибко, когда придетъ нужда. Недавно въ этомъ самомъ собраніи произнесено было жесткое слово противъ одного изъ братьевъ славянства. Какъ живо напомнило оно мнѣ обычную домашнюю исторію: сынъ нагрубить, сдѣлаетъ что-либо обидное отцу, семьѣ,—отъ кого же у насъ и самыя кровныя обиды, какъ не отъ своихъ домашнихъ? кажется, такъ бы слѣдовало наказать его примѣрно, лишить всего, всего... Но это минутное чувство. Боже сохрани, если кто другой до него дотронется! Вотъ и здѣсь одинъ, другой голосъ раздался потомъ: „какъ можно отвергать народъ единокровный и единовѣрный, отдавать его на снѣденіе врагамъ? Народъ не виноватъ ни въ чемъ: эта вина дурныхъ правителей, видите, какъ народъ рвется къ намъ, чуть-чуть почувствовалъ свободу..!“ Точь въ точь такія слова говоритъ иногда мать разсердившемуся на сына отцу, или миролюбивый отецъ раздраженной матери. И среди насъ—кровь заговорила и въ томъ, кто обидѣлся на болгаръ, и въ тѣхъ, кто вступились за нихъ. Еслибы и на большемъ пространствѣ, чѣмъ эта зала, въ средѣ славянской возникли какія либо недоумѣнія, это дѣло наше семейное, домашнее, никому другому до этой нашей вспышки дѣла нѣтъ и быть не должно.

Не дано намъ знать, кто были наши Іаковъ, Лія, Рахиль, Рувимъ, Сумеонъ, Іосифъ, Веніаминъ, не знаемъ мы своихъ родоначальниковъ по крови и плоти. За то высоко предъ всѣми, ясно до лучезарности возвышаются предъ нами крестные отцы славянства, возродившіе насъ вѣрою о Христѣ, вложившіе богатые звуки нашего языка

въ словесныя рамки, въ которыхъ такъ легко и свободно онъ вращается, завѣщавшіе намъ святыню православія! Вѣра—это вторая паче кровной связь народа. Православіе—это сокровище, ввѣренное храненію преимущественно нашему славянскому роду, это среда, въ которой только свободно можетъ дѣйствовать духъ славянства, развиваться жизнь его. Православіе—это огражденіе прямыхъ путей славянства, это путь, которымъ оно неуклонно должно идти, чтобы выполнить въ судьбахъ міра свое предназначеніе; это—твердыня силы славянства и неизсякаемый источникъ небесныхъ для него благословеній. Вдвое, втрое ближе къ намъ тѣ наши братья, которые, кромѣ кровныхъ узъ, связаны съ нами единствомъ вѣры, и всякая измѣна православію въ особенности чувствуется и казнится въ народахъ славянства.

Единая кровь и единая вѣра—вотъ двѣ основныя связи, соединяющія велико-даровитое племя славянства. Къ этимъ главнымъ основамъ нашего рода присоединилось много другихъ разныхъ сдѣпленій, которыя дала тому или другому частному роду и народу славянскаго племени среда, гдѣ онъ жилъ и развивался, столкновенія или соединенія съ другими сосѣдними племенами, бѣды и испытанія, перенесенныя въ теченіе вѣковъ, славная и плодоносная дѣятельность особыхъ избранниковъ Божіихъ, потрудившихся на пользу народа въ то и другое время. Вотъ были знаменательныя для насъ годы тысячелѣтія Россіи, тысячелѣтія вѣры; мы вспомнили заслуги нашихъ царей, святителей, героевъ, писателей, чувствовали, какъ и чѣмъ кому мы обязаны. Господь избавилъ насъ отъ страшныхъ враговъ нашихъ и открылъ предъ нами широкія пространства. Нашему частному роду славяно-русскому видимо назначено быть средоточіемъ славянства, защитою его,

показателемъ пути, исполнителемъ предначертаній Вышняго, а для сего въ особенности нужно, чтобы мы всячески берегли наши родовыя черты и то благословеніе, которое такъ изобильно изливалось на нашихъ отцевъ и предковъ. Предъ нашимъ взоромъ необъятная страна наша: куда намъ природы и завоеванія? Ужасъ беретъ при мысли: какъ связать это громадное цѣлое, на что обопрется этотъ страшный колоссъ, какъ достигнуть, чтобы въ этомъ величественномъ колоссѣ всюду проявилась, воздѣйствовала, совершила свое великое дѣло душа живая съ этими дорогими чертами, свойственными славяно-русскому роду? Какъ бы нужны были намъ въ особенности теперь провозвѣстники истины, которые бы прояснили намъ это будущее нашей страны, покрытое такимъ глубокимъ таинственнымъ мракомъ, поставили бы въ этой таинственной дали яркіе знаки, къ которымъ бы управили народъ нашъ его руководители, которые бы выяснили намъ эти особенности нашего духа, нашего народнаго характера, чтобы мы не дѣлали ошибокъ, не сворачивали слишкомъ въ сторону отъ нашего историческаго призванія! Живое и ясное сознаніе нашего народнаго призванія—дѣло страшно трудное... Такая видимо широкая предъ нами задача и не знать, какъ разрѣшить ее,—дѣло страшно опасное. Каждый шагъ можетъ подвести къ безднѣ.

По великой милости Божіей мы не оставлены безъ помощи, намъ дана мать руководительница въ святой церкви. „Церковь, скажемъ словами знаменитаго нашего витія, высокопреосвященнаго архіепископа Амвросія, воспитала въ нашемъ народѣ духъ благочестія съ глубокимъ расположеніемъ къ духовному усовершенствованію и подвижничеству, кротость и послушаніе агнца съ мужествомъ

и силою льва, преданность своей вѣрѣ съ сознательною вѣротерпимостію, любовь къ ближнему, возвышающуюся до самопожертвованія, часто непонятнаго для другихъ народовъ, расположеніе къ просвѣщенію безъ разногласія его съ вѣрою, гостепримство безъ лукавства и своекорыстія, наконецъ, беззавѣтную преданность царямъ, но безъ раболѣпства, а съ сыновнею любовію и всегдашнею готовностію положить жизнь за нихъ и отечество *). Кто не согласится, что это дѣйствительно живыя черты нашего добраго народа? Кто не пожелаетъ, чтобы эти черты остались, навсегда утвердились въ немъ? Церковь же низвела и низводитъ на насъ и вседѣйственное, навѣки нерушимое, Божіе благословеніе. Въ вѣрности вѣрѣ и послушаніи церкви—несокрушимый залогъ силы и нашего возлюбленнаго отечества, и всего единокровнаго и единовѣрнаго намъ славянства.

ОБЪ УЧИТЕЛЬСТВѢ ВЪ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ**).

Въ послѣднее время не разъ былъ возбуждаемъ въ обществѣ и печати вопросъ объ учительствѣ въ церкви. Нѣкоторые ученіе вѣры и благочестія желаютъ слышать только или, по крайней мѣрѣ, преимущественно отъ лицъ посвященныхъ, другіе предоставляютъ свободу проповѣди вообще лицамъ знающимъ и просвѣщеннымъ, безъ различія званія и положенія. На чьей сторонѣ правда?

*) Проповѣди преосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, 1895 г., стр. 115.

***) Читано въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, бывшемъ по случаю десятилѣтія его существованія, 1 мая 1894 года.

Вопросъ объ учительствѣ въ церкви не только современный, но и весьма важный. О важности его говорить та великая сила, какую имѣетъ слово, въ особенности Божіе, въ нашей духовной жизни. Мы знаемъ эту силу, но, кажется, не вполне, не всегда сознаемъ ее, какъ должно, не думаемъ о ней, какъ заслуживаетъ ее важность, а знать и сознавать ее должно для пользы своей и другихъ. Есть глубокое соотвѣтствіе между міромъ духовнымъ и міромъ вещественнымъ. Высокіе умы прозрѣвали въ эту таинственную связь неба и земли, но съ ясностію осязательною указываетъ ее Божественный нашъ Учитель въ Своихъ дивныхъ притчахъ. Въ самой первой изъ нихъ и какъ бы господственной надъ всѣми ими сказано: *Сѣмя есть слово Божіе* (Лук. 8, 11). Какимъ другимъ словомъ яснѣе и рельефнѣе можетъ быть выражена сила слова? Что на нивѣ сѣмя, то въ душѣ нашей слово. Что такое сѣмя?—Начало жизни. Нѣтъ сѣмени, нѣтъ и корня, и ростка, и листьевъ, и плодовъ. *Не доброе ли сѣмя Ты посѣялъ на полѣ, откуда же плевелы*, спрашиваютъ въ другой притчѣ слуги Господина. Итакъ, сѣмя должно быть сѣемо только доброе, чистое, отборное. Если и при этомъ добромъ посѣвѣ возможно произрастаніе плевелъ, сѣемыхъ врагомъ, что же будетъ, если въ душѣ человѣка только эти плевелы и будутъ посѣяны и совсѣмъ заполонять душу? Какъ только представимъ себѣ мысленно эту страшную силу слова, ужасъ беретъ и за себя, и за многихъ, многихъ другихъ. Чѣмъ ежедневно засѣвается нива сердецъ нашихъ, при нынѣшней свободѣ и распространенности печатнаго слова? Сколько сору, недомыслія, пустомыслія, шутокъ, прибаутокъ, иногда прямыхъ и явныхъ соблазновъ, мыслей кощунственныхъ и лживыхъ ежедневно наносится на

эту печальную, у многихъ совершенно заброшенную ниву? Гдѣ средства для очищенія этой несчастной нивы? Въ томъ же словѣ Божіемъ; оно обладаетъ силами сверхъестественными. По изъясненію Священнаго Писанія, оно, какъ мечъ, проникаетъ до раздѣленія души и духа и судить чувства наши и помышленія сердечныя (Евр. 4, 12); какъ молотъ, разбиваетъ наши каменные сердца и извлекаетъ изъ нихъ слезы умиленія и покаянія;—какъ огонь, пожигаетъ въ насъ всѣ нечистоты сердечныя (Іоан. 15, 3); какъ свѣтильникъ сіяетъ въ душѣ нашей, темной и мрачной (2 Петр. 1, 10), указуя путь жизни къ виднѣющейся вдали тихой пристани. Итакъ, вотъ какое значеніе имѣетъ то слово истины, о которомъ идетъ споръ, кому его возвѣщать. Кому же его возвѣщать?

Въ той же притчѣ о Святелѣ Господь сказалъ: *Святой доброе сѣмя есть Сынъ Человѣскій*. Итакъ, вотъ кто Свѣтель слова. По Чьему слову явились на новозданной землѣ, еще прежде созданія солнца и луны, *быліе травное, стьющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ*, Имъ же, самосущимъ Словомъ Божіимъ, сѣется въ нашей душѣ—и это сѣмя жизни. По любви къ намъ, однородный Сынъ Божій сталъ Сыномъ Человѣческимъ, для того, чтобы, между другими благодѣяніями, послѣ многихъ ветхозавѣтныхъ откровеній, вновь Самому лично возвѣститъ и преподать намъ это спасительное и цѣльбоносное слово. Открытіе истины заблудившимся во тьмѣ невѣрія и суетвѣрія—одна изъ великихъ цѣлей Искупленія, такая же, какъ взять на Себя грѣхи наши и примирить насъ съ правосудіемъ Божіимъ. Пророки издалика видѣли и радостно привѣтствовали эту милость Господню, указывая въ то же время, что открытіе истины не зависитъ отъ средствъ и способовъ

распространения просвѣщенія человѣческаго, подобно тому, какъ и въ началѣ міра ростъ и цвѣтъ растений не зависѣли отъ свѣта и теплоты солнечныхъ, безъ которыхъ, по нашему человѣческому представленію, они и быть не могутъ. Не славныя Аѳины и Александрія, не могучій Римъ избраны мѣстомъ для возсіянія свѣта истины въ мірѣ, а малоизвѣстная страна и въ ней наиболѣе темная часть. *„Земля Завулоя и земля Нефоалимля, путь моря объ онъ полъ Иордана, Гамлеа языкъ, людие съдящии во тьмѣ и снѣи смертний, свѣтъ возсія имъ* (Мѡ. 4, 15—16).

Итакъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть не только первый Учитель въ мірѣ христіанскомъ, но и единственный. Единъ Искушитель, единъ и Учитель. Эту истину Господь внушаетъ намъ съ особою настойчивостію: *вы не называйтесь, говоритъ Онъ, учителями, ибо одинъ у васъ учитель—Христосъ, всѣ же вы братія* (Матѡ. 23, 8). *Идите, сказалъ онъ апостоламъ, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ блюсти все, что Я заповѣдалъ вамъ* (Матѡ. 28, 19—20). Особою цѣлю ниспослания Святаго Духа на апостоловъ представляется, чтобы Онъ вспомнулъ имъ все, что говорилъ Христосъ (Іоан. 14, 26). Въ словѣ Господа обнаруживается и дѣйствуетъ царственная Его сила. *Царство Мое не отъ міра сего. Гдѣ же? въ чемъ? Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину, и всякъ иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 37). Итакъ, далеко не безразлично слушать того или другого учителя, читать ту или другую книгу. Вниманіемъ къ истинѣ Христовой свидѣлствуется послушаніе Христу, удостовѣряется принадлежность къ Его царству.

Но Господь, Учитель истины, вознесся на небо. Кто

же теперь возвѣщаетъ слово Его? Апостолы, которымъ Онъ ниспослалъ Святаго Духа, да вспомнятъ имъ все, что Онъ говорилъ имъ, когда былъ съ ними. Да, безъ сомнѣнія, писанія Святыихъ Апостоловъ богодухновенны. Каждое слово ихъ истина. Однакоже, было время, когда всѣ христіане не знали точно, какія именно апостольскія писанія, и такія недоумѣнія продолжались не годъ, не два, а цѣлыя столѣтія, пока не опредѣлился канонъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Многіе выдавали свои человѣческія измышленія за богодухновенныя, свои писанія за апостольскія. Значить, чей-то авторитетъ нуженъ былъ въ мірѣ для суда о самихъ писаніяхъ апостольскихъ. Кто-то долженъ былъ указать желающимъ духовнаго просвѣщенія: вотъ это читайте и принимайте съ вѣрою; все, здѣсь содержащееся—ученіе апостольское, истинно богодухновенное; а это евангеліе или посланіе не есть подлинное. Чей же это авторитетъ? Кому Господь ввѣрилъ охраненіе истины, открытой Имъ, и наблюденіе за ея цѣлостію и чистотою? Всѣ мы хорошо знаемъ эту хранительницу и провозвѣстницу истины—святую, соборную и апостольскую церковь, которую Господь оградилъ обѣтованіемъ неразрушимости, и къ которой заповѣдалъ обращаться, какъ къ высшему судіи, для разрѣшенія недоумѣній и споровъ, касающихся вѣры.

Знаемъ, но слышимъ вопрошающихъ: кто же въ церкви возвѣщаетъ слово Христовой истины? На сіе должно отвѣтить: прежде всего церковь, сама непосредственно, безотносительно къ посвященнымъ и непосвященнымъ ея сынамъ. Сторонники учительства мірянъ говорятъ: и священники и даже епископы погрѣшали, изъ среды ихъ выходили злые еретики. Да, выходили. Поэтому-то Господь и не ввѣрилъ сокровища истины

никому изъ людей, какъ бы то ни былъ уменъ и какимъ бы высокимъ званіемъ ни былъ облаченъ. Никто, ни одинъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ сказать: да, я учитель истины непогрѣшимый. Притязаніе папъ быть непогрѣшимыми—явное и тяжкое заблужденіе. Апостоль говоритъ даже болѣе, нѣчто страшное. *Есмь бы даже мы или ангелъ съ неба стали благовѣствовать вамъ не то, что вы принимаете, да будетъ анагема* (Гал. 1, 8). Какая изумительная забота у Апостола Христова объ охраненіи истины! Опасливая за истину благовѣстія мысль простирается вглубь небесъ! *Да будетъ анагема*,—страшныя слова, но какой же и вредъ дѣлаютъ превращающіе благовѣствованіе Христова—это единое и существенное средство нашего духовнаго просвѣщенія! Поэтому сокровище истины Господь не ввѣрилъ ни чловѣку, ни даже ангелу, но ввѣрилъ церкви, или, вѣрнѣе сказать, удержалъ его навсегда за Собою, и, царствуя въ церкви, Самъ непосредственно возвѣщаетъ слово истины. Каждый день мы слышимъ его въ святомъ Евангеліи: это его собственное слово, знаемъ гласъ нашего Верховнаго Пастыря. Это слово господственное: Царь говоритъ подданнымъ, Отецъ дѣтямъ, Учитель ученикамъ. Все остальное должно ему соотвѣтствовать, и въ истинной, православной церкви находится въ такомъ дивномъ соотвѣтствіи, которое обнаруживаетъ не чловѣческую, а божественную силу охраненія и возвѣщенія истины.

Святый Иринеи, епископъ Лионскій, еще во 2-мъ вѣкѣ писалъ, что апостолы въ церковь, какъ нѣкую богатую сокровищницу, въ полнотѣ положили все, что принадлежить истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ получить отъ нея питіе жизни (противъ ересей кн. 3, гл. 4).

Итакъ, и тогда, 17 вѣковъ назадъ, церковь была уже богатою сокровищницею. Но вотъ уже 19 вѣковъ проходитъ, и каждый вѣкъ принесъ ей плоды своего дѣланія, силою благодати Господней, подъ ея живительною сѣнію. IV вѣкъ въ особенности называется свѣтоноснымъ и плодотворнымъ. Въ это время по истинѣ обогатили церковь великіе вселенскіе святители и многіе другіе отцы и учителя. Не менѣе плодотворны, только въ другомъ отношеніи, были вѣка VII и VIII, когда, по уясненіи главныхъ вопросовъ вѣры на вселенскихъ соборахъ, высоко воспарила мысль христіанская, съ особою силою забилося сердце, чудные образы, дивныя звуки предносились уму и сердцу избранниковъ. Сколько истинной, глубокой неотразимо дѣйствующей на сердце поэзіи въ дивныхъ канонахъ святаго Іоанна Дамаскина и тѣхъ гласахъ, которые избралъ онъ для пѣній и пѣсней духовныхъ, и у другихъ пѣснописцевъ—Космы Маюмскаго, Андрея Критскаго, Романа Сладкопѣвца, дѣвы Кассіи. Проходятъ вѣка, богатство церкви растетъ и множится. Какое сокровище принесли церкви въ прошедшемъ вѣкѣ святый Димитрій Ростовскій въ своихъ Четвухъ Минеяхъ и сладкозвучныхъ словахъ и псалмахъ и святитель Тихонъ въ своихъ глубоконазидательныхъ твореніяхъ. Припомнимъ, что сдѣлано для благоукрашенія церкви въ ближайшее къ намъ время. Высоко художественное по составу и глубокое по мысли и чувству, молебствіе въ день Рождества Христова и въ воспоминаніе изгнанія галловъ и съ ними двадцати языкъ — не забудется и въ отдаленныхъ вѣкахъ. Слова и рѣчи митр. Филарета, каноническія и иныя указанія и объясненія, это также богатое достояніе церкви—на всѣ вѣка ея послѣдующей жизни. Сколько въ самые послѣдніе годы принесъ въ даръ церкви по-

чившій въ семь году епископъ Теофанъ, двадцать восемь лѣтъ неутомимо подвизавшійся въ затворничествѣ на пользу ея—также вѣковѣчную. Это въ области богословія. Но мнѣ кажется, никогда не теряютъ своего значенія и эти чудные задостойники протоіерея Турчанинова, и это дивное пѣснопѣніе „Тебе одѣющагося свѣтомъ, яко ризою“ и другія знаменитыя музыкальныя произведенія нашего времени. Такъ и изъ нашего вѣка—вѣка смуты умовъ и невѣрія—многія слова, звуки и образы перешли въ достояніе церкви, останутся навсегда ея украшеніемъ. И вотъ стоитъ церковь въ мірѣ, украшенная и возвеличенная, по истинѣ невѣста Христова! Какое царство, какой народъ могутъ представить такое изобиліе, такое богатство всего, что относится къ просвѣщенію умовъ и сердець человѣческихъ? Какая сила, какая твердыня могутъ быть приравнены къ этому столпу и утвержденію истины?

Итакъ, сіяніе въ мірѣ истины Христовой въ церкви для всего міра охранено и обезпечено. Каковы бы ни были злоухищренія врага къ совращенію людей съ пути праваго, они разобьются объ этотъ несокрушимый столпъ. Едва ли была когда либо такая смута умовъ, какую произвелъ рационализмъ послѣднихъ вѣковъ, но истина Христова въ церкви сохранена и видимо для всѣхъ плѣняетъ умы въ послушаніе—вѣры. И мощное слово церкви раздается всюду, гдѣ только распростерла она шатеръ свой. Представимъ самую захудалую весь въ какомъ-либо отдаленномъ, положимъ Верхоленскомъ уѣздѣ, Иркутской губерніи. И тамъ слышатъ людіе Божіи и слово евангельское, и пѣснь Андрея Критскаго, и дивный канонъ „Волною морскою“ и чудную пасхальную утреню. Тамъ, въ семьѣ бѣднѣйшаго причетника, возникъ апостоль для еще бо-

лѣе отдаленныхъ странъ Россіи; *) тамъ, внѣ всякихъ иныхъ пособій и средствъ со стороны человѣческой мудрости, онъ воспитался въ строжайшемъ духѣ вѣры и благочестія и пяти лѣтъ отъ роду уже читалъ въ церкви къ утѣшенію и назиданію своихъ бѣдныхъ сельчанъ.

Важно, конечно, живое слово современнаго учителя вѣры; работа мысли богословской и художественно-поэтической непрерывно продолжается: иначе не было бы и скопленія такихъ умственныхъ богатствъ въ церкви. Должны и впредь прибывать и умножаться сіи сокровища. Но не думайте, чтобы отъ краснорѣчія того или другого чело-вѣка зависѣло дѣло христіанскаго просвѣщенія и спасенія. Живое слово современнаго проповѣдника истины въ церкви одно изъ многихъ средствъ дѣйствія на душу; нѣтъ его здѣсь или тамъ—дѣйствуютъ другія средства. Церковь всевозможными способами и чрезъ священно-дѣйствіе, и чрезъ обстановку и благоуханіе храма, и чрезъ чтеніе и пѣснопѣнія сѣетъ въ мірѣ добрыя сѣмена, и для каждаго внимательнаго и покорнаго члена ея потребное для души его просвѣщеніе истиною обезпечено.

Когда представимъ себѣ все это—и значеніе слова истины, какъ сѣмени жизни, и единый Божественный источникъ, изъ коего истекаетъ струя жизни для обновленія падшаго человѣчества, и эту побѣдительную силу церкви и ея царственное величіе, споры и препирательства объ учительствѣ въ церкви представляются крайне жалкими. Стоитъ наша царственная Мать и не иначе, какъ съ великою скорбію, можетъ смотрѣть, какъ эти

*) Иннокентій, знаменитый миссіонеръ, просвѣтитель Сибири впоследствии митрополитъ Московскій.

слабья дѣти ея оспариваютъ другъ у друга право говорить и писать и силятся перекричать одинъ другого...

Были во всякое время люди заблуждавшіеся, изрекавшіе ложь вмѣсто истины. Но въ прежнее время не было этого жалкаго препирательства о томъ, кому возвѣщать ученіе. Всякій вѣрный сынъ церкви трудился, сколько могъ, на ея пользу. Лучшее усвоилось ею и поступало въ ея вѣчную собственность, и имена этихъ избранниковъ Божіихъ съ высоты небесъ сіяютъ передъ нами: Василии, Григоріи, Іоанны въ теченіе многихъ вѣковъ льютъ намъ свѣтъ истины. Тамъ же, какъ звѣзды на тверди небесной, красуются и сіяютъ намъ и Константинъ и Елена, и Нина, и Владиміръ, и Ольга, и Антоній, и Пахомій, и Феодосій Великіе, не принадлежавшіе къ составу клира церковнаго. Препирательство объ учительствѣ въ церкви — явленіе болѣе позднихъ вѣковъ. Вопросъ этотъ выдвинутъ противоборствующими православію съ двухъ разныхъ даже противоположныхъ сторонъ — католичествомъ и протестантствомъ. „Я только могу учить, говорить священникъ въ церкви католической, мірянинъ не вправѣ и развертывать Библию“. „Читатъ и толковать Библию можетъ каждый по своему собственному усмотрѣнію и разумѣнію, и я самъ ничѣмъ не стѣсненъ въ своемъ личномъ мнѣніи о томъ и другомъ вопросѣ вѣры“, говоритъ пасторъ лютеранскій. Какъ это притязаніе священника быть единымъ учителемъ народа, такъ и эта всеобщая свобода въ возвѣщеніи истинъ откровеннаго ученія, которыя не напрасно ввѣряются особой охранѣ церкви, — одинаково противны духу православія.

Кто же, наконецъ, долженъ возвѣщать истину Христову? Всѣ, какъ вѣрныя и послушныя чада церкви, и

каждый въ своей мѣрѣ. Есть выразительное славянское слово: „мѣрность“. Здѣсь въ одно и то же время означается и глубокое смиреніе того, на кого падаетъ долгъ учительства, и чувство мѣры данной ему силы...

Смиреніе, въ которомъ соединяется искренняя любовь къ Богу и ближнему съ искреннимъ послушаніемъ церкви, — это внутренняя сторона учительства. Оно дѣлаетъ подвигъ учительства благоуднымъ Богу и истинно благополезнымъ. Кроткое слово вразумленія, обличенія, наученія, съ благословеніемъ Божіимъ, дѣйствуетъ на сердце неотразимо и назидаетъ его во спасеніе. Это условіе — необходимое для учительства всѣхъ и cadaго, кто бы онъ ни былъ, мірянинъ или священникъ. Съ теченіемъ вѣковъ выработались особые приемы для увѣщанія и вразумленія собственно церковнаго. Есть особая наука, какъ бережно должно обращаться съ сокровищемъ истины, и потребно не малое духовное искусство и навѣкъ опыта, чтобы умѣть сообщить ее нуждающемуся въ просвѣщеніи. Фельетонная размашистость пера, надутая или хлесткая фраза, рѣзкость тона — видимо не сообразны съ существомъ этого дѣла. Вообще дѣло учительское не легкое дѣло и требуетъ большого вниманія, опытности и благоразумія. Надо иногда много и много подумать, что кому сказать и какъ сказать. Что касается мѣры въ дѣлѣ учительства, то она и канонами церкви, и практикою церковною, и исторіею церкви, и духомъ православія указывается довольно ясно, чтобы могли быть еще споры о семъ.

Есть общіе виды учительства, обязательные и для мірянина, и для священника, и есть частные виды, въ которыхъ священникъ отдѣленъ отъ мірянина.

Научить невѣдущаго, предупредить невидящаго опас-

ности, утѣшить огорченнаго, подать добрый совѣтъ въ затрудненіи, обличить и вразумить заблуждающагося— эти виды учительства указуются всѣмъ и каждому заповѣдію о милосердіи, какъ это всѣмъ и каждому изъясняется въ катихизисѣ.

Особенное значеніе имѣетъ учительство въ тѣсныхъ предѣлахъ семьи христіанской. Отцу и матери не только общая заповѣдь о милосердіи, но и прямой долгъ родительскій внушаютъ воспитывать въ вѣрѣ дѣтей ихъ. И всѣ члены христіанской семьи должны утверждать другъ друга въ благочестіи. Въ этомъ отношеніи доброй христіанской семьѣ апостолъ Павелъ усволяетъ наименованіе *домашней церкви* (Рим. 16, 4).

Засимъ особенныя обязанности вразумленія въ истинѣ указуются особенными положеніями людей въ обществѣ. Нѣкоторые лица призываются къ сему по силѣ особыхъ талантовъ, образованія и другихъ преимуществъ.

Болѣе знающій долженъ послужить своимъ знаніемъ нуждающимся въ просвѣщеніи истиною. Въ этомъ отношеніи не иначе, какъ съ любовью и благословеніемъ, церковь относится къ ученымъ изслѣдованіямъ по тѣмъ и другимъ вопросамъ, касающимся вѣроученія, ученія о нравственности, церковной исторіи и археологіи, къ опытамъ изъясненія Священнаго Писанія. Здѣсь не полагаются различія, будетъ ли извѣстное сочиненіе принадлежать священнику и даже епископу, или профессорамъ духовныхъ академій и наставникамъ семинарій и училищъ, или же лицамъ вообще образованнымъ, не имѣющимъ отношенія къ духовной школѣ. Берется во вниманіе достоинство изслѣдованій и вѣрность ихъ истинѣ, хранимой церковію.

На сколько можетъ вліять слово и примѣръ людей,

стоящихъ во главѣ управленій, извѣстно каждому. У насъ, на святой Руси замѣчено, что міряне были иногда даже передовыми двигателями принятія и распространенія вѣры Христовой. Слѣдуя примѣру равноапостольнаго князя Владиміра, шелъ князь въ словенскую ли область или инородческую, и вель за собою священника удовлетворять духовнымъ нуждамъ сперва своихъ, а потомъ и чуждыхъ, и подклонять ихъ подъ благое иго Евангелія. Люди богатые, движимые любовью христіанскою, основываютъ школы, даютъ имъ учебныя пособія и тѣмъ съ своей стороны также служатъ дѣлу добраго христіанскаго просвѣщенія.

Уже изъ намѣченныхъ сторонъ учительства видно, что міряне не только допускаются къ учительству въ церкви, но и съ любовью приемятся церковію, которая добрѣ трудящимся испрашиваетъ и ниспосылаетъ благословеніе свыше. Но изъ сихъ же сторонъ видно, что учительство сіе имѣетъ значеніе только подготовительное и вспомогательное. И тутъ, и здѣсь, и тамъ за учителемъ міряниномъ виднѣется священникъ. Хорошая мать научить дитя молитвамъ и затѣмъ приводитъ его къ священнику учить закону Господню. Князь идетъ воевать ту или другую область и ведетъ за собою священника. Наставникъ трудится надъ изслѣдованіемъ того или другого научнаго въ области богословской вопроса для просвѣщенія въ особенности лицъ, готовящихся къ принятію священства. Самъ священникъ чувствуетъ громадную разницу, самъ ли отъ себя онъ говоритъ, или говоритъ отъ лица церкви. Тамъ можно позволить себѣ высказать какое либо предположеніе, строить гипотезы, бросить свой собственный личный взглядъ на тотъ или другой вопросъ вѣры и жизни, позволить себѣ вообще

нѣкоторую свободу мысли, вознестись на крыльяхъ фантазіи; тамъ онъ стоитъ наравнѣ съ другими собратіями по профессіи писательства. Здѣсь, на кафедрѣ церковной, этого допустить нельзя, здѣсь надобно говорить одну только чистую истину и самую сущую правду. Такъ, кромѣ чрезвычайно широкой области общаго учительства въ церкви, есть болѣе опредѣленная область учительства собственно церковнаго. Здѣсь имѣють значеніе— особенное призваніе и поставленіе на это именно дѣло проповѣди церковной и ниспосланіе избранному для сего божественной благодати, а въ степени епископской, отъ которой принимаетъ священникъ рукоположеніе, и прямое преемство отъ апостоловъ, первыхъ провозвѣстниковъ слова Христова. *Никтоже самъ себя приѣмлетъ честь, но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ.* (Евр. 5, 4). *Аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы, нужда бо ми належитъ, горе же мнѣ, аще не благовѣствую.* (1 Кор. 9, 16). *Како проповѣдятъ, аще не послани будутъ?* (Рим. 10, 15).

Собственно церковное учительство не дается всѣмъ членамъ клира вровень и имѣетъ также свои виды. Дѣло возвѣщенія истины въ нѣкоторой мѣрѣ довѣряется и низшимъ членамъ клира, и затѣмъ, чѣмъ выше идутъ степени, тѣмъ болѣе дается довѣрія и полномочій въ возвѣщеніи истины.

Нѣкто, сторонникъ учительства мірянъ, начиная дѣло издалека, сперва длиннымъ рядомъ соображеній доказываетъ, что мы, ближайшіе служители церкви, якобы неправильно называемся духовенствомъ, а должны называться клириками. Затѣмъ, основываясь на комментаріи Валсамона къ Номоканону Фотія, доказываетъ, что клириками называются не одни пресвитеры и діаконы, но чтецы и пѣвцы, .и, наконецъ, переходитъ къ сути дѣла.

„Что же, спрашиваетъ онъ, ужели всякій пѣвецъ и чтець, всякій пономарь и дьячекъ есть уже учитель церкви, и къ нимъ для разрѣшенія всякаго религіознаго вопроса и сомнѣнія долженъ обращаться вѣрующій мірянинъ для наученія, какъ къ представителямъ церковнаго авторитета? Ужели имъ ввѣрено учительство церковное, опредѣленіе истины церковной и руководство душъ на путь ко спасенію?“ (ст. Н. П. Аксакова „Не угашайте духа“. „Русское Обозрѣніе“, Февраль, стр. 453). Авторъ, очевидно, не принимаетъ въ расчетъ различія степеней церковныхъ въ дѣлѣ учительства. Чтецу и пѣвцу дано чтеніе молитвъ, псалмовъ, другихъ книгъ Писанія, даже Апостола, пѣніе стихирь, тропарей и другихъ пѣсней духовныхъ, и когда они возглашаютъ слова псалма или посланія апостольскаго, внимай и ихъ слову, внимай священной пѣсни, ими возглашаемой. Каждому извѣстно, какія добрыя впечатлѣнія производитъ въ душахъ вѣрующихъ внятное и раздѣльное чтеніе, и именно по церковному, и благоговѣйное, умиленное пѣніе. Но чтецамъ и пѣвцамъ не ввѣрено паствырства душъ, а опредѣленіе истины церковной превышаетъ мѣру не только священника, но даже и епископа. Идемъ далѣе. Діакону дозволяется чтеніе не только Апостола, но даже Евангелія, которое подается ему съ престола, и онъ отъ лица церкви возвѣщаетъ ученіе истины собственными словами Господа Спасителя. Діаконамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ священника, дается право читать и съ церковной кафедры поученія святыхъ отцевъ и учителей церкви, а нѣкоторымъ изъ нихъ, въ силу полученнаго ими образованія, право и собственнаго составленія поученій, но подъ ближайшимъ руководствомъ священника. То же и при томъ же условіи дозволяется и окончившимъ семинарскій курсъ псаломщикамъ.

Священникъ призывается не только къ возвѣщенію Евангелія, но и къ собственному проповѣданію слова Божія для ввѣренныхъ его пастырской заботѣ, въ зависимости отъ епископа и по благословенію его. Это болѣе долгъ, долгъ тяжелый и отвѣтственный, чѣмъ право, могущее возбуждать чью-либо ревность. Посмотрите, какія требуются условія, чтобы быть удостоеннымъ этого права проповѣди церковной, и какими способами это право ограждается отъ злоупотребленія имъ. Рожденіе въ благочестивой семьѣ, болшею частию въ семьѣ служителей церкви, съ самыхъ первыхъ лѣтъ особенная близость къ церкви и проникновеніе ея духомъ, длинная и трудная школа, въ особенности направленная къ выдержкѣ характера и философско-богословскому образованію ума, тщательное испытаніе и чрезъ экзаменаторовъ разнаго рода и отъ духовника особо у архіерея довѣреннаго—все это предшествуетъ священной хиротоніи, въ которой призывается на избраннаго божественная благодать Святаго Духа, немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая. Засимъ это ежедневное предстояние священника у престола Божія, постоянное цѣлодневное назиданіе чрезъ чтеніе слова Божія и слышаніе церковныхъ пѣснопѣній, совершеніе таинствъ, даже такая частность, какъ назначеніе опредѣленнаго для проповѣди времени: прежде поученія говорились тотчасъ по прочтеніи Евангелія и симъ внушалось: „смотри, возвѣщай не свое измышленіе, а слово Евангелія, или: знаешь ли, что проповѣдуешь,—ты проповѣдуешь истину Христову“; теперь говорятъ тотчасъ по причащеніи святыхъ Таинъ: кто и изъ непризванныхъ къ проповѣданію осмѣлится въ эти минуты сказать что-либо противное истинѣ? Далѣе—этотъ бдительный надзоръ епископа и

лицъ, особо для сего отъ него уполномоченныхъ, и этотъ отовсюду надзирающій глазъ православнаго народа, да, отовсюду надзирающій: себѣ все прощаютъ и разрѣшаютъ и во грѣхъ даже не ставятъ, а за нами изъ всѣхъ угловъ зорко смотрятъ, какъ бы кто въ чемъ не провинился, и этотъ ежедневный страхъ суда и смерти, въ виду почти ежедневно напутствуемыхъ въ жизнь вѣчную—все это такія ручательства за соблюденіе чистоты проповѣдуемаго въ церкви православной слова, болѣе, которыхъ, кажется, и придумать невозможно.

Епископъ не только проповѣдуетъ, но и смотритъ, какъ проповѣдуется слово Божіе подвластнымъ ему священствомъ, и всѣ-ли соблюдаютъ возложенныя на каждого въ этомъ и другихъ отношеніяхъ обязанности, не только возвѣщаетъ, но и право править слово истины Христовой. Этому высшему и наиболѣе уполномоченному служителю слова, чтобы удостоиться довѣрія церкви, нужно пройти еще болший путь приготовленія, чѣмъ священнику, и сверхъ всего понести иго Христова въ иноческомъ отреченіи отъ міра. Предъ посвященіемъ въ санъ, онъ поставляется предъ сонмомъ епископовъ, пространно исповѣдуетъ догматы вѣры и даетъ обѣтъ и даже клятву блюсти ихъ во всей чистотѣ и полнотѣ. Чтобы обезпечить ему возможность такого соблюденія истины въ своей епархіи, каноны церковные воспрещаютъ даже епископу проповѣдывать въ церкви, безъ вѣдома и согласія той области архипастыря.

Но и надъ епископомъ возвышается судъ собора помѣстнаго, надъ симъ судъ вселенскаго собора, въ которомъ высказывается уже голосъ всей церкви. И во всемъ опредѣленномъ кругѣ учительства церковнаго всѣ члены клира дѣйствуютъ отъ лица церкви, по ея довѣрію и

уполномочию, подъ ея надзоромъ и руководствомъ, за ея отвѣтственностію предъ Живодавцемъ Христомъ.

Кто не согласится, что важное значеніе слова истины Христовой, какъ сѣмени жизни, требуетъ такого именно бдительнаго охраненія? Но не въ сихъ человѣческихъ гарантіяхъ, какъ ни важны онѣ, столпъ и утвержденіе истины, а въ божественномъ водительство Духа Божія и въ томъ управленіи церковью, которое держитъ непосредственно въ Своей десницѣ верховный Глава ея.

Руководимое свыше, строго огражденное въ своихъ правахъ и обязанностяхъ, собственно церковное учительство даетъ тонъ и направленіе общему учительству въ церкви. Послѣднее имѣетъ значеніе, силу и достоинство только въ согласіи съ первымъ. Иначе оно тотчасъ же пойдетъ въ сторону и, вмѣсто распространенія истины въ мірѣ, сдѣлается орудіемъ врага для сѣянія плевель на нивѣ Господней. Въ силу высшихъ законовъ правды, не только допускается сѣяніе этихъ плевель, но плевелямъ симъ дается и расти на этой нивѣ купно съ пшеницею до жатвы, т. е. до конца міра. Въ какой мѣрѣ въ теченіе вѣковъ наполняется богатство въ царствѣ истины, въ такой же мѣрѣ возрастаетъ и сила лукаваго въ средствахъ и способахъ оболъщенія. Тѣ ужасы анархизма, та манія самоубійствъ, отъ которыхъ такъ страждетъ нашъ вѣкъ, — нѣчто неслыханное и невообразимое для предшествовавшихъ вѣковъ, а что будетъ далѣе — вѣдаетъ одинъ Богъ. Поэтому съ самага начала церкви появлялись въ средѣ христіанъ люди, которые подъ видомъ истины сѣяли въ ней ложь и заблужденіе. Характеристическія черты этихъ сперва самозванныхъ, а затѣмъ и ложныхъ учителей — гордость, весьма часто соединявшаяся съ наружнымъ смиреніемъ и даже съ подвигами

аскетизма, такъ называемая духовная гордость, злѣйшая изъ всѣхъ ея видовъ, и противленіе богопреданному чину церкви, дерзкое прекословіе высшимъ властямъ. Какъ истинныхъ проповѣдниковъ слова руководилъ и наставлялъ на всякую истину Духъ Святой, такъ и извѣстныя по исторіи дѣйствія самозванныхъ и ложныхъ учителей не объяснимы безъ допущенія злой силы, которая ихъ ослѣпляетъ, волнуется, направляетъ противъ истины, ожесточаетъ до фанатизма. Самомнѣніе, упорство, клопочущая въ сердцѣ ненависть, ожесточенность до послѣднихъ минутъ жизни въ нихъ изумительныя. Апостоль Іоаннъ Богословъ въ третьемъ посланіи говоритъ: „Я писалъ церкви, но любящій первенствовать у нихъ, Діотрефъ не принимаетъ насъ, понося насъ злыми словами, и не довольствуясь тѣмъ, и самъ не принимаетъ братьевъ, и запрещаетъ желающимъ, и изгоняетъ изъ церкви“. — Вотъ образчикъ предвосхищенія церковнаго учительства во времена апостольскія. „По любви къ первенству, самовольно взявши на себя руководство церковію, Діотрефъ не принимаетъ: кого же? — избраннаго изъ самихъ двѣнадцати апостоловъ, друга Христова, Богослова по превосходству, Тайновидца, главу новозавѣтныхъ пророковъ, не уважаетъ его посланія, порицаетъ его, не пріемлетъ пріемлемыхъ апостоломъ, запрещаетъ другимъ принимать ихъ и изгоняетъ ихъ изъ церкви“ (слова Филарета М. М. IV, 375). Примѣръ поучительный на всѣ времена, какъ надо охранять и беречь дѣло церковнаго учительства и какъ тщательно должно наблюдать за собою, что бы не погрѣшить въ любви и не увлечься гордостью, не преступить своего чина и въ особенности не встать въ противленіе церкви. Апостоль Іаковъ пишетъ: *не мнози учителя бывайте, братіе мои,*

вдѣляе, яко болѣе осужденіе приймає: много бо согрѣшаемъ вси (3 гл., 1, 2). Если Апостоль, призванный и свѣшедохновенный учитель, поставляетъ себя въ этомъ дѣлѣ подѣ страхъ осужденія, то какъ должно быть страшно это дѣло для всякаго другого. Призванные къ учительству въ церкви, въ случаѣ какой либо ненамѣренной ошибки, могутъ находить нѣкоторое ободреніе въ чувствѣ возложеннаго на нихъ долга. Какое извиненіе могутъ имѣть люди, не призванные къ учительству, въ случаяхъ погрѣшеній въ этомъ важномъ дѣлѣ?

Многочисленные примѣры въ исторіи церкви показываютъ, что люди, какъ оказывалось послѣ, обладавшіе наибольшимъ даромъ учительства, по глубокому своему смиренію, которое есть существенный признакъ истиннаго достоинства, почитали себя наименѣе къ сему способными. Григорій Богословъ, нечаянно восхищенный на каѳедру епископства, отъ овладѣвшихъ имъ смущенія и страха, бѣжалъ въ пустыню. Златоуста, также въ пустынѣ спасавшагося отъ почестей священства, хитростію восхитили на каѳедру епископа. *Избери могущаго много,* молился Моисей (Исход. 4, 13). *Не вѣмъ глаголати,* взывалъ къ Богу пророкъ Іеремія (І. 6). Напротивъ, мнѣніе о себѣ, какъ способномъ и якобы свѣше призванномъ учителѣ другихъ, принятіе на себя учительства вопреки установленному чину и порядку въ церкви—обличаютъ или непростительное легкомысліе, или увлеченіе гордостію, которая можетъ простереться далеко и получить всѣ признаки гордости сатанинской. Иногда недоученый юноша мечтаетъ: о, что бы вышло, если бы эту церковную каѳедру предоставили ему! Какъ бы онъ вліялъ на эти массы собирающагося въ церкви народа! Но иногда и умные люди такъ увлекаются этою страстію къ

учительству, что теряють чувство мѣры и самообладаніе, теряють способность видѣть и говорить правду и, омертвѣвая духовно, губятъ свои дарованія.

Въ настоящее время мы съ великою болью въ сердцѣ видимъ эту ужасающую силу духовнаго ослѣпленія въ нашемъ знаменитомъ писателѣ-художникѣ*). Ужели мало было ему тѣхъ лавровъ, которыми увѣнчаны его высокохудожественныя произведенія? Зачѣмъ онъ отрѣшился отъ тѣхъ дивныхъ поэтическихъ образовъ, которые, предносясь уму его, не могли не наполнять его сердца живѣйшими ощущеніями радости и восторга? Зачѣмъ онъ губить свой великій талантъ, данный ему отъ Бога—живописать жизнь и людей? Зачѣмъ уродуетъ себя этимъ дикимъ видомъ, этими грубыми выходками, всею этою фальшью своего положенія? Онъ захотѣлъ первенствовать не только въ дѣлѣ поэта-художника, но и въ ученіи религіи, онъ вторгся въ неподручную для себя сферу учительства и взялся проповѣдывать то, чему предварительно не наученъ, чего не понимаетъ, и мощное слово свое и художническую кисть тратитъ на распространеніе лжи, на гибель себѣ и другимъ, съ настойчивостію изумительною и дерзостію, какой еще не было у насъ примѣровъ. Вотъ какъ обольстительна и опасна эта страсть къ учительству въ церкви! Бѣда, когда кто беретъ за это дѣло Божіе съ жалкими стремленіями къ суетной славѣ и въ чувствѣ богопротивной гордости. Еще здѣсь на землѣ постигаетъ его, какъ мы видимъ, судъ Божій. А какой судъ постигнетъ виновнаго тамъ за превращеніе благовѣствованія Христова, за соблазнъ, широко сѣмый въ мірѣ, страшно и подумать, если даже такая казнь, какъ опущеніе въ воду съ камнемъ, привязаннымъ къ шеѣ,

*) Графъ Л. Н. Толстой.

Підготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семінарії
http://Lib.kdais.kiev.ua

азывается, для него недостаточно*). Грѣхи прощаются въ таинствѣ покаянія подѣ условіемъ исправленія: грѣхъ соблазна непримѣнимъ къ сему условію. Писатель—протѣвникъ вѣры и церкви—подѣ конецъ жизни сознаеть, что много говорилъ вздору въ соблазнѣ другимъ, и самъ хотѣлъ бы исправиться; но какъ онъ можетъ вырвать заблужденіе изъ сотенъ и тысячъ сердецъ, имъ соблазненныхъ, которые въ свою очередь его ядомъ отравили сотни и тысячи другихъ сердецъ? И такъ зло растетъ и ширится до страшныхъ размѣровъ, и угліе огненные падаютъ на голову виновнаго. А совѣсть рано или поздно должна пробудиться. Объ извѣстномъ писателѣ Фонѣ-Визинѣ читаль я гдѣ-то, что подѣ старость, разбитый параличемъ, онъ пришелъ или былъ приведенъ въ церковь Московскаго университета. Послѣ богослуженія знаменитаго писателя окружили студенты. Указывая на свою омертвѣвшую руку, онъ сознавался въ грѣхахъ писательства и предостерегалъ ихъ отъ вольномыслія и безвѣрія. Такъ онъ чувствовалъ потребность снять съ своей совѣсти грѣхъ соблазна, но могъ-ли онъ высказать свою сокрушенную исповѣдь всѣмъ, кто могъ соблазниться его вольнымъ словомъ. А можно ли сравнить этого писателя въ отношеніи допущеннаго имъ вольномыслія съ знаменитымъ писателемъ нашихъ дней?

Вольные пророки нашего времени любятъ указывать на слова апостола Павла: „Духа не угашайте, пророчества не унижайте“. Словамъ симъ дается обыкновенно такой смыслъ: Духъ говоритъ не чрезъ однихъ призванныхъ проповѣдниковъ, а и чрезъ другихъ членовъ церкви; такъ вы, имѣющіе власть и вліяніе, не препятствуйте симъ, озареннымъ отъ Духа Божія, пророкамъ

*) Мѣ. 18, 6.

ихъ вольной проповѣди, не унижайте ее... Между тѣмъ, слова сіи имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Подѣ духомъ разумѣется духъ ревности и усердія въ вѣрѣ, съ которою существенно соединяется послушаніе истинѣ, возвѣщаемой церковію. Не другой въ тебѣ, а ты самъ не угашай въ себѣ этой ревности, этого усердія въ вѣрѣ; тщаніемъ не лѣнивый, духомъ горя, внимай ученію, но при условіи, которое обыкновенно вольными пророками не выясняется, а означается это условіе непосредственно за симъ въ слѣдующихъ словахъ: *вся искушающе, добрая держите*. Такихъ произвольныхъ толкованій много въ статьяхъ вольныхъ пророковъ. Къ счастью, уже ясно виднѣется заря освобожденія отъ той смуты умовъ, которая держитъ насъ около полувѣка, и тамъ и здѣсь начинаютъ устанавливаться истинныя должныя отношенія къ Церкви-Матери.

Досточтимое братство во имя Пресвятой Богородицы возникло одновременно съ возстановленіемъ церковно-приходской школы и приняло ее подѣ свое особенное покровительство. Возстановленіе этой школы было однимъ изъ признаковъ обращенія нашего къ церкви. Послѣ долгихъ шатаній умовъ и сердецъ, такъ живо и съ такою болью напоминавшихъ всѣмъ смутное время Россіи, почувствовалась особая, настоятельная потребность встать подѣ сѣнь церкви, слѣдовать ея матернему гласу, опереться на ея мощную руку, особенно въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣло первоначальнаго народнаго образованія.

Живо помнится это знаменательное время, для характеристики котораго весьма выразительно слово въ притчѣ о блудномъ сынѣ: *пришедъ въ себе*. Да, и для цѣлаго общества, и для цѣлага народа бываютъ дни, когда они опомниваются и въ себя приходятъ. Живо помнится и то, насколько

мала и ничтожна казалась закваска, которая должна была произвести брожение и преобразовать, оздоровить нашу начальную народную школу. Ни учителей, ни учебных пособій, ни сколько нибудь принаровленных къ школѣ помѣщений, ни средствъ, достаточныхъ къ ихъ содержанію. Одна была надежда: Богъ поможетъ, церковь вразумить и научить, вынесетъ это дѣло на своихъ мощныхъ плечахъ. Девизъ возобновленной школы—быть какъ можно ближе къ церкви, жаться подъ ея матернее крыло. И вотъ, милостію Божіею, нашлись добрые люди, которые, по любви къ церкви, приняли въ этомъ кровномъ чадѣ ея близкое участіе и поддержали церковно-приходскую школу въ первое ея страшно-трудное время. Она встала теперь на свои ноги и оказываетъ доброе вліяніе и на другія школы. Доброе дѣло С.-Петербургскаго епархіальнаго братства цѣнно для дѣла и какъ примѣръ столицы. Да ниспослетъ Господь съ благословеніемъ и по молитвамъ святителей, стоящихъ въ главѣ учрежденія, свое пренебесное и вседѣйствующее благословеніе и досточтимому братству и покровительствуемой имъ школѣ!

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ *).

Нынѣшній день осмѣливаюсь я остановить вниманіе на вопросѣ первостепенной важности—о народномъ образованіи, одномъ изъ самыхъ современныхъ и острыхъ.

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества 1895 года, декабря 10 дня.

Никогда не сознавалось такъ величіе Россіи, какъ въ настоящее время. Народъ разросся и разрастается въ необъятное цѣлое, и широкія перспективы виднѣются ему впереди. Россія приобрѣла значеніе не только великой, но и первенствующей державы въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Къ голосу ея прислушиваются, писателей ея не только переводятъ, но и изучаютъ за-границей, съ дальнихъ краевъ земли являются поклониться ея святынямъ, какъ нѣкогда въ Іерусалимѣ во дни царя Соломона. Съ другой стороны народъ нашъ, не смотря на тысячу лѣтъ своей исторической жизни, при всѣхъ совершенныхъ имъ побѣдахъ надъ врагами, въ громадномъ большинствѣ остается въ состояніи какъ бы только являющагося въ мірѣ младенца и настойчиво требуетъ образованія. Отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій въ этомъ отношеніи зависятъ судьбы не только Россіи,—всего міра.

Въ чемъ же должно состоять это народное образованіе? Образованіе не то, что просвѣщеніе книжнымъ ученіемъ. Народная мудрость мѣтко опредѣляетъ значеніе ученія, называя его свѣтомъ, неученіе тьмою. Что можетъ быть для насъ дороже свѣта? Но эта драгоцѣнность по отношенію къ самому человѣку—нѣчто внѣшнее. Ученый еще не значитъ мудрый, еще менѣе значитъ—добрый. Свѣтъ ученія тоже, что свѣтильникъ въ рукѣ. Съ фонаремъ легче и удобнѣе идти, чѣмъ въ потемкахъ, но еще неизвѣстно, кто идетъ съ фонаремъ, куда и для чего идетъ. То же—иногда, что ножъ въ рукѣ: въ рукѣ человѣка благонамѣреннаго и искуснаго ножъ приноситъ пользу, въ рукѣ злодѣя—орудіе убійства. Какъ ни горько слышать, слышались въ народѣ противъ ученія такого рода жалобы: „зачѣмъ де учать? чтобы воровать и обманывать и

умѣть извертываться?" Это, конечно, крайность, но дѣло не невозможное. Еще чаще раздаются жалобы, что дѣти съ ученіемъ теряютъ многое доброе, что дала имъ семья: перестаютъ въ церковь ходить, не слушаются родителей. Здѣсь, можетъ быть, ученіе и ни въ чемъ неповинно, но ясно какъ изъ сихъ, такъ и изъ многихъ другихъ примѣровъ, что, кромѣ ученія, требуется еще нѣчто другое и притомъ многое, чтобы былъ человѣкъ умный и добрый. Ученіе можетъ быть и дѣйствительно бываетъ могучимъ средствомъ образованія, но никакъ не есть самое образованіе.

Въ послѣднее время, при толкахъ объ образованіи, часто упоминалось слово „развитіе“. „Надобно, говорили и говорятъ, развивать природу. Какъ изъ сѣмени, прозябшаго и раскрывшагося выходитъ дерево или плодъ, въ своемъ родѣ совершенные, такъ и человѣкъ выйдетъ совершенный, если развить все сокрытое въ его природѣ“. Развитый человѣкъ, говорятъ, то же, что образованный. Отъ частныхъ лицъ понятіе развитія переносилось и къ народу вообще. „Дайте, говорятъ, какъ можно болѣе свободы народу и политической и нравственной, распустите его связывающія узы: тогда онъ развернется и удивитъ міръ“. Но при сихъ разсужденіяхъ забывается прирожденная грѣховность человѣческаго рода, по которой далеко не все можно развивать въ насъ, а иное нужно развивать и поддерживать, другое же отсѣкать и подавлять. Ужели все, что свойственно народу, положимъ, русскому, достойно охраненія и требуетъ развитія? Сатирическая литература и стараго и новаго времени представляетъ столько уродливыхъ явленій въ жизни народной, развитіе и положеніе которыхъ никакъ не желательно. Самъ народъ безпощадно въ своихъ пословицахъ

клеятъ свои слабости и охотно слушаетъ, когда его обличаютъ, и соглашается съ обличеніями, хотя отъ этихъ обличеній нисколько не исправляется, кивая Петръ на Клима, Клима на Петра. Зрѣлищами и сатирической литературой зло обнаруживается, но не исправляется: это дѣло образованія правильного, разумнаго.

Самое слово образованіе показываетъ, что однихъ прирожденныхъ человѣку силъ и способностей для правильного развитія ихъ недостаточно: надо образовывать, выпрямить, выправить человѣка. Это же самое слово показываетъ, что долженъ быть какой либо *образецъ*, по которому должно образовывать его. Является новый вопросъ: гдѣ этотъ образецъ?

Образцомъ для образованія русскаго народа представляютъ Западъ съ его вполне развитой культурой. Русскій народъ долженъ войти и входить въ семью европейскихъ народовъ; значить, долженъ якобы усвоить себѣ и ученіе, и привычки, и образъ дѣйствій европейскихъ народовъ. „Къ чему выдумывать? есть готовая цивилизація, подражайте ей во всемъ!“ Подъ вліяніемъ такого убѣжденія, и школы наши, особенно въ 60 и 70 годы, стали наполняться учебниками, учебными пособиями и книгами для чтенія заграничнаго происхожденія. Для развитой въ необычайныхъ доселѣ размѣрахъ педагогической литературы открылся неизсякаемый источникъ въ иностранной литературѣ, въ особенности нѣмецкой, и сельскіе учителя наши стали носиться съ своими кумирами Динтеромъ, Диттесомъ, Дистервегомъ и истощались въ усиліяхъ поглотить ихъ школьную мудрость изъ плохихъ русскихъ переводовъ. Но время и здравый смыслъ обнаружили всю непригодность европейскихъ идеаловъ для нашего народнаго образованія. Передовые люди

ченъ. Люди, погружаясь въ грѣхи, забыли о Творцѣ и стали, по слову пророка Давида, *уподобляться животнымъ* (Пс. 48, 13), и, наконецъ, *славу нетлѣннаго Бога, измѣнили во образъ подобный тлѣнному человеку и птицамъ и четвероногимъ и пресмыкающимся* (Римл. 1, 23), т. е., не только совершенно повредился въ нихъ списокъ, но и утратился для возстановленія его подлинникъ...

Возстановленіе образа Божія въ душѣ человѣческой—одно изъ великихъ дѣлъ Божественнаго искупленія. Въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ Иисусѣ Христѣ явилась вся полнота Божества *тлѣснѣ*, и Онъ въ Своей жизни оставилъ намъ образъ, чтобы слѣдовать стопамъ Его. Теперь „всему человѣчеству и порознь каждому человѣку остается одно—взирать неуклонно на образъ Божій, предъ нами явившійся въ лицѣ Богочеловѣка, и черта за чертою переносить его въ душу*).

Но это дѣло не можетъ быть совершено безъ особой благодатной помощи Святаго Животворящаго Духа. „Святѣмъ Духомъ всякая душа живится, чистотою возвышается, свѣтлѣется, Тройческимъ единствомъ священнотайнѣ“ (церк. пѣснь).

Итакъ, что есть образованіе человѣка? Проясненіе и возстановленіе въ душѣ нашей чертъ образа Божія, затменныхъ нашими грѣхами. По какому образцу совершается это проясненіе и возстановленіе въ насъ образа Божія? По образу Господа Спасителя нашего. Какою силою совершается это образованіе души нашей? Силою Божественной благодати, при необходимыхъ условіяхъ вѣры и усердія со стороны нашей. Благодать же Свя-

*) Сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, изд. 1843 г., т. 3, стр. 126.

таго Животворящаго Духа, хотя дѣйствуетъ во всемірѣ, но особенно и преимущественно въ церкви христіанской. Вотъ нѣсколько непреложныхъ истинъ святой нашей вѣры по отношенію къ важному вопросу объ истинномъ и цѣлесообразномъ образованіи человѣка.

Слышу возраженіе: „здѣсь начертанъ планъ образованія духовнаго, въ виду потребностей вообще спасенія души человѣческой, а не образованія дѣтей и отроковъ, о которомъ ведутся споры; зачѣмъ подставлять столь громоздкое основаніе подъ дѣло самое обыкновенное, ученіе ребятъ деревенскихъ, за которое каждый можетъ взяться?“ Не вдаваясь пока въ ширь и глубь этого, можетъ быть непримѣрнаго по своей важности, дѣла, отвѣтимъ словами самого Господа: *пустите дѣтей приходити ко Мнѣ и не препятствуйте имъ: ибо таковыяъ есть Царствіе Божіе* (Марк. 10, 14). Если какое образованіе должно быть ведено въ духѣ вѣры и благочестія, то по преимуществу образованіе дѣтей и отроковъ. Самое слово „начальная школа“ не то означаетъ только, что это первоначальная школа, а то, что здѣсь полагается основа и начало образованія дѣтей, дается толчекъ всей ихъ жизни. Всѣ другія цѣли начального образованія—должны отступить на второй и третій планъ предъ этою главною цѣлію—религіозно-нравственнаго ихъ образованія.

А вотъ нѣчто и о чрезвычайной важности этой деревенской школы—изъ устъ глубокаго знатока ея, доказавшаго любовь къ ней самоотверженными трудами жизни. „Всегда и повсюду, пишетъ С. А. Рачинскій, изъ-за грамоты и счета, изъ-за бѣдныхъ крохъ положительнаго знанія, какія можетъ сообщить начальная школа, выглядываетъ нѣчто неизмѣримо глубокое, нѣчто жизненное и роковое, нѣчто совершенно неизмѣримое съ видомъ

Этой кучки безграмотныхъ ребятъ, собранныхъ вокругъ элементарнаго учителя“ *). Эта столь маловажная въ глазахъ многихъ, деревенская школа, которую якобы можно вести всѣмъ, кто только желаетъ, по разъясненію этого знаменитаго педагога, выражаетъ характеръ народа, говоритъ объ историческомъ его призваніи, даетъ отвѣтъ на вопросы: куда онъ идетъ, къ чему способенъ, чего отъ него можно ждать. Охарактеризовавъ мѣткими чертами начальную школу въ католическихъ государствахъ, протестантскую и новѣйшую французскую, г. Рачинскій спрашиваетъ: „какою должна, какою можетъ быть наша русская начальная школа?“ и отвѣчаетъ, что „она должна быть школой христіанской, православной: она прежде всего школа благочестія и добрыхъ нравовъ“.

Говорятъ: „что же? была на Западѣ школа христіанская и церковная, да не удержалась.“ Но въ томъ-то и бѣда, что не удержалась, бѣда и для школы измельчавшей и обнищавшей до крайности, бѣда и для народовъ, не удержавшихъ ее на ея высотѣ. Исключительность католичества, вольномысліе протестантства низвели ее до того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находится она теперь въ этой, по другимъ отношеніямъ столь симпатичной намъ, Франціи. Вотъ какъ характеризуетъ ее нашъ педагогъ: „новѣйшая французская школа, съ ея гражданскими катехизисами, съ ея извращеніями исторіи, съ ея страхомъ самаго имени Божія, ясно проповѣдуетъ опредѣленное міросозерцаніе, отвратительное и безумное. Ея продолженіе—кафе и улица, систематическій развратъ посредствомъ лести и подкупа, чудовищной литературы

*) Изъ статьи „О церковной школѣ“ въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ 1895. Октябрь, стр. 441.

и возведеннаго въ принципъ хищенія...“ Желательна-ли намъ такая школа? Боже, сохрани и помилуй!

„Итакъ, по вашему мнѣнію, только церковная школа и можетъ быть истинною начальною школою?“ На основаніи предыдущихъ разсужденій, не сомнѣваемся сказать утвердительное—да; по крайней мѣрѣ, она ближе всѣхъ къ своей великой цѣли, ибо только церковь въ состояніи поднять на себя это великое бремя—образование народа и притомъ столь великаго. Нынѣшнее время—время особой *страды* для родителей и воспитателей. Не говоримъ о школѣ начальной, скажемъ—о болѣе обеспеченныхъ и устроенныхъ средней и высшей школѣ. Какъ часто и родителямъ и воспитателямъ въ виду плохихъ результатовъ ученія, приходится говорить смущенное слово Аарона, когда Моисей грозно судилъ его за сооруженіе идола: „вотъ я бралъ золото, бросилъ его въ огонь, и вышелъ этотъ телець“ (Исх. 22, 24). Какихъ, какихъ средствъ и усилій иногда не употребляютъ на образованіе того или другого человѣка?! Какіе прекрасные методы! Какіе учителя! А въ результатѣ оказывается нѣчто очень, очень плохое, такъ что лучше бы и не учить его ничему. „Аще не Господь созиждетъ домъ, вскую трудятся зиждущіе“, а назиданіе души человѣческой безъ сравненія труднѣе, чѣмъ созданіе внѣшней храмины. „Одинъ Духъ Господень, вся исполняй и животворящій, можетъ претворить грѣшника изъ врага Божія въ сына любви, по образу Единороднаго“ *).

Извѣстно глубокознаменательное сказаніе изъ земной жизни Господа Спасителя о нерукотворенномъ Его образѣ. Посланный отъ Едесскаго князя Авгаря живописецъ хо-

*) Сочиненія Иннокентія, арх. Херс. Изд. 1843 г., стр. 124.

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии

дѣлъ снять для него изображеніе лица Господня, но никакъ не могъ совершить сего собственнымъ своимъ художествомъ. Видя его усердіе, Господь самъ благоволилъ чудесно напечатлѣть Свой образъ на убрूसѣ. Въ дѣлѣ образованія нѣтъ ничего хуже, какъ обольщеніе себя мыслию, будто бы успѣхи въ этомъ великомъ дѣлѣ зависятъ отъ нашихъ усилій или нашего умѣнія. „Истинный образъ Божій, какъ поставляемый въ невинномъ человѣкѣ, такъ и возставляемый въ человѣкѣ падшемъ, всегда былъ и есть нерукотворенный“.

Здѣсь встрѣчаемся съ обычнымъ, такъ часто повторяемымъ, возраженіемъ: „развѣ мы не принадлежимъ къ церкви, развѣ у насъ дѣти не знаютъ молитвъ и священной исторіи, развѣ не тотъ же священникъ учитъ у насъ дѣтей Закону Божию?“ и приходится повторять тотъ же отвѣтъ. Если бы школы 60-хъ и 70-хъ годовъ удовлетворяли желаніямъ и нуждамъ народа и приносили истинную ему пользу, тогда не потребовались бы такія усилія и со стороны правительства и со стороны духовенства къ возстановленію и упроченію церковно-приходской школы. Въ трудное и тяжелое время возстановленія этой школы ей выпала тяжелая доля быть обличительницею, или, вѣрнѣе сказать, самой быть обличеніемъ неправого, погибельнаго для Россіи, направленія школы, едва было у насъ не утвердившагося. Стоя довольно близко въ это время къ дѣлу народнаго образованія, мы ужасались при мысли о той быстротѣ, съ какою все божественное и святое, чѣмъ питался и услаждался нашъ народъ въ теченіе тысячелѣтій, затиралось въ глазахъ его чувственнымъ и земнымъ. Загляните въ христоматіи того времени. Излюбленные предметы для статей: звѣри и гады, гады и звѣри. Въ правописаніи и чистописаніи утверж-

далось правило не писать имя Божіе съ большой буквы, такъ какъ де это имя не собственное, боговъ много было. Тамъ же — въ азбукахъ и книжкахъ для чтенія — на первомъ планѣ появились шутки, прибаутки, дѣлавшія изъ начальнаго, самаго важнаго для человѣка, образованія нѣчто пустое, смѣхотворное... И это такъ естественно: какъ только человѣкъ забываетъ о своемъ великомъ Первообразѣ, природа сейчасъ и устремляется на него съ давленіемъ на его мысль и сердце, которое нѣкогда испытывали, и подъ которымъ изнемогали и падали язычники.

Церковная школа совершила уже важное дѣло: возвратила школѣ ея прежній, серьезный и внушительный видъ, обратила сердца дѣтей къ отцамъ ихъ, которые проникнуты были, къ счастью въ большинствѣ проникнуты и теперь, притрепетнымъ уваженіемъ ко всему божественному и святому. Кротость дѣтей, смиреніе ихъ, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, послушаніе, служеніе храму — вотъ плоды ея, которые сразу замѣтилъ и оцѣнилъ нашъ добрый народъ и понесъ свои добровольныя, усердныя жертвы на ея упроченіе и процвѣтаніе.

„Чтоже церковная школа, по вашему мнѣнію, образецъ совершенства?“ О, кто можетъ сказать это! Болѣе, чѣмъ кто другой, мы чувствуемъ и сознаемъ, чего ей недостаетъ, и уповаемъ на милость Божию, которая уже и подается такъ явственно. Но мы не смотримъ на эти убогія сторожки, гдѣ такъ часто она помѣщается, на тѣ крупные недостатки, какія испытывала она, испытываетъ и теперь въ своихъ учебныхъ средствахъ, на эту пока еще полную необезпеченность ея учителей и учительницъ, не смущаетъ насъ и это множество враговъ ея, явныхъ

и тайныхъ, не устрашаетъ насъ и это жесткое слово друга школы церковной (Рачинскаго), что она не есть школа училище благочестія и добрыхъ нравовъ: насъ успокоиваетъ то, что — она при церкви. Столпъ, на который она опирается, незыблемъ. Мы твердо вѣримъ и уповаемъ, что Духъ Господень, дѣйствующій въ церкви, охранитъ ее отъ заблужденій и дастъ ей силу и крѣпость для выполнения великой, предстоящей ей задачи...

„Вы все говорите о христіанскомъ и церковномъ направленіи школы, но надо-же, чтобы она была и національной русской школой“. На это отвѣтимъ опять словомъ Спасителя: „Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѡ. 6, 33). Православіе имѣетъ вселенскій характеръ. Оно не суживаетъ, какъ католичество, рабовъ Христовыхъ въ слугъ папы, не даетъ произвола каждому, во что хочетъ вѣрить и жить какъ кому угодно, какъ протестанство съ его вѣтвями: но даетъ истинную свободу духу человѣческому и развиваетъ вѣрныхъ слугъ Царя и отечества.

Можно сказать и нѣчто болѣе опредѣленное: воспитывая дѣтей въ духѣ вѣры и православія, церковная школа идетъ на встрѣчу самымъ живымъ желаніямъ и насущнымъ потребностямъ русскаго народа. Вотъ нѣсколько словъ объ этомъ знаменитаго писателя Ф. М. Достоевскаго. Въ извѣстной рѣчи о просвѣщеніи народа, Достоевскій говоритъ: „Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его... Научился же онъ въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны... Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе еще, можетъ быть, пѣлъ: „Господи силь, съ нами буди!“ Знаетъ онъ также наи-

зують многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ... Въ народѣ есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которыхъ не коснулось еще наблюденіе наше... Я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ, работалъ съ нимъ настоящей мозольной работой въ то время, когда другіе, либеральная и подхихикивая надъ народомъ, рѣшили на лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ, что народъ нашъ „образа звѣринаго и печати его“. Не говорите же мнѣ, что я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я вѣдь принялъ въ мою душу Христа, Котораго узналъ еще въ родительскомъ домѣ ребенкомъ и Котораго утратилъ было, когда преобразился въ свою очередь въ европейскаго либерала“. По такимъ качествамъ Достоевскій русскому народу усвоитъ какъ бы особо принадлежащее ему и по преимуществу его предъ всѣми другими народами характеризующее имя *богоносца*.

И кто можетъ предуказать, какое назначеніе дано исполнить нашему великому народу въ исторіи, и какая судьба его ждетъ. Судя по необычному его росту, необъятной величинѣ отведенной ему страны, не изъ разныхъ частей, тамъ или здѣсь захваченныхъ, какъ у Британіи и другихъ государствъ Европы, но разстилающейся предъ нимъ прямо, какъ предъ законнымъ ея наслѣдникомъ и обладателемъ, видя въ исторіи его особые пути Божественнаго промысла, позволительно думать, что предназначеніе его и велико и не обычно. Въ призваніи нашего великаго народа какъ бы соединяются древнія миссіи съ одной стороны Израиля, съ другой Рима и Греціи. Ему какъ будто предстоитъ возвѣстить, распространить, утвердить слово истины Христовой не

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

только среди язычниковъ, сидящихъ въ тьмѣ и сѣни смертной, а, что несравненно важнѣе и труднѣе, и среди христіанъ, забывшихъ о Богѣ и Христѣ Его и отъ этого погибельнаго помраченія впадающихъ въ тьму горшую языческой. Въ такомъ положеніи русскому народу настоитъ особенная нужда быть какъ можно ближе къ церкви, съ самихъ раннихъ лѣтъ воспринимать въ свою душу и сердце Христа Господня, чтобы не погрѣшить на своемъ пути, не уклониться въ сторону отъ своего особеннаго великаго званія и вообще быть его достойнымъ.

Итакъ, церковная школа вполне согласна и съ предназначеніемъ и съ характеромъ нашего великаго народа, и полагаетъ истинное и твердое начало его образованію, не только христіанское и православное, но и вполне народное.

Страхъ Божій основа доброй жизни и истинно полезнаго воспитанія.

Страхъ Божій начало премудрости и охранитель добродѣтели.

Страхъ Божій въ Священномъ Писаніи называется *началомъ премудрости* (Притч. 1, 7) и представляется какъ бы постояннымъ и неотлучнымъ стражемъ добродѣтели. *Не оскорбляй челоуѣка ближняго, и убойся Господа Бога твоего* (Исх. 25, 17). *Не отягощай наемника трудами, и убойся Господа Бога твоего* (43). *Встань предъ лицомъ сѣдого и почти лицо старчо, и убойся Господа Бога твоего* (19, 32). „Безъ страха Божія, говоритъ

святый Василій Великій, нельзя сдѣлаться ни знающимъ, ни благоразумнымъ, ни добрымъ. Въ немъ ключъ ко всему этому. Вотъ единственная въ мірѣ каедрa, которая, преподавая одинъ предметъ, всему учитъ“.

Страхъ Божій воспитываетъ любовь и даетъ ей должное направленіе.

Говорятъ: „любовь должна быть основою всего храбраго, а не страхъ. *Вся вамъ любовь да бывають, любви союзъ совершенства* (1 Кор. 16. Кол. 3, 14)“. Несомнѣнная истина:—любы созидаетъ, любы животворитъ, любовь собою даетъ цѣну всякому доброму дѣлу. Но въ числѣ спасительныхъ дѣйствій страха Божія полагается и то, что онъ *на стезяхъ любленія поставляетъ* (Сир. 1, 15). Страхъ Божій прежде всего есть боязнь прогнѣвить Бога и отвращеніе отъ всего, что только можетъ оскорбить Его. *Како сотворю глаголь злый сей и соутышу предъ Богомъ*, говоритъ цѣломудренный Іосифъ (Быт. 39, 9). Предостерегая отъ грѣховныхъ дѣлъ и удаляя грѣховныя чувства, страхъ Божій очищаетъ въ сердцѣ мѣсто для богоугодной любви. Съ другой стороны, страхъ Божій водворяетъ и утверждаетъ въ сердцѣ смиреніе, а смиреніе привлекаетъ благодать Святаго Духа, отъ Котораго *изливается въ сердца наши любви Божія* (Рим. 5, 5). Утверждая любовь въ нашемъ сердцѣ, страхъ Божій проникаетъ ее чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ Высочайшему и Всесовершеннѣйшему Существо. Истинная любовь къ Богу не можетъ быть иною, какъ притрепетно-благоговѣйною. Самые высшіе чины ангельскіе—серафимы, пылающіе огнемъ Божественной любви, со страхомъ и трепетомъ предстоятъ престолу Божію и отъ страха закрываютъ лица. И въ этомъ

притрепетномъ чувствѣ любви къ Богу заключается самая высшая для существа сотвореннаго ея сладость... Сердце чувствуетъ себя у престола благодати, у источника свѣта и силы, и трепещетъ отъ страха и радости: что можетъ быть выше, сладостнѣе сего положенія? Есть слезы радости, и онѣ самыя сладостныя; есть и у любви свой трепеть, и онъ преисполненъ духовной радости. Такимъ образомъ, страхъ Божій представляется воспитателемъ самой любви и ея неизмѣннымъ спутникомъ.

Взаимное отношеніе страха Божія и любви въ сердцѣ человѣка.

Апостолъ Павелъ говоритъ: *Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить въ страхъ, но приняли духа усыновленія, которымъ взываемъ: Авва, Отче!* (Рим. 8, 15. 16). *Въ страхъ есть мученіе. Боящійся несовершенъ въ любви* (Іоан. 4, 18). Во первыхъ здѣсь говорится не исключительно о страхѣ Божіемъ, а о страхѣ вообще. Есть страхъ не Божій, а вражій, о которомъ говоритъ Давидъ: *Отъ страха вражія изми душу мою* (Псал. 63, 2). Во вторыхъ, въ самомъ страхѣ Божіемъ есть разныя степени. Есть страхъ раба и страхъ сына: въ первомъ болѣе мучительной боязни, второй болѣе проникнуть любовію. И въ этихъ двухъ видахъ есть различія. Есть страхъ раба лѣниваго и лукаваго, въ которомъ человѣкъ боится не столько грѣха, сколько именно мученія за грѣхъ: это самая низшая степень страха Божія, все-таки и на сей степени спасительная, ибо иначе порвется послѣдняя узда, сдерживающая грѣшника отъ совершенной гибели. Съ другой стороны, есть высшая степень сыновняго страха—страхъ Божій чистый, страхъ серафимскій, совершенно проникнутый любовію и преисполненный ду-

ховной радости. Объ этомъ страхѣ поетъ Давидъ: *Страхъ Божій чистъ, пребывай во отвѣтъ отвѣка* (Псал. 18, 10). Въ этомъ усовершеніи страха Божія открывается лѣствица нравственнаго восхожденія человѣка къ совершенству. При этомъ духовномъ усовершеніи человѣка слово Божіе открываетъ тайну духовнаго взаимодействія чувствъ любви къ Богу и страха Господня. Страхъ Божій, какъ выше было сказано, водворяетъ въ сердцѣ любовь и пронизываетъ ее притрепетнымъ благоговѣніемъ. Любовь, съ своей стороны, очищаетъ страхъ, изгоняетъ изъ него все, ей несвойственное, пронизываетъ его своимъ духомъ, преобразуетъ его изъ рабскаго въ сыновній, ведетъ и здѣсь на высшую степень совершенства, сама постоянно ограждаемая страхомъ. *Совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ*, говоритъ святой апостолъ Іоаннъ (I посл. 4. 18). „Совершенная любовь, говоритъ въ объясненіе сихъ словъ святитель Филаретъ, когда приходитъ, сама изгоняетъ страхъ, безъ твоего усилія и, можетъ быть, даже безъ твоего вѣдома, и то можетъ быть, не навсегда, потому что, между тѣмъ, какъ любовь изгоняетъ страхъ, да насладится человѣкъ торжествомъ благодати, смиреніе обратно призываетъ страхъ, да не забудетъ облагодатствованный своего недостойнства“ *). И, дѣйствительно, когда читаемъ, напримѣръ, въ житіи святителя Тихона, какъ онъ, повергаясь въ молитвѣ на голый полъ, не говорилъ только, а усиленно взывалъ, вопіялъ: Господи помилуй, Господи пощади, какъ бы величайшій грѣшникъ, тогда можно только бояться за свое собственное безстрашіе. Такъ какъ здѣсь на землѣ недостижима святость совершенная, и сами праведники согрѣшаютъ, если не дѣломъ,

*) Слово о страхѣ Божіемъ, т. IV, стр. 359.

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

го словомъ и мыслию, то совершенно чистый, серафим-
ской страхъ Божій едва-ли вполнѣ и непрерывно и воз-
моженъ въ этой жизни. Это достояніе праведныхъ душъ
въ жизни загробной, когда, по молитвамъ церкви, онѣ
достигнутъ совершеннаго очищенія отъ грѣховъ и оп-
равданія передъ Богомъ.

Внушеніе страха Божія въ Новомъ Завѣтѣ.

По великому и важному значенію страха Божія, онъ
и въ Новомъ Завѣтѣ внушается такъ же, какъ внушался
въ Ветхомъ и даже еще съ большею силою и настой-
чивостію. Вотъ слова самого Господа Спасителя апосто-
ламъ: *Не бойтесь убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ*
ничего болѣе сдѣлать, но скажу вамъ кого бояться: бойтесь
того, кто, по убіеніи, можетъ свергнуть въ геенну: ей, го-
ворю вамъ, того бойтесь (Лук. 12, 4, 5). Основаніе для
усиленія внушенія страха Божія въ Новомъ Завѣтѣ по-
лагается въ томъ, что мы, чада новозавѣтной церкви,
восприняли отъ Господа большую благодать, чѣмъ какая
была дарована чадамъ церкви ветхозавѣтной, и потому
болѣе ихъ отвѣтственны за свою жизнь и поведеніе.
„*Если мы, говоритъ апостоль Павелъ, получивъ познаніе*
истины произвольно грѣшимъ, то не остается болѣе жертвы
за грѣхи, но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня,
готового пожрать противниковъ. Мы знаемъ Того, Кто ска-
залъ: у Меня отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь...
Страшно впасть въ руки Бога живаго“ (Евр. 10, 26, 27,
30, 31). Затѣмъ, изобразивъ превосходство Новаго За-
вѣта предъ Ветхимъ, Апостоль продолжаетъ: „*Итакъ*
пріемля царство непоколебимое, будемъ хранить благодать,
которою будемъ служить благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ
и страхомъ. Потому что Богъ намъ есть огонь поядающій“
(12, 28, 24). Слова въ высшей степени внушительныя!

Разборъ и опроверженіе возраженій противъ страха Божія, какъ руководительнаго начала воспитанія и жизни.

„Въ страхѣ, говорятъ, есть нѣчто мрачное, лишшающее
духъ энергіи и бодрости“ Совершенно сему противное
свидѣтельствуютъ сами исполненные чувства страха Божія.
Страхъ Господень, какъ благословенный рай, говоритъ Пре-
мудрый, *и облакаетъ его (человѣка) всякою славою* (Сирах.
40, 26, 27, 28). *Нѣтъ ничего лучше—страха Господня, и*
нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ внимать заповѣдямъ Господ-
нимъ (Сирах. 23, 36). *Страхъ Господень—слава и честь и*
веселіе и вѣнецъ радости (Сирах. 1, 11). Псалмопѣвецъ го-
воритъ: *До возвеселится сердце мое, бояться имени твоего*
(85, 11). Какое дивное сочетаніе понятій! Возвеселится
сердце тѣмъ, что оно будетъ бояться имени Господня.
Но именно такъ и бываетъ и должно быть, именно страхъ
Божій и даетъ сердцу успокоеніе отъ всѣхъ житейскихъ
тревогъ и опасностей. Кто Бога не боится, тотъ всего
боится, всюду видятся ему враги и напасти: и этотъ
можетъ его обидѣть, и тотъ обездолить, и нищета, и без-
славіе въ будущемъ преслѣдуютъ его воображеніе. Боя-
щійся Бога свободенъ отъ этихъ тревогъ и страховъ.
Онъ знаетъ, что все въ волѣ Божіей, что безъ этой воли
никто и ничто не можетъ причинить ему зла, и силою
Божіею самое зло можетъ обратиться къ добру. *Бояйся*
Бога, говоритъ Премудрый, *ничего не убоится и не устра-*
шится. Той бо надежда ему (Сир. 34, 14). Ясный взоръ,
спокойное лицо, одинаковая привѣтливость къ всѣмъ,
неизмѣнное благодушіе—вотъ наиболѣе характерестиче-
скіе внѣшніе признаки чловѣка богобоязненнаго.

Говорятъ: „есть иныя болѣе возвышенныя побуж-
денія къ добродѣтели—чувство чести, сознаніе долга, а
не страхъ“. Честь, долгъ христіанина должны имѣть

основаніе въ любви къ Богу, а любовь, какъ показано выше, не можетъ быть безъ страха Божія. Если же они не основываются на любви и посему не утверждаются на страхъ Божию, то они крайне ненадежные руководители. Жизнь—не напрасно сравнивается съ моремъ, и море сіе признается самымъ бурнымъ изъ морей. Въ этомъ кипящемъ водоворотѣ заботъ, стремленій, суеты, соблазновъ, какъ иногда бываетъ трудно держаться на пути добра! Искушенія такъ сильны! Путь грѣха такой широкій и заманчивый! Когда грѣховный соблазнъ обурекаетъ душу, всѣ препятствія къ нарушенію долга умалются до послѣдней крайности: представляются разные способы сокрыть нечистое дѣло отъ взора людей, задобрить, или подкупить чѣмъ либо общественное мнѣніе... Какъ часто открываются темныя дѣла именно тамъ, гдѣ, повидимому, нельзя было и предположить ихъ, и гдѣ такъ громко возглашалось о чувствахъ чести и достоинства! Одинъ неподкупный свидѣтель жизни — совѣсть, проникнутая страхомъ Божиимъ: „Живущій на небесахъ, внушаетъ она, видитъ твое грѣшное дѣло. Какъ оскорбишь Отца твоего, гдѣ скроешься отъ Его гнѣва?“

Кромѣ соблазновъ къ грѣху, бываютъ въ жизни человѣческой и страшныя испытанія: или самъ человѣкъ попадаетъ въ ошибки и заблужденія, изъ коихъ не видитъ выхода, или обстоятельства жизни доводятъ его до такого затрудненія, что всѣ споры человѣческой надежды рушатся, и ни откуда не видно ему спасенія. Смущеніе, страхъ овладѣваютъ душой; напасти, горести отовсюду! Въ эти страшныя минуты одинъ страхъ Божій надежный и несокрушимый якорь спасенія, и горе тому, кто лишенъ этого спасительнаго утвержденія! Нынѣ такъ часто слышимъ о самоубійствахъ. Люди молодые, при

первыхъ неудачахъ и затрудненіяхъ въ жизни, спѣшатъ ее покончить. Гдѣ причина этого быстрого упадка духа? Отчего это чувство чести, о которомъ такъ много говорятъ теперь, эта такъ называемая благородная гордость не могутъ поддержать человѣка въ нужную минуту и даже какъ будто подталкиваютъ его ринуться въ бездну? Да, именно подталкиваютъ. Смотрите, что иногда дѣлаютъ эти самоубійцы: ведутъ счетъ ударамъ пульса, нарочито принимаютъ позы въ подражаніе извѣстнымъ въ томъ же родѣ печальной памяти высокимъ примѣрамъ... Явно рисуются, показывая якобы самообладаніе въ эти жалчайшія минуты полнѣйшаго нравственнаго упадка. Вотъ къ чему приводитъ эта, именуемая благородною, гордость! Страхъ Божій представилъ бы несчастнымъ въ страшную минуту весь ужасъ смерти самовольной и вѣчныхъ мукъ, за нее ожидающихъ... и напомнилъ бы о Богѣ, милостивомъ Отцѣ всѣхъ, прибѣгающихъ къ Нему съ вѣрою и раскаяніемъ. И тогда ожили бы вѣра ихъ, и душа воспрянула бы отъ гибельныхъ сѣтей, которыми опутываетъ несчастныхъ тотъ *тлитель смысловъ*, объ упраздненіи котораго мы взываемъ въ молитвѣ къ *Святеля чистоты Рожденшей*. Этотъ тлитель смысловъ дѣйствуетъ иногда съ ужасающей силою: за минуту нельзя предвидѣть, какая безумная мысль, какое страшное безповоротное рѣшеніе придетъ въ голову какого либо юноши, даже мужа, даже старца, повидимому, такъ хорошо воспитанныхъ и обставленныхъ. Прекрасно учился, столько надеждъ подавалъ, такая карьера предстояла, былъ такъ покоенъ, веселъ, и вдругъ роковой ударъ и растерзанная безъисходнымъ горемъ семья. *Нѣсть страха Божія предъ очима ихъ* (Пс. 36, 2); посему и не ограждены они отъ сѣтей пагубныхъ.

Часто на самомъ пути долга человекъ встрѣчаетъ противодѣйствіе своимъ благимъ намѣреніямъ со стороны людей, можетъ подвергнуться гоненіямъ и самой смерти за вѣру, за правду. Въ это время особенно познается достоинство страха Божія, какъ руководителя на поприщѣ добродѣтели. Проникнутая имъ душа забываетъ о мірѣ и вся исполняется мыслію о Богѣ. *На Господа уповахъ, говоритъ праведникъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ. Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ. Аще пойду и посреда стѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.* (Пс. 54, 12 сл.). Это — великія минуты въ жизни людей, и въ эти минуты являлось истинное величіе духа: мученики, преподобные, святители не боязненно говорили правду сильнымъ міра и бодро шли въ темницы на истязанія среди страшныхъ бѣдъ, мученій, предъ самой смертію радовались о Господѣ и молились за враговъ своихъ. Съ какимъ мужествомъ говорили истину съ крестовъ, съ горящихъ костровъ, боявшіеся Бога мученики своимъ мучителямъ? Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, намъ въ особенности близкій. Святитель Христовъ Филиппъ не изъ заграницы Литовской, какъ князь Курбскій, а съ глазу на глазъ, въ виду всѣхъ, въ церкви, именемъ Божиимъ, обличаетъ грознаго царя и читаетъ въ глазахъ его приговоръ смерти и смерти самой лютой. Гдѣ черпалъ онъ мужество и бодрость въ эти минуты великаго самоотверженія на пользу паствы? „Молчаніе наше грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ. Вѣщаю, какъ пастырь душъ. *Боясь Бога единого*“: вотъ какъ объясняетъ онъ тайну своей духовной силы (слова святителя Филиппа). *Боясь Бога — великъ выну*, поетъ Юдиѣ по совершеніи своего великаго подвига (Сир. 16, 16). Не напрасно и Господь Спаси-

тель для такихъ страшныхъ и вмѣстѣ великихъ минутъ жизни — указывалъ опору и ободреніе не въ чемъ либо въ другомъ, не въ чувствахъ чести, не въ сознаніи долга, даже и не въ любви, а именно и единственно въ страхѣ Божиемъ: „*Ей глаголю вамъ: того убойтесь!*“

Выводъ изъ сказаннаго по отношенію къ воспитанію.

И такъ — нужно ли внушать дѣтямъ страхъ Божій?.. Отвѣтимъ: и вопроса о семъ быть не должно. Какъ основаніе и охранитель всего добраго въ сердцѣ человѣческомъ, какъ воспитатель и направитель самой любви христіанской, какъ опора въ трудныя и тяжкія минуты въ жизни, страхъ Божій есть самое цѣнное и дорогое въ дѣлѣ воспитанія, самое лучшее и прочное наслѣдіе дѣтей отъ тѣхъ, кто далъ имъ жизнь и руководитъ ею. Богатство безъ этой ограды — пагуба; образованіе вселитъ лишь кичливость и самомнѣніе, и Богу, и людямъ противныя, что мы теперь въ особенности видимъ и терпимъ. Да, если когда, то особенно нынѣ, въ наше тяжелое и несчастное время, впрочемъ, отчасти уже пережитое, познается великое значеніе страха Божія, какъ основного начала воспитанія и жизни.

Съ какихъ поръ должно внушать дѣтямъ страхъ Божій?

Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Къ сожалѣнію, слишкомъ рано и въ дѣтяхъ обнаруживаются признаки общей намъ прирожденной грѣховности. Извѣстно замѣчаніе блаженнаго Августина о двухъ близнецахъ: когда одно дитя мать клала къ своей груди, въ глазахъ другого уже искрились гнѣвъ и зависть... Видавшіе близко дѣтей знаютъ, какъ рано у нихъ начинаютъ проявляться и эгоизмъ, и жадность, и упрямство, и непослушаніе, и своеправіе,

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

и прихотливость. Нельзя запускать этихъ плевель на нивѣ Божіей. Надобно останавливать, сдерживать эти проявленія грѣховности въ дѣтяхъ, пока они еще нѣжны и впечатлительны. Съ другой стороны, самыя раннія внушенія особенно дѣйственны и остаются на всю жизнь. „Не бросай хлѣба на полъ! Хлѣбъ даръ Божій!“ сказала мнѣ моя мать въ младенчествѣ, и теперь каждый разъ, какъ нечаянно случится уронить крошку, говорилъ о себѣ этотъ ребенокъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывший маститымъ старцемъ, я спѣшу поднять ее: мнѣ помнится слово матери! — „Не выходи изъ церкви ранѣе благословенія Господня“, сказала простая мать крестьянка своему ребенку. Разумѣлось то благословеніе, которое преподаетъ священникъ именемъ Господнимъ въ концѣ литургіи. Ребенокъ этотъ сдѣлался впоследствии однимъ изъ первыхъ богатей большого города. И онъ твердо хранилъ слово матери. Примѣръ неразумныхъ, уходившихъ отъ проповѣди, иногда и усталость, и сосѣдъ, стоящій подлѣ, и торговое дѣло—побуждали его выдти изъ церкви равнѣ окончанія службы; но онъ не смѣетъ двинуться съ мѣста и ждетъ конца. Такіе завѣты были его охраною въ пору и другихъ соблазновъ и искушеній.

Какъ надобно внушать страхъ Божій!

Прежде всего должно сказать, что это слишкомъ важное дѣло, чтобы совершать его какъ либо легкомысленно. Это слишкомъ цѣнное сокровище, чтобы можно было терять его даромъ...

Во вторыхъ—никогда не должно опускать изъ вида, что страхъ Божій очищаетъ въ сердцѣ мѣсто для любви, чтобы потомъ съ нею соединиться навѣкъ. Посему внушеніе страха Божія должно дѣлать безъ всякаго раз-

драженія и гнѣва, но съ любовію и даже съ нѣкоторымъ особеннымъ усиленіемъ любви, чтобы дитя чувствовало и понимало, что это внушеніе дѣлается ради его блага, съ самымъ добрымъ намѣреніемъ и отъ искренней сердечной любви къ нему. *Бойся Бога, сыне, и Царя и ни единому же ихъ противися* (Притч. 24, 21). Это нѣжное слово „сыне“ выражаетъ къ назидаемому любовь и радѣніе о его благѣ. *Приидите, чада* взываетъ пророкъ Давидъ, *послушайте мене, страху Господню научу васъ*. (Пс. 33, 12). Господь Иисусъ Христосъ предъ внушеніемъ ученикамъ страха Божія, который одинъ только можетъ предохранить ихъ отъ страха смерти, обращается къ нимъ съ особеннымъ привѣтствіемъ любви: *Глаголю вамъ другомъ моимъ, не убойтесь отъ убивающихъ тѣло*, и. т. д.

Часто говорятъ дѣтямъ: „Богъ тебя накажетъ, Богъ тебя убьетъ“. Это не есть внушеніе страха Божія, или внушеніе его самое неразумное. Въ этихъ словахъ выражается въ большей части случаевъ гнѣвливость, раздражительность, нетерпѣніе, отсутствіе благоговѣнія и страха Божія. Лѣнятся, какъ слѣдуетъ, растолковать дитяти неразумность его поступка, вотъ и застрачиваютъ его именемъ Божіимъ. И въ дѣтяхъ такія неразумныя прещенія раждаютъ тѣ же чувства раздражительности, гнѣвливости, неуваженія... Нѣтъ!—внушенія страха Божія должны быть дѣлаемы со страхомъ и благоговѣніемъ и непремѣнно въ духѣ любви. Если иногда и должно возвысить голосъ гнѣва, чтобы обличить дерзость и нечестіе, сокрушить упрямство, то этотъ гнѣвъ долженъ быть не иной, какъ праведный, способный сейчасъ же перейти въ увѣщаніе и моленіе любви... *Горе вамъ книжники и фарисеи*, говорилъ Спаситель нашъ, но какими трогательными словами любви смѣняется эта грозная облич-

гельная рѣчь: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, какъ часто восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крыль, и не восхотѣсте...*

Въ третьихъ, должно помнить, что страхъ Божій не есть голое чувство, но религиозно-нравственная сила, дѣйствующая на всѣ силы и расположенія нашей души и заправляющая нашею жизнью. Посему и внушеніе страха Господня не можетъ ограничиваться только отрывочными воззваніями: „бойся Бога“, а требуется продолжительное или даже постоянное воздѣйствіе на дѣтей, со стороны родителей ли, наставниковъ ли, въ духѣ его, и не только словесными наставленіями и внушеніемъ добрыхъ, соотвѣтственныхъ страху Господню, мыслей, чувствъ и расположеній, но прежде и болѣе всего примѣромъ жизни. Посему долженъ быть искренній и глубокій страхъ Божій въ самомъ внушающемъ, который бы не столько выражался словами, сколько чувствовался сердцемъ научаемаго. Нуженъ научаемому добрый примѣръ истинно христіанской жизни и притомъ не одного только того лица, отъ котораго идутъ внушенія страха Божія, но и всей окружающей ребенка или отрока среды, чтобы онъ кругомъ себя видѣлъ, что эти добрыя и благочестивыя слова, которыя онъ слышитъ примѣрно отъ матери, отъ священника, отъ учителя,—не только слова, но и дѣло, и сіи христіанскія убѣжденія, которыя внушаются ему, не только искренни, но и лежатъ въ основѣ жизни тѣхъ, которыя полагаютъ долгомъ внушать ихъ ему.

Богодуховенный учитель страха Господня.

Слово Божіе, заповѣдая намъ внушать страхъ Божій, не оставляетъ насъ безъ наставленій и руководства и

въ томъ, какъ должно дѣлать сіи внушенія. Въ священной книгѣ царя Давида есть цѣлый псаломъ (33-й), изъ котораго приведены эти трогательныя слова: *приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.* Излившійся изъ глубины души пророка псаломъ сей удивительно согласованъ въ цѣломъ и частностяхъ. Наученіе страху Господню—это главная мысль псалма. Указанныя слова, стоя въ срединѣ псалма, дѣлать его на двѣ почти равныя части. До этихъ словъ раскрывается по преимуществу, въ какомъ духѣ должно внушать дѣтямъ страхъ Божій, послѣ нихъ—что именно, какія мысли и желанія и расположенія должно внушать имъ. Этотъ псаломъ по преимуществу для насъ руководительный. Посему церковь постановила читать его ежедневно и притомъ въ самомъ концѣ литургіи, чтобы священныя наставленія его въ особенности нами, запоминались, глубже и глубже входили въ сердца, ложились въ основу нашей жизни. И какъ хорошо это дѣлалось прежде, дѣлается и теперь, вѣроятно, тамъ въ дальнихъ уголкахъ: никто ранѣе обѣдни не осмѣлится ни ѣсть, ни пить; предъ концомъ литургіи чинно и медленно совершается раздаяніе частицъ антидора, и вотъ въ эти-то минуты чтець медленно произноситъ, точно печатаетъ, каждое слово псалма, и оно врѣзывается и въ память, и въ умъ, и въ сердце слушающихъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что совершеннаго таинственнаго священнодѣйствія.

Что же именно внушаетъ намъ 33-й псаломъ?

Съ свѣтлымъ, радостнымъ лицомъ учитель страха Господня, богодуховенный пѣвецъ восходитъ на свою высокую и прославленную кафедру. Радость сія возбуж-

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

дається воспоминанієм о милости Божіей, оказанной пророку въ избавленіи отъ крайней бѣды, и изливается въ ставословіи: *Благословлю Господа на всякое время, выну слова Его во устнѣхъ моихъ. О Господь похвалится душа моя. Да услышатъ кротцыи и возвеселятся. Возвемчтите Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ... Вкусите и видите, яко благъ Господь. Блаженъ мужъ, иже уповаеть на нѣ. Все это—выраженія духовно-радостнаго и умиленнаго настроенія духа и искреннѣйшихъ убѣжденій пророка: онъ преисполненъ живѣйшей благодарности къ Богу-Спасителю и призываетъ всѣхъ раздѣлить его радость и сдѣлаться участниками милостей Божіихъ... Такъ радостно настроенный, преисполненный чувствъ любви и духовнаго общенія въ дарахъ благодатныхъ, засимъ уже пророкъ приступаетъ съ самому наученію страху Господню. Вотъ эти наставленія: *Кто есть человекъ, хотяй животъ, любяи дни видѣти благи: удержи языкъ твой отъ зла и устнѣ твои, еже не глаголати лъсти: уклонися отъ зла и сотвори благо, възвщи мира и поженн и. Очи Господни на праведныя, лице же Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ* и т. д. до конца.*

Подробное объясненіе сихъ словъ слишкомъ далеко завело бы насъ. Желаящимъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ многопоучительнаго псалма, могу указать на превосходное, полное духовнаго назиданія, объясненіе его, составленное преосвященнымъ епископомъ Теофаномъ, этимъ учителемъ-подвижникомъ нашего мятущагося вѣка. Укажу только главныя мысли.

„Приступая къ внушенію страха Божія, пророкъ ударяетъ въ струну самую нѣжную и чувствительную. Кто не хочетъ жизни счастливою и дней благихъ? О чемъ-же всѣ заботы, и къ чему всѣ труды? Но не всѣ

истинно понимаютъ, въ чемъ счастье и какъ его достигнуть. Научись же, какъ жить на землѣ возможно счастливою жизнію: не злорѣчь, не лъсти, не лукавь, не вреди никому, дѣлай всякому добро, сколько и какъ можешь, живи со всѣми мирно: и будешь покоенъ, уважаемъ, любимъ и будешь видѣть дни благіе и жить, радуясь жизни“. Святой Давидъ не изображаетъ здѣсь всей системы дѣлъ, въ которыхъ выражается богобоязненность, а беретъ изъ нихъ только тѣ, которыя на каждомъ почти шагу приложимы къ сношеніямъ людей между собою, въ той мысли, по изъясненію преосвященнаго Теофана, что если кто будетъ держать себя исправно въ этихъ дѣлахъ, то несомнѣнно будетъ исправенъ и во всемъ прочемъ. Это — мудрая постепенность въ наученіи добру: — не сразу должно погружать дѣтей въ глубины мудрости и тайновѣднія, пусть ребенокъ строго упорядочитъ свое поведеніе въ ближайшемъ своемъ кругу, затѣмъ онъ самъ встанетъ на ноги и пойдетъ далѣе. Все сказанное доселѣ, по слову того же преосвященнаго изъяснителя псалма, представляетъ „практику страха Божія“.

Изобразивъ, какъ должно жить въ страхъ Божіемъ, пророкъ указываетъ плоды жизни богобоязненной:— особенное Божіе благоволеніе къ боящимся Его и скороуслышаніе ихъ въ молитвѣ:— *Очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ*;— особенную близость Бога къ боящимся Его и утѣшеніе въ скорбяхъ и избавленіе отъ сихъ скорбей: — *Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ. Многи скорби праведныхъ и отъ встѣхъ ихъ избавитъ я Господь*;— особенное благоволеніе Господне въ минуту смерти и по смерти: *Хранитъ Господь вся кости ихъ и ни една отъ нихъ сокрушится*. Общее

Подготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семинарії
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

заключеніе псалма: *избавитъ Господь души рабъ своихъ и не прерышатъ* (не ошибутся, ничего не потеряютъ) *вси уповающи на Него*.

Съ свѣтлымъ лицомъ, съ сердцемъ, преисполненнымъ мира и любви, Богодуховенный пѣвецъ учитъ страху Господню; но наставленія сіи строги и важны, особенно противуположенія: „*лице же Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ, смерть грѣшниковъ люта*“... Въ объясненіе сихъ словъ почитаю не излишнимъ припомнить и сужденіе одного мудраго и многоопытнаго старца, стоявшаго на высотѣ служенія церкви, память коего—съ великими похвалами, сужденіе, которое онъ, по глубокому своему смиренію, благоволилъ подтвердить даже своимъ собственнымъ примѣромъ. „Нужно, говорилъ онъ, больше сдерживать дѣтей внушеніемъ страха Божія, чѣмъ распускать ихъ словами о милости и всепрощеніи. Грѣховная воля наша готова воспользоваться малѣйшей поблажкою... Сейчасъ человѣкъ не утвержденный, какъ слѣдуетъ, въ добрѣ готовъ позволить себѣ чрезмѣрное упованіе на милосердіе Божіе“. При этомъ онъ сказалъ: „Мать моя и всѣ окружавшіе меня въ семействѣ съ первыхъ дней, благодареніе Господу, внушили мнѣ страхъ Божій. И этотъ страхъ былъ для меня весьма благотворенъ: я боялся грѣшить; когда случалось нарушить какую либо заповѣдь, я чувствовалъ въ себѣ и стыдъ, и смущеніе великое... Помню, въ отрочествѣ моемъ, нѣкто сказалъ: „бойся безъ страха, а съ любовію“. У меня сейчасъ что-то какъ-бы отлегло отъ сердца... Я сталъ менѣ бояться. Рано и не хорошо это было сказано“, прибавилъ старецъ святитель къ своему разсказу.

Кто долженъ внушать дѣтямъ страхъ Божій?

Если страхъ Божій внушать должно съ самыхъ первыхъ лѣтъ, то мѣстомъ воспитанія въ этомъ страхѣ должна быть прежде всего семья. Такъ какъ съ другой стороны, мать есть самое близкое существо къ дитяти, и ей дано по преимуществу это нѣжное и сильное чувство любви, которой въ особенности покоряется сердце ребенка, то мать издревле почиталась первою наставницею страха Божія и вмѣстѣ съ нимъ всего добраго для своего дитяти. Для того и данъ ей этотъ неистощимый запасъ любви, для того и поставлено дитя въ столь близкія къ ней отношенія, чтобы она пользовалась этимъ могучимъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ, средствомъ для благоустроенія счастья своего дитяти не въ этой только временной жизни, но и во всей безконечной вѣчности. Природа назначила, чтобы тѣлесная жизнь ребенка начиналась непосредственно отъ жизни матери. Природа же или, вѣрнѣе, самъ Господь Богъ опредѣлилъ, чтобы духовная жизнь его начиналась и укрѣплялась изъ сердца матери. „Откуда ты знаешь, что Богъ единъ?“ спросилъ во время гоненій одинъ изъ судей язычниковъ христіанскаго отрока. „Этому научила меня мать моя, отвѣчалъ отрокъ. Когда я качался въ колыбели и сосалъ грудь ея, тогда еще она научила вѣровать во Христа“. Святая Макрина, сестра святителя Василія Векикаго, вспоминая о своемъ дѣтствѣ, говорила, что мать часто сажала ее на свои колѣна и заставляла слабымъ и лепечущимъ языкомъ произносить сладчайшее имя Господа. „Ты рожденъ у меня по моимъ молитвамъ; о томъ и теперь молюсь, чтобы ты былъ совершенъ“, говорила часто одна мать своему дитяти. Кто это дитя?

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>